Константин Устинов

Сказание о Шабале бен Суффреме

Ульяновск
2020

ББК 84
У 74

Устинов Константин
У 74 Сказание о Шабале бен Суффреме. — Ульяновск. 2020.

Сказание о Шабале бен Суффреме, придворном поэте царя Сол-Амона, ставшем Секхемом, фараоном Египта.

ISBN 978-5-98585-129-8

Редактор: Е. Конева
Компьютерный набор:
М. Куротопова, Г. Никонова
Обложка, работа с типографией:
В. Потапенков

Сайт http://znakisveta.ru
Электронный адрес
Владимира Алексеевича Павлюшина
pvl24@yandex.ru

© В. Павлюшин, текст, 2020

Оглавление

Шабал 7
Песнь Песней 7
Святилище огня 14
Встреча с царевичем Сол-Амоном 24
Встреча с Амоном 27
Путешествие под воду 30
Встреча с Ариси 33
Беседы на корабле 39
Воцарение Сол-Амона 44
Жизнь во дворце 47
Камень 50
Имя Старца 56
Храм Господа 58
Перстень Силы 60
Поход за Шамиром 63
Встреча с Аскером 71
В землях Хирама Тирского 75
Оазис 83
Усмирение бури 86
Маалюль 90
Посвящение в Братство Огня 93
Наставления Старца 95

Встреча с Садром 101
На пути к замку Горного Духа 102
Встреча с Шадом 108
Подарок Шада 115
Прибытие Шабала во дворец 118
Возвращение к дворцовой жизни 121
Работа Шамира 128
Надпись на изумруде 135
Полет на ковре 137
Молитва на вершине горы 143
Общение с кристаллом 144
Открытие новых истин 148
Свет Мудрости 151
Прибытие Аскера и Садра 158
Подземелья 162
Встреча с Рахой 165
Перенос древнего Алтаря 174
Царица Иялуру 178
Наследник престола Кеми 184
Подготовка к путешествию 196
Путешествие по пустыне 201
Опыты Садра 207
Маленький оазис 210
Дервиш 215
Встреча в пустыне 220
Поиски царевича 223
Посещение подземного храма 226
Путешествие вдоль Нила 233

Время наблюдений и раздумий 237
Монстры 243
Странствующий пророк 245
Фивы 250
Нагмануш 258
Священный остров 262
Мистерия 266
Секхем 272
Колдун 272
Прощание с сестрой 275
Путешествие в Фивы 277
Сокровищница правителей Кеми 280
Хранители сокровищ 282
Мысли колдуна 285
Подтверждение права на власть 287
Подготовка к битве 289
Сражение 293
Решение проблем страны 299
Дар Бога Ра 301
Астральная труба 304
События в Иудее 309
События в Кеми 314
Дар голографичного зрения 317
Путешествие Ариси 319
Ожидание неведомого 321
Встреча старых друзей 323
Подарок царя Иудеи 326
Солнечное венчание 327

Мистерия в Аль-Горабе 329
Радость Мира 332

Шабал

Песнь Песней

Ночь принесла прохладу. Но камни дворца, нагретые южным солнцем, нехотя отдавали свой жар. Лиловые занавеси шевелились от потянувшего с севера морского ветра, смахнув со стола папирусные листы, исписанные ровным каллиграфическим почерком. На каменном столе, сделанном из белого, как снег, мрамора, стояла чернильница. А тростниковое перо держал в руках юноша Шабал, которому самим Владыкой поручено было сочинить любовное послание.

Он был скромен, сын Суффрема, попавший во дворец Властителя Востока совсем случайно. Его родиной была далекая Сирия, где на самом севере тянулась красивая горная гряда, на склонах которой росли виноград, гранаты и финики, не говоря уже о яблоках и грушах.

Дом родителей стоял в горах, около бегущего ручья, задней стеной прикрепленный к скале, где хранились запасы семьи и куда уходил таинственный подземный лабиринт со ступенями и сводами. Отец потом заложил его кладкой из опасения, что кто-то может оттуда появиться, да и по причине леденящего ветра, которым постоянно оттуда тянуло. Горный сквозняк прекратился, как только были заложены своды почти в три метра высотой. И рядом с этой кладкой, сбоку от кладовки, была приделана маленькая комната для Шабала, что было редкостью в ту эпоху, где Шам рисовал, учился слагать стихи и читал свитки, которые отец, купец средней руки, привозил из дальних стран.

Школа была внизу. И Шабал учился успешно, схватывая на лету то, что ему было интересным. Имея острый ум, он быстро освоил несколько языков, в том числе греческий, да так, что мог читать и понимать свитки, которые брал у учителя.

Однажды отец привез из поездки странную тетрадь, листы которой были склеены то ли из папируса, то ли из пальмовых листьев. А склад записанной в ней речи поразил Шабала необычайной певучестью, и даже музыкальностью. Это было похоже на звон ручья и пение ветров в цветущих гранатах, на голос капель дождя, улетающего вниз с крыши.

Он спросил у отца, что же это может быть? И Суффрем, умудренный, но еще не старый человек, ответил ему:

— Это стих, сынок!

Томительные строки как будто заглядывали в сердце Шабала и навевали предчувствие неведомых состояний, испытать которые ему еще предстояло, и не в одной жизни.

Аромат цветущего сада заставил все это вспомнить. Сквозь колеблющийся свет лампы Шабал видел пляшущие тени от движения своей руки. И он писал и писал, складывая слова в кружевную вязь любовного послания. Но как можно было писать о том, чего он еще не знал?

Шорох шагов уловил его тонкий слух. Из-за занавесок вышел сам великолепный Сол-Амон, дышащий благовониями, тонкими и едва заметными.

Шабал склонился низко и произнес:

— Повелитель! Ты благоухаешь, как цветущий сад. Я было принял аромат приближающегося царя за цветущую рощу возле Кедрона.

Царь усмехнулся одобрительно и спросил:

— Дорогой друг мой, Шабал, ты написал послание?

— Повелитель! Я не смею тебя просить. И ты прости недостойного раба... — Шабал замялся в нерешительности, говорить это Владыке Мира или нет. — Но прежде позволь увидеть ту, которой нужно адресовать это послание. Это, наверное, дочь фараона? Я не смею

просить войти в твой гарем, но мне нужно понять... — не договорил он.

Царь ответил:

— Нет ничего проще. Не нужно входить в мой гарем, что законом запрещено, как ты знаешь, и карается смертью. Но здесь дело тонкое. Если ты умеешь хранить тайну, я тебе покажу Суламифь, возлюбленную мою. И она простого рода. Я приглашу тебя совершить прогулку — и ты сам все увидишь. Не отчаивайся, друг мой. Вдохновение придет, как только ты поймешь, о ком я говорю.

Речь Владыки была спокойна и наполнена таким вдохновением и чувством, что у Шама закружилась на мгновение голова. А когда он очнулся, царя Сол-Амона уже не было в его комнате.

Запахи навевали сон. Запахи несли видения. А башня, в которой он жил, открывала вид на дальнее море и северные горы. А южное небо, казалось, было не вверху, а вокруг его жилища, словно паря над землей, над благословенной землей Ханаанской.

Свет был погашен. А тонкий шелк его постели успокоил мысли.

———————————————

Погулять с царем, да еще и инкогнито, — это возбуждало Шабала так глубоко, что он не мог сдержать волнения. И ожидание просто истощало его, словно он предчувствовал какое-то важнейшее в жизни событие, о котором знал заранее.

Но у Владыки не спросишь. Ему не прикажешь. Шабал знал, какую ношу власти несет на себе его Господин, некогда спасший его от гибели, приблизивший и сделавший своим другом, доверяя ему сердечные тайны.

Присутствуя во дворце на царских приемах и судах и наблюдая за Владыкой со стороны также и в те дни, когда строился Великий Храм и разбирались постройки древнего святилища, стоявшего на горе, Шабал понимал, что это не просто человек, это Бог во плоти, судя по той красоте, которую он источал.

Царь не терпел бездарных советов и предложений, но достойные ценил так щедро, что трудно было себе представить. За понравившееся ему стихотворение он повелевал набить автору полный рот драгоценными камнями или жемчужинами. Однажды Шам даже проглотил одну из них, не выдержав, когда казначей наполнял его вместилище для еды. И, конечно же, это была еще малая плата за удивительное красноречие, истекавшее медом созвучий.

Был у Шама и ярый завистник, который постоянно при всех старался его высмеять и унизить. Это был жрец одной из принцесс, поклонявшийся то ли Ваалу, то ли еще какому-то зловещему божеству. Жертвы крови были запрещены при дворе, но они приносились в скрытых убежищах в горах.

Звали этого жреца Пасседваном. По дворцу тихим шепотом шла молва, что послан он был с тайной миссией похитить какую-то драгоценную вещь, о которой мало что понимал кто-либо. Но речь шла о каком-то Камне, часть которого была вправлена в перстень царя и которому, по слухам, подчинялись духи стихий. Тень Уроил-Зены, духа воздуха, некоторые видели в покоях царя, где хранился ларец с Великим Камнем, с которым ему не хотелось расставаться даже ночью. Говорили, что сила благоденствия страны зависит от того, присутствует ли Камень в столице этого государства.

Шам ждал, но не изнывал. Ему помнились уроки отца. Тот никогда не терял времени.

———————————————

Шабал ждал, вслушиваясь в каждый шорох, летящий снизу, из глубин винтовой лестницы, поднимающейся в его башню. В окно ветер доносил запах царского сада, цветущего вокруг дворца. Аромат был упоителен. И как человек, подверженный глубокому размышлению и мечтаниям, Шам легко отключился, теряя чувство реальности.

Очнувшись от грез, он ощутил смутное присутствие посторонней энергии запахов. Кто-то поднимался в его

келью, но не Владыка. Шам мог определить звук его шагов среди многих других по особой легкости поступи, словно это был не шаг, а взмах орлиных крыльев или мягкая поступь льва пустыни по песку. Походка, как и сопровождающее ее звуковое окружение, всегда уникальна для каждого человека. Слепые безошибочно узнают любого по шуму шагов, как глухие — каждое слово по шевелению губ.

В покои поднялся молодой слуга из свиты царя и, едва сдерживая сбившееся от подъема по лестнице дыхание, сообщил торжественно:

— Повелитель приглашает вас к себе, — и быстро ушел.

Шам легко сбежал вниз, пройдя через площадь, мощенную камнями разобранного древнего храма, стоявшего на этом месте. Кое-где на камнях можно было различить орнамент и какие-то диковинные значки, сложенные в строки. Наверное, это были буквы, полустертые, но все же достаточно заметные и врезанные глубоко в камень.

Стража знала Шабала. Да и кто не знал этого юного поэта, высокого и худощавого, похожего на египетского фараона? За это царь и полюбил его самого и его способность сплетать слова в такое сладкозвучное кружево представлений, в котором образы и музыка чувств сливались в невероятном потоке передачи другим глубоких внутренних состояний человека, открывающего свой мир и делящегося щедро, от полноты сердца своей искренностью, словно признаваясь в любви всему человечеству.

———————————————

— Входи, Шабал! Я уже почти готов. Осталось каким-то образом обмануть слуг, — улыбаясь, произнес Сол-Амон, устремивши взор на Шама.

И тот вдруг отметил, что у Владыки не черные, как уголь, глаза, а глубокие темно-синие, как у дорогих сапфиров, которые когда-то привозил отец из дальних своих странствий.

Закутавшись в темную шелковую накидку, царь поманил за собой поэта. И они вышли из дворца через низкую потайную дверь, которая выходила за городские стены и о которой знали только близкие доверенные лица. А ключ всегда находился в покоях царя, под его изголовьем, где хранился и ларец с великим Камнем Силы.

Снаружи дверь стены была прикрыта колючими кустами терновника. И когда Шам выходил вслед за Владыкой, он зацепился одеждой и чуть было не порвал свой хитон.

Было раннее утро. И легкий туман стелился вдоль Кедрона. Вниз уходили виноградники, на которых стояли бедные хижины и каменные дома с плоскими крышами.

Тропинка от крепостных стен уходила вниз. Две высокие фигуры неспешно спускались, теряясь из вида. И, лишь обернувшись, Шабал увидел, как с крыши его башни вспорхнули голуби, растворившись в небе. Он забыл их покормить в спешке. Голуби были почти ручные, залетая к нему в жилище, после того как склевывали крошки с каменного подоконника.

Царь шел уже быстро. И Шам едва поспевал за ним. Сандалии все время сползали вниз, а пальцы вылезали из переднего отверстия. Дойдя до оливкового сада, царь остановился и дал знак рукой с обережным перстнем, подняв палец вверх.

Издалека была слышна тихая песня. Голос был чистый и чарующий. Пела ее юная девушка, которую не было видно. Но звук уже доносился с ароматным ветром, идущим откуда-то снизу.

Далеко, на поляне, можно было различить домик, очень аккуратный и ухоженный. К нему и шла показавшаяся девушка, неся кувшин с водой и тихо напевая.

— Я давно за нею наблюдаю. И она меня пока не заметила. Но мое сердце уже утонуло в ее прелести, — промолвил царь.

— Владыка! Зачем тебе я, если ты умеешь так красиво выражать свои чувства? Ты поэт!

— Когда-нибудь попытаюсь. Ты же знаешь тяжесть власти, хотя и не испытал ее. Огонь любви воспламеняет

вдохновение, которое само подсказывает слова. Давай вместе попробуем. И пусть знатоки отличат, где твои стихи, а где мои.

— Владыка! Это для меня честь, но я не достоин такого доверия.

— Ты слишком чист и неискушен и часто недооцениваешь себя и сомневаешься. Дар уверенности нужно принять. Посмотри, стоит ли эта девушка моего внимания, на твой вкус, и стоит ли тратить время на мои тайные походы? Я спрашиваю тебя, Шабал бен Суффрем, хороша ли она?

— Я никогда не сомневался в твоем умении оценивать людей, Владыка, даже когда ты их еще не видел. А это удивительное, дивное создание, подаренное небом и живущее в такой бедной хижине. Она не просто хороша. Она совершенна. И никакая принцесса гарема, какой бы она ни была прекрасной, не может сравниться с ней. Природная красота как выражение всех лучших качеств дочерей израилевых выражена в ней. Да простит меня Владыка за смелость, но редкий мужчина останется равнодушным, — тихо-тихо говорил Шабал, зная, что у Повелителя очень тонкий слух и что он не будет переспрашивать.

— Пойдем, друг мой! Ты увидел бриллиант моей души и оценил его верно. Это не подделка. Ну, теперь твои глаза видели, а уши слышали, и тебе хватит сил справиться с чувствами. Возвращаемся, — ответил Сол-Амон, — нас ждут дела, и немаловажные.

Они поднялись к стенам дворца и открыли потайную дверь. Чтобы войти в нее, нужно было наклониться. И Шабал даже слегка ударился головой, перед тем как пройти толстый свод стены.

Почти никто не заметил их отсутствия. А Шам легко, почти паря под впечатлением от увиденного, взбежал в свое жилище и загорелся чувством. Как и царь, он влюбился. Так и родилась «Песнь Песней» царя Сол-Амона.

Святилище огня

Шам вспоминал часто о своей юности и о том, что его комната в верхнем этаже дома состояла из пещеры с заложенным кладкой входом в какой-то лабиринт, о котором отец не любил говорить. И это мучило юношу таким напряжением недоступной тайны, что, не находя ответа, он решил однажды попробовать разобрать часть камней, чтобы ему, подростку с тонким и гибким телом, можно было заглянуть, а то и пролезть, в проход, чтобы удовлетворить свое любопытство и посмотреть, что же там сокрыто. Тем более что иногда ночью, во время сна, он слышал какой-то тонкий отдаленный шум, доносящийся откуда-то из глубины горы.

Кладка была крепкой, но глина, которой были скреплены камни, поддавалась легко. И спустя некоторое время Шам сумел проделать сквозное отверстие в пустоту, которая зияла тьмой. И легкий земляной сквозняк потянул оттуда, донося необычные тонкие ароматы — то ли это камни имели такой запах, или это пахла сухая благовонная трава, которую отец срывал в горах и приносил домой. Но более всего этот аромат напоминал можжевеловую живицу, которая стекала со сломанных веток и застывала, превращаясь в тугие шарики смолы.

Чтобы не было заметно, что около пола есть дыра, Шам заложил назад вынутые из стены камни и отложил свои исследования до того времени, когда отец отправится в очередную поездку, а мать уйдет работать в поле. Ему, как подающему надежды в учении и освоении языков, истории и стихосложения, родители не докучали обязанностями что-то делать по дому или в саду, а тем более в поле. Дома всегда было достаточное количество работников. А дверь в его комнату была постоянно запертой, чтобы никто не мешал заниматься

и чтобы не был обнаружен проход, который он расширил до величины отверстия, в которое легко пролезал.

Шам переставил туда свой стол, а под ним положил стопку книг, чтобы служанка, которая убирала его комнату, ничего не заметила. К счастью, она никогда не трогала книги и свитки, потому что боялась к ним прикасаться, считая, что в них живут говорящие духи. И юноше это было хорошо известно. Такое добровольное табу служанка наложила на себя, когда увидела, как Шам смотрит в раскрытую книгу и каким-то чужим голосом повторяет загадочные и непонятные слова на незнакомом языке. Она посчитала, что духи, вселившись в юношу, заставляют его говорить не свойственным ему голосом. Как бы там ни было, но это заблуждение нужно было использовать.

———————————————

Долина у отрога северных гор утопала в цвету. Плодовые деревья заполняли все видимое пространство. А виноград оплетал даже камни и залезал к Шаму в окно. Одну виноградную плеть он осторожно направил рядом с проемом. И по утрам зеленые листья приветливо встречали солнечный луч. А когда виноград зацветал, вся комната наполнялась запахом цветов, которые позднее становились налитыми солнцем лилово-фиолетовыми гроздьями. Их можно было срывать и есть, не спускаясь вниз, в помещение, где были покои родителей и кухня. Отцовская келья была ниже его комнаты и чуть в стороне, отделенная лестницей, вырубленной в горе.

———————————————

Через некоторое время отец собрался в дальний путь, пообещав, что в следующий раз он обязательно возьмет Шама с собой. Шаму как юноше были интересны странствия. И не только перемена мест его занимала. Он вглядывался в лица людей на базарах и удивлялся, насколько они не были похожи на жителей Сирии. Одни были черны лицом, хотя и красивы. А другие были белы, синеглазы и имели волосы пшеничного или светло-русого

цвета. Их лица были розовы, с едва уловимым загаром. Все в них выдавало северян, живущих в холодных странах, где по полгода лежат снега и лед сковывает реки. Шам знал об этом из рассказов отца, который как купец бывал в тех странах. Там было холодно очень долго, а порой ночь длилась дольше дня.

Попрощавшись с отцом и попросив его привезти из дальних стран что-нибудь из диковинных книг, а еще лучше — учебники философского толка, и даже по медицине и астрологии, Шам заперся в своей комнате и зажег светильник. Разобрав камни, он просунул светильник в отверстие и пролез туда сам.

За стеной была площадка наподобие порога, вниз от которой шли ступени, очень высокие и широкие. Шаму с трудом приходилось спускаться по ним. Одна лестница, более узкая, шла наверх, а пошире — вниз.

Светильник тускло освещал ступени и узкие стены, уходящие вверх и где-то там образующие стрельчатый свод. А Шам шел вниз, почти спрыгивая с каждой ступени, которые сделаны были словно для великанов. Любопытство превозмогало страх. И он все шел и шел, почти не опасаясь за свою жизнь, что всегда свойственно юному возрасту, следуя изречению: «Маленький теленок тигра не боится», — потому что нет соответствующего опыта.

Проход начал расширяться. И шарканье шагов уходило куда-то выше, где звук угасал, словно растворяясь в высоком и огромном пространстве. Где-то запела струя ручья. И Шаму это показалось спасением, потому что он был мучим жаждой. Проще говоря, он не то что забыл, а даже не подумал о том, что ему нужна будет вода.

Ручеек бил из скалы совсем тонкой струйкой. Но этого было достаточно, чтобы подставленная ладонь наполнилась почти ледяной влагой. Хватило трех пригоршней, чтобы утолить жажду.

Такого приключения Шам не испытывал никогда. Здесь были опасность, страх и жгучая тайна, ведущая в глубь горы.

Воздух тянуло снизу. И он не был спертым и душным. Веял легкий ветерок. А это означало, что где-то внизу был выход, значительная шахта или трещина.

Присев, чтобы отдохнуть, на холодную ступень, Шам заметил едва уловимый проблеск света. И чтобы удостовериться в том, так ли это или это ему показалось, он погасил светильник, хотя знал, что зажечь фитиль будет невозможно, потому что с ним не было ни кремня, ни кресала: он взял его уже зажженным. Обычно светильник зажигала служанка, а он лишь гасил, когда отправлялся спать, или оставлял его на ночь по той причине, что в комнате были окна, повернутые на север, и света не хватало.

Впереди, в подземелье, был виден свет. Поставив загашенный светильник на ступени, Шам пошел на далекое и бледное сияние.

———————————————

Ступени стали меньше и уже и повернули в правую сторону. Свет становился ярче, обозначая рельефные изображения на стенах и сопровождаясь тонким дыханием благовоний.

Когда ступени кончились, обнаружилась маленькая сводчатая дверь, которая была приоткрыта. А перед ней находилась большая площадка в виде квадратной комнаты, очень напоминавшей его собственную наверху, только без окон. Свет шел уже густым, насыщенным лучом от какого-то мощного источника.

Осторожно и чуть дыша Шам подошел к двери и заглянул в нее так, чтобы его не заметил кто-то неведомый. За дверью он увидел громадную круглую пещеру, посредине которой на высоком подиуме горел огонь. Углубление в камне напоминало огромную чашу. Но горели не дрова или уголь, а что-то наподобие ароматной жидкости, дающей постоянную подпитку пламени и не выгорающей до конца. Это был знаменитый вечный огонь гербов, или огнепоклонников. А пещера служила тайным храмом последователей Заратуштры.

Шам осторожно вошел внутрь. Помещение было пусто. Но где-то на другой стороне пещеры было открыто окно, через которое видно было синее небо.

———————————————

Обойдя пещеру по кругу, Шам обнаружил еще несколько окон, из которых его родная долина казалась еще прекраснее. А на стенах были высечены изображения существа, которое представляло наполовину человека, но вместо ног у него были распростертые крылья. Шам слышал о верованиях огнепоклонников, которых многие из иудеев именовали фарисеями, то есть происходящими из Персии.

Он любовался диковинными образами и не заметил, как пришел вечер. А огонь, это вечное пламя в центре громадного круглого зала, горел и горел. И Шаму не хотелось покидать это место. Но домашние могли заподозрить неладное. И, глубоко вздохнув, он направился назад, обещая, что сюда обязательно вернется.

Оставив дверь к ступенькам полуприкрытой, Шам начал подниматься и, споткнувшись о светильник, взял его с собой, хотя тот уже не горел. И почти в полной тьме, поднимаясь тяжело, он снова оказался в своей комнате, обуреваемый вихрем разных мыслей, подогреваемых ярким воображением. Есть совсем не хотелось. Интерес к тому месту, которое он посетил, превосходил голод и жажду.

———————————————

Шам выслушал рассказ отца, когда тот возвратился из своего странствия, о том, как он попал в чудесный и богатый город, где жили их соплеменники. Сколько же чудес и дивных вещей он увидел, с восхищением рассказывая об этом!

Сыну он привез необычайный свиток с изображением той земли и страны, с указанием дорог, рек и гор, и даже домов для приюта странников. Это была живописная карта, нарисованная давным-давно. А на рынке купец приобрел ее по цене куска кожи.

Язык карты был не похож на тот, которым они пользовались. Но Шам видел подобные знаки у знакомого мальчика, живущего по соседству. Его семья была армянами. А Сирия во времена древние входила в их империю.

Шама поразила величественная гора, на которой возвышался древний храм, больше похожий на неприступную крепость. Именовалась она горой Мории. А почему — этого никто не знал: ведь в наименованиях древних всегда сокрыта тайна. Но кто-то упоминал о том, что земли эти некогда, до прихода в Ханаан израильтян, принадлежали древнейшему роду вождей человечества.

———————————————

Шама одолевала мысль: «Неужели храм пуст и никто его не посещает? И откуда же тогда по ночам слышится грохот отдаленного бубна и тонкий звук свирели? Для кого же создан этот оазис тайной жизни с пламенем огромного вечного огня, если ему никто не служит?»

Юноша так был погружен в рой скопившихся в голове загадок, что не заметил, как уснул. И он увидел дивный сон, словно наяву.

Он спускается по ступеням в тайное убежище и вместо открытой двери находит ее запертой. Он стучит в нее что есть силы. И ему открывает дивный Старец в белом, убеленный сединами, с повязанной на голове чалмой, и приглашает пройти к вечному огню. А вдоль стен стоят высокие красивые юноши, ожидая знака старейшины. Не говоря ни слова, наставник взмахивает рукой — и все начинают кружиться в танце под музыку, звучащую ниоткуда. Кажется, что поет огонь или камни, а может, само небо.

Старец шепчет Шаму:

— Кружись, ибо имя отца твоего «Суффрем». А это означает «суфий». Тайна всех тайн — в тебе самом!

Шам начинает вращаться и отрывается от пола, удивленно замечая, что все юноши и сам Старец поднимаются вверх, к самому потолку чудесного круглого зала. Он успевает увидеть в неровностях камней

изображения существ, не объяснимых по природе, но по духу понятных.

А голос шепчет ему:

— Вся наша жизнь — это вечный танец времени и пространства. А человек — это стержень вихря великих сил вселенной. Без движения человек умрет через мгновение, ибо все в нем круговращается.

———————————————

— Суфи, — продолжал голос, — это квинтэссенция Космической Мудрости, искры которой мы способны вместить. Здесь каждый человек внешне похож на другого. Но люди отличаются друг от друга способностью принять и сохранить благодать Духовного Мира. У кого-то Чаша Света наполнена любовью к семье и детям. И дом для него — это его мир и вселенная. И что он может понять, если его жизнь есть только начало освоения отношений между людьми, стихиями, силами чувств и ума? Чем больше благодати вмещает сердце, тем шире открывается духовное зрение. И то, что не видят глаза, духу очевидно без напоминаний. А символ нашего Братства — Крылатая Чаша с Огнем. И храм, в котором ты побывал, участвуя в нашем богослужении, есть одно из наших тайных убежищ. Отец твой — наш последователь и хранитель. Потому и поселился он на склоне этой горы.

Шам спал, блаженно улыбаясь, понимая, что это совсем не сон, а обучение истине. Но ему хотелось узнавать еще и еще — что-то помимо того, что звучало, — ибо, несмотря на юные свои года, он понимал, что слова только занавес истины. Вслушиваясь в них, можно увидеть гораздо больше того, что говорится, — стоит только внимательнейшим образом следить за тем, какой поток образов возникает в пространстве. А люди обычно не замечают работы своего воображения.

Стена неведения пала перед Шамом. Но прикосновение к тайне породило еще большую проблему.

А Старец продолжал почти шепотом. Но голос его слышен был так, словно все небо было наполнено им:

— Придет время — и судьба приблизит тебя к величайшему из людей. И тогда ты поймешь цену обучения в нашем Братстве Крылатой Чаши, ибо не впервые приходишь к этому порогу. И Царь Мира будет одним из наших Братьев. И это будет причиной твоего приближения к Нему, ибо вы неразлучны в веках.

——————————————

Сны были уроками. Их обучающая сила вливала в сердце Шама такой неодолимый энтузиазм, словно это был зов первой любви.

Из-за стены иногда доносились какие-то дивные песнопения. И запах благовоний проникал в его комнату из незамазанных трещин между камнями. А облик Старца был так знаком, будто бы он знал его давным-давно, за множество лет до своего рождения.

Идея множества жизней нравилась Шаму. В одном из свитков он прочитал о том, что человек живет не один раз. И эта идея заворожила его своей тайной и открыла дверь для размышлений и фантазий, в которых он представлял себя в разных обличьях. А чей-то голос говорил, что любая фантазия не вымысел, а реальное накопление фактов и проживание событий собственным сознанием. Воображение извлекает представления мысленные из хранилища накоплений, из вечной Чаши.

Шам не переставал учиться. Помимо современных ему иностранных языков, он пытался выучить и древние, зная, что в них заключена переданная с незапамятных времен мудрость. И, конечно же, свитки были лишь переписанными от руки, часто с ошибками, копиями. Но все же юноша с невероятной жадностью впитывал все, что попадало в его дом и в поле его зрения. Но этого было ему мало. И, помогая отцу, он обучился бухгалтерии и основам экономической науки.

А однажды, услышав песню, которую пела соседская девушка, Шам задумался, откуда же берутся эти чудесные слова и звуки. Наверное, они существовали всегда и кто-то их просто передал людям, научив их петь.

Записав слова одной из песен, он поразился их простоте и удивительной гармонии:

Горы зазеленели.
И зацвели сады.
Мир наш, на самом деле,
Не верит в счастье мечты.

В мареве розовом ветер
От аромата пьян.
Как хорошо на свете
Пить цветочный туман!

Если любви ты предан,
Ищешь ее во всем.
Путь наших чувств неизведан,
Но мы и его пройдем.

Слова, конечно, были более простыми и безыскусными, но смысл был похожим.

———————————————

Аромат цветущего миндаля залетал в открытое окно. Сад был разбит чуть ниже скалы, которая служила стеной для трехэтажного дома, устроенного в теле горы. Прилетали какие-то диковинные птицы с распущенными хохолками, наподобие короны. Они что-то искали в камнях, словно пытаясь обнаружить места, в которых можно было свить гнездо.

Теперь Шам начал понимать, что его семья не просто так выбрала это чудесное место для проживания. Оно было указано отцу Шама, Суффрему, его великими Наставниками — и не исключено, что тем Старцем, который во сне, из ночи в ночь, являлся ему, чтобы рассказать о высоких истинах и тайнах земли и неба. И юноша понял, что это был не случайный выбор, а какая-то древняя неразрывная связь тянулась из пространства, за которое простому смертному нельзя было заглядывать без особой на то надобности.

Любое занятие требовало целесообразности и пения души. Стихи складывались, поднимая волну высоких чувств. И когда он их читал вслух, листья горного винограда, плети которого дотянулись до его окна и оплели его, одобрительно шелестели.

Нет, Шам не был одинок. Но друзей у него было немного. Деревенские мальчишки играли с ним охотно. Но со временем чтение и обучение стали брать верх. Ему было неинтересно слоняться по горам, понапрасну тратя время. Мир познания вещей захватывал его все больше. И жажда знаний заводила его в размышлениях в такие дебри непознанного, что распаляла воображение для проникновения в сферы, где голоса звезд были понятны; где камни, цветы и деревья умели общаться между собой, а жизнь внешняя казалась лишь необходимой оболочкой, через которую душа и дух проявляют себя; где чья-то невидимая рука направляла события, а внутренний голос давал оценку действиям, одобряя или предостерегая от их совершения. И постепенно келья становилась мала, а посещения тайного зала делались неотъемлемой частью его занятий.

Находясь в святилище тайного огня, Шам будто бы понимал все, что наполняло его сознание. Но он не мог выразить словами поток просветления, хлынувший, как ручей — из трещины в скале, с мощным освежающим напором ледяной воды. Желание мудрости превосходило иные нужды души. Знание стучалось изнутри, но не находило четкого выражения. Это был мощный и плотный шар огненного напряжения, который мог быть сравним лишь с обжигающей силой первой любви, с необъяснимой силой вдохновения чистых чувств, еще не познавших в новом теле всех таинств воздействия двух человеческих начал друг на друга.

Солнце судьбы всходило. И неведение и предощущения были пугающими и прекрасными в ожидании будущего и в надежде, что оно будет таким, каким хотелось бы.

Встреча с царевичем Сол-Амоном

Караван уходил рано утром, пока не взошло солнце и его палящий огонь не затопил землю. Сады все цвели. И весь южный склон горы вокруг каменных построек отчего дома утопал в цветении и благоухании.

Нехитрые пожитки были собраны в переметную сумку. И ослик Шама, уже отведавший утренней трапезы, был готов в путь. Хотя никому не хотелось покидать насиженное гнездо, Шам, словно предчувствуя свою судьбу и удивительные встречи, пребывал в нетерпении. Отец согласился взять его с собой в поездку в дальний город, о котором на Востоке ходило столько легенд.

Дамаск был на устах многих путешественников. И каждый мечтал увидеть его своими глазами, вдохнув запах его улиц и услышав разноголосицу великого восточного базара, куда съезжались купцы со всего света, и даже персы и аримы, а также белоликие и беловолосые северяне, вызывающие своим видом всеобщее удивление.

Путь лежал перед караваном. И, отъехав недалеко, Шам оглянулся на свой дом, на мать, стоящую у порога, с которой он долго и грустно прощался, словно знал, что не увидит ее в течение многих лет. Да и вернется ли он когда-нибудь сюда или судьба, знающая все закоулки наших жизней, больше не даст такой возможности?

Шаму взгрустнулось. Но, усмирив нахлынувшее сомнение и отогнав печаль, он ринулся в стихию пути, где бесконечная гряда песков сменяла селения, оазисы и грозные крепости. Дух его знал, что мир необъятен и что множество искушений и возможностей ожидает его. Конечно, все это можно было предположить в целом, но подробности нельзя было угадать.

Монотонное сидение навевало успокоение и воспоминание о последней встрече с наставником-огнепоклонником, который и сподвиг его на длинный и долгий

поход. Старец ему предрек встречу с великим человеком, не упоминая, однако, о том, кто это будет. Но он твердо указал на то, что поэтический дар Шама будет востребован и развит сполна — насколько сама душа позволит его реализовать.

———————————————

Налетевшая песчаная буря уложила всех животных по команде караван-баши в круг. А люди, укрывшись накидками, слушали, как хлещет по ним эта песчаная метель, даже сквозь толстую ткань пробивая тело до боли. Почти весь день тьма закрывала солнце. И только к вечеру она стихла, вой демонов пустыни замолк, а над вновь образованными волнами песка, высокими дюнами, поднялась полная луна.

В безмятежной и непривычной тишине слышно было, как перезваниваются колокольчики на шее поднимающихся верблюдов и как, отряхиваясь от песка, они создают какой-то свой оркестр звучаний.

Караван-баши решил идти ночью, потому что пустыня была озарена ярким светом луны и каждая песчинка ловила ее лучи и, мягко преломляя, мерцала.

Чудеса ночи зачаровывали Шама. А ослик, не в пример другим особям этой породы, был проворным и послушным.

Нужно было дойти до следующего колодца. Но дорога была заметена. И трудно было без ориентиров отыскать ее.

Караван блуждал среди высоких дюн. А колодцы были засыпаны песком. Запасы воды были на исходе. И если людям как-то хватало по два — три глотка, то животные изнемогали от жажды.

———————————————

Караван блуждал по барханам, не находя ни тропы, ни воды. Люди падали от изнеможения. И в какой-то момент любимый ослик Шама упал и больше не поднялся.

Поплакав над своим другом и взяв поклажу на плечи, Шам собирался догнать караван, но сил уже не

было, и, сделав несколько шагов от бездыханного тела ослика, он сам упал и потерял сознание.

Очнувшись, Шам увидел над собой пальмы и услышал, как поет вода. А сам он, погруженный в теплое водное лоно, блаженствовал и пил не останавливаясь. Казалось, что это чистый сон навестил его. Но голоса рядом были реальны и узнаваемы. Говорил его отец на каком-то неизвестном языке.

Обернувшись, Шам увидел высокого статного юношу, необычайно величественного и невероятно красивого. Они подошли к Шаму оба. И отец участливо заметил:

— Ты бы умер в пустыне. Мы не могли тебя найти. Но вот этот человек со своей свитой подобрал тебя. Это царевич Иудейского царства по имени Сол-Амон. И он привез тебя в этот оазис, где находились и мы. Я уже потерял надежду на твое спасение. И глаза мои источали слезы горя. Как я рад, сын мой, что все так случилось! А царевич приглашает нас к себе в Иерусалим. А от моего каравана уже ничего не осталось. Я разорен.

Сбивчивая речь погружала в сон. Накатывала слабость. Чудился наставник-старик, который утвердительно кивал головой, видимо, настаивая, чтобы приглашение было принято.

Шама положили на повозку под широкий глухой балдахин. И к нему был приставлен один из царских лекарей. Кроме того, отец не желал расставаться с сыном.

Путь был долгим. Но однажды пески кончились. И Шам увидел море и пристань, на водах которой качались корабли царя Иудеи. Волны набегали на прибрежный песок. И после сухой изнуряющей жары легкий морской бриз казался спасением от всех бед.

Портовый город принял наследника. Но интрига по его устранению от этого статуса сохранялась, потому что дети старших жен престарелого царя Давида тоже претендовали на власть. Именно поэтому царь решил спрятать своего любимого младшего сына, рожденного Вирсавией, филистимлянкой, от глаз злобных. И царевич вынужден был скитаться по окрестностям империи, хотя и не без роскоши и достатка. На него отец средств не

жалел. И Сол-Амон не тратил времени понапрасну, изучая традиции и духовные практики различных религий, в чем весьма преуспел.

Сол-Амон был не намного старше Шама, но отличался такой глубиной суждений, которую порой не отыщешь и у старцев. Поэтому еще в юных его летах Давид поручил ему судебное дело, которое Сол-Амон успешно разрешил, о чем впоследствии сложились предания.

Встреча с Амоном

Шама внесли в маленькую каюту, которая находилась рядом с помещением царевича. Сознание возвращалось к нему эпизодически. Открывая глаза и оглядываясь, он снова впадал в сон, постепенно выздоравливая от влажного морского воздуха.

Отец с остатками каравана остался на берегу. А корабль царевича плыл куда-то в направлении Египта.

Шаму снились детские годы, когда его колыбель была подвешена за сук громадного гранатового дерева, которое росло рядом с их домом. В его тени в сухое время года все чада и домочадцы как трапезовали, так и отдыхали днем. Колыбель качалась, а шум волн словно напевал старинную колыбельную песню. И улыбка не сходила с лица юноши.

Царевич раз в день обязательно приходил, чтобы справиться о здоровье гостя, и подолгу смотрел на его лицо, не похожее на лица тех, кто его окружал. Шам больше походил на северянина дальних земель или на белокурого грека, которых он видел на многих базарах мира. В спящем юноше угадывалось что-то необъяснимо притягательное. И царевичу, прошедшему обучение у жрецов и волхвов разного толка, показалась не случайной их встреча.

Признавая все мировые религии, кроме тех, которые приносили человеческие жертвы, и особенно детей, Сол-Амон к своему возрасту знал уже множество чужих наречий, и даже мог читать письмена разных народов, в том числе и египетские папирусы. И особенно он верил в великую Книгу Предсказаний, которой пользовался изо дня в день. Но он не был ни суеверен, ни доверчив, понимая, что судьба творится самим человеком, а благоприятные знаки можно или пропустить, или вообще не обратить на них внимания. Он хорошо знал звездное небо, ведал о влиянии планет на драгоценные камни, о дружбе деревьев и людей и о пользе пребывания в рощах каждого лесного вида. Мудрость друидов и египетских жрецов, халдейских и вавилонских магов ему была знакома. А владение воинским искусством не уступало знанию оккультному.

Перед тем как найти в пустыне Шама, Сол-Амон прочитал в египетском папирусе: «Камень, найденный засыпанным песком пустыни, драгоценен». И эту строку он отнес к этому юноше, дожидаясь, когда же тот придет в себя и расскажет о своей жизни. Что-то было в нем такое, что могло оказаться полезным ему, окруженному тысячами ученых мужей и при желании мгновенно получающему ответ на любой вопрос.

Старый спутник Сол-Амона, с которым он часто советовался, слывший колдуном, чародеем и звездочетом, был приглашен в каюту царевича.

— Скажи мне, Амон, сможешь ли ты, владеющий половиной моего имени, что-нибудь сказать о юноше, которого мы нашли в песках, по внешнему виду, родинкам, знакам на лице и ладонях, а также по той дате и месту, где мы его обнаружили? Ведь ты не только врач, который его лечит, но и знаток сочетания звезд и людей. Ты же сам меня когда-то учил этому, — вопрошал царевич.

— Если будет угодно сыну царя, я займусь этим и представлю подробное описание или рассказ, на ваше усмотрение.

— Я прошу тебя, учитель мой, Амон, расследуй все подробнейшим образом, со всем пристрастием

и прилежанием. Мне очень важно знать все, что доступно станет твоему разуму и сердцу в отношении этого человека. И никому ни слова. Считай это секретным поручением и государственным делом. Можешь не торопиться. Но будь готов, чтобы ответить.

———————————————

Мудрец с жаром взялся за порученное ему дело. И благодаря тому, что он сам выхаживал больного, давал ему лекарства, делал притирания и примочки, ему легко было исследовать все тело до малейших деталей. Разглядывая родинки и раны, нечаянно полученные в детстве и юности, линии на лице и ладонях, он сделал свой вывод и, размышляя над собранными сведениями, долго искал в своем хранилище мудрости правильные ответы, проверяя себя и делая пометки из тех рукописей, которые возил с собой.

Жрец Амон принадлежал к древней школе «Фиванское Солнце» и был тайным последователем культа Атона, который пытались возродить фараон-реформатор Эхнатон и его супруга Нефертити. Наблюдая за Шамом, он составил полный письменный отчет, если вдруг это понадобится, но твердо помнил слова сына царя иудейского о чрезвычайной секретности и скрытности расследования. Тщательно сохраняя от слуг и младших жрецов свою работу, он все же понимал, что это почти невозможно, но приложил к этому всю свою осторожность и призвал все старания и накопленные знания.

Выяснилось, что Шам не был единокровным сыном купца, которого считал отцом, и что мать пришла к Суффрему и попросила защиты, уже будучи беременной. И купец Суффрем принял ее в свой дом, потому что был одинок. И чтобы не было пересудов, он объявил, что женщина — его дальняя родственница, потерявшая мужа и пришедшая просить его покровительства. А сын, когда родился, стал ему родным и так ему полюбился, что трудно было представить кого-то еще в этом статусе.

Звезды говорили о том, что встреча царевича с Шамом не случайна и что спасение его должно было

прийти от рук царского сына. Они говорили также, что этот человек, находящийся сейчас на попечении жреца, обладает редким даром преданности и мастерством в сложении слов. Знаки судьбы определяли его место рядом с будущим царем на долгие годы его правления и показывали, что лучшего посла по особым поручениям найти невозможно. Шаму еще многое нужно будет познать и усвоить, но линии жизни обещали ему долголетие и множество моментов спасения царя и той драгоценной святыни, которую будут стараться украсть из царского дворца. По крайней мере, при жизни царя Сол-Амона святая реликвия будет находиться в потайном месте.

Еще жрецу открылось, что найденный юноша, скорее всего, северянин. И имя ему иное было дано при рождении. А знаки родинок указывали, что в предыдущих жизнях он был убит мечом в сердце. Также обнаруживалась связь с таинственным религиозным орденом, в котором он участвовал на протяжении нескольких жизней.

Все это было доложено Сол-Амону. И тот приказал уничтожить все записи на тему их общего дознания.

Шам поправлялся и все чаще, просыпаясь, просил папирус или пергамент. Ему хотелось записать свои сновидения и встречи во время своего беспамятства, к чему никаких препятствий не оказывалось. И однажды, во время прихода царевича, он прочитал ему небольшое стихотворение, навеянное воспоминаниями о родине, после чего царевич растрогался и сказал, что отныне они будут неразлучны и что сплетение их судеб обозначено на Небесах единым серебряным вервием жизненного пути.

Путешествие под воду

Набираясь сил и благодаря исправному лечению и уходу, Шам постепенно приходил в себя, и даже стал

выходить на палубу, чтобы подышать ароматным воздухом Средиземноморья. Старец-огнепоклонник часто посещал его во сне и давал наставления. Дух укреплялся. А с ним росло и вдохновение.

Писал Шам много, словно наверстывая те дни, когда находился в беспамятстве. И постепенно ежедневные дневниковые записи и сочинение, а вернее сказать, запечатление звучащей музыки слов в виде стихотворений, вошли в привычку. И иногда, даже забыв о еде и питье, он мог писать весь день и ночь, не замечая смены времени суток. Словно небесный голос непрестанно диктовал ему дивные строки, изумительные по описанию и совершенные по изложению.

Дружба между царевичем и безвестным юношей росла, что вызывало неимоверно яростную зависть. Но жрец Амон старался смягчить все чувственные атаки, доходящие у некоторых из приближенных до истерики. Умея видеть тонкие причины недоразумений, он гасил их до того, как в мире земном произойдут события. Он успокаивал челядь и убеждал мощью своего авторитета, что Шам не просто бродяга и иноземец, но тот, кто будет защищать царя Иудеи, когда им станет Сол-Амон.

Но и без того нападения были очень часты — как во встречах с пиратами, так и на земле, в виде летучих разбойников пустыни. Но это все мало заботило царевича, потому что он доверял своей охране, в которой были лучшие из воинов того времени.

Однажды Сол-Амон пригласил Шама совершить с ним удивительную прогулку, о которой он умышленно умолчал. Шам был в растерянности: какая прогулка, когда корабль стоит в открытом море, а палубы не настолько длинны, чтобы совершать какое-либо дефиле? По лукавой улыбке царевича он понял, что его ждет что-то необычное.

На нижней палубе собрались моряки, опуская на поверхность воды что-то блестящее и прозрачное в виде огромного колокола. Рядом с ним на волнах качались лодки. Но в целом на море был штиль.

Царевич сделал знак Шаму спуститься на палубу, а потом — по веревочной лестнице в лодку. Внизу их ждало удивительное устройство. С лодки, которая подплыла под него, они оба поднялись чуть выше половины высоты колокола, где были расположены удобные кресла. А пол, после того как они туда поместились, закрылся.

Аппарат стали опускать в воду, в самую глубину чистого и безмятежного моря. Медленно и постепенно, без резких движений стеклянный колокол уходил на дно. Вокруг можно было наблюдать стайки разноцветных рыбок различной величины.

Сердце северянина замерло в испуге и удивлении. Такой прогулки он не ожидал, и даже не имел подобных переживаний, хотя и умел плавать. В горах было небольшое теплое озеро, в котором он любил купаться. Но видеть подводный мир во всей красе вряд ли кому приходилось в его времена.

Вьющиеся, как зеленые змеи, водоросли и яркие коралловые заросли вызывали ощущение нереальности. А проплывающая мимо манта, словно птица, шевелила своими плавниками-крыльями, косясь на неведомое сооружение.

На дне было сумрачно. Но это не мешало юношам наслаждаться увиденным и наполняться незабываемыми впечатлениями. Мир, на котором держались корабли, бороздившие его поверхность, был столь же необъятен и красив в глубине, как и в своей надводной и надземной части. Океан являл собой воплощение самой таинственности и недоступности. А именно это и подвигает умы ищущих людей к поискам объяснений тех причин, которые скрыты в соединении сил мира.

Встреча с Ариси

Сол-Амон приглядывался к этому портовому городу, на чьем рейде стоял его корабль, на котором он мог совершать путешествия вдоль береговой линии Средиземного моря и пересекать его вдоль и поперек, доходя до дальних и ближних островов и земли, лежавшей по другую сторону.

Царевич предложил Шаму посетить город инкогнито, облачившись в одежду людей среднего класса. Но наставник Сол-Амона, жрец, послал тайно, без ведома хозяина, начальника стражи с командой следить за ними, для того чтобы предотвратить нападение, угрожавшее жизни обоих. Когда лодка высадила двух юношей в порту и они вышли на пристань, вслед за ними высадился десяток проворных и сильных охранников, переодевшихся простолюдинами. И в толпе они не спускали глаз со своих визави, которые, не замечая этого, шли, поглощенные интересной беседой и разглядывая людей и постройки жителей Яффы.

В городе стоял гарнизон солдат, наводивший порядок на его улицах, потому что, как и во всех портах мира, в тавернах было много прибывших моряков, и даже пиратов, которые пришвартовывали свои суда под видом торговых.

А базар в Яффе был знаменит на все Средиземноморье. Там продавалось все — от золота и драгоценных камней до людей. И именно работорговцы привлекли внимание юношей. Ряд их был настолько многочислен, что пройти его было утомительно. Купцы и покупатели торговались до хрипоты, хотя все всегда начиналось с мирной и легкой беседы. Было там множество крепких рабов цвета эбенового дерева, а ослепительные красавицы, юные и манящие, сами того не ведая, заставляли раскошеливаться состоятельных людей.

Шам обратил внимание Сол-Амона на девушку, стоявшую в лохмотьях и с лицом, перепачканным пылью. В ее взоре было тихое смирение. И внешне она уступала своим соперницам. Но ее взгляд, брошенный в сторону царевича, заставил его остановиться — словно грудь его обожгло огнем.

Сол-Амон подошел к девушке и спросил, откуда она. На ломаном иврите она ответила, что из Вавилона. А хозяин ее рассказал, что это товар бросовый — продать бы ее, чтобы только не кормить, — и назначил цену ниже остальных в десять раз. Царевич, не торгуясь, протянул деньги и сказал нищенке, чтобы она следовала за ними. Так втроем они вернулись в порт, к лодке, которая ждала их на пирсе.

———————————————

Жрец Амон с любопытством встретил царевича, Шама и их спутницу, отдав приказание отвести купленную рабыню на женскую половину, для того чтобы привели ее в нормальный вид. Служанки сделали для нее омовение, а старую одежду выкинули, нарядив в скромное, но приятное платье. Старшая из служанок заметила выше левой груди девушки небольшую татуировку с изображением пяти пламен, на языках которых были изображены непонятные буквы. Это был не иврит, арабский или санскрит, а что-то, не известное обывателю.

Амону доложили об этом. И его любопытство разыгралось. После омовения, на правах врача царевича, он должен был осмотреть рабыню, дабы она не принесла заразу на корабль. В то время в Иудее, Идумее и во всех землях, подвластных руке Давидовой, свирепствовали мор и чума. Приказав привести к себе рабыню, Амон объяснил причину осмотра, сказав, что никаких неприятностей или неудобств она испытывать не будет. Но вначале он попросил ее принять порошок и выпить его с водой, не опасаясь, что это яд или вещество, лишающее рассудка.

Приняв порошок, девушка через некоторое время уснула. И жрец при помощи служанок снял с нее

одеяние, накрыв ровно дышащее существо тонкой простыней. После омовения замарашка и нищенка выглядела как настоящая красавица лет восемнадцати.

Осмотрев ее тело, жрец определил, что рабыня здорова и разве что немного истощена от недостатка питания. И еще он определил, что она девственница. Никаких язв и побочных образований на коже не было. А на лице, в междуглазии, были три крохотные родинки, едва заметные, но выразительные. Нанесенная на кожу выше сердца татуировка с пятью пламенами, в каждом из которых был свой знак, привлекла его внимание больше, чем женские прелести, хотя формы тела девушки были идеальны. Но мало того что жрец, хоть и крепкий, был в преклонных годах, он не знал женщин, будучи с юных лет девственником. В нем не был разожжен пожар страсти. И ему было легче смирять вожделение. Оно было полностью под контролем, хотя мужская природа его была в идеальной форме. Знак на груди рабыни он скопировал, велел одеть девушку и поднес к ее носу резко пахнущую жидкость, отчего она очнулась, как бы не подозревая об осмотре, но лукаво поглядывая на жреца.

———————————————

— Меня зовут Ариси, — прошептала она Амону. — Во время осмотра вы не все увидели. Я наблюдала за вами и видела все до мельчайших подробностей, и даже то, о чем вы думали. В Вавилоне, в Храме Чистого Неба, я была жрицей седьмого этажа.

Жрец взглянул на нее испытующим и пронизывающим взглядом.

— Теперь понятно, почему знак на твоей груди так необычен.

— Да. Я жрица Луны, но Луны не той, что сейчас обходит планету по ночам. Я жрица Лунной Мудрости.

— Тогда тебе знакомо учение Тота Ибисоголового или учение Вероэса, его вавилонского последователя?

— Вероэс был одним из моих Учителей. И он доподлинно знал тайну Изумрудной Скрижали, которая была создана в те времена, когда Луна лишь начинала

растить около себя зародыш будущей Земли. Мы можем общаться словами. Но язык мысленных форм нам обоим будет ближе — тем более что и ты, жрец Великого Солнца, хорошо знаком с этим языком. Не страшись, что обожжешь ими мое сознание. Я Пламени Вечной Мудрости служу. Ведь даже самый холодный рассудок не может обходиться без огня сердца. Пять языков пламени — пять высших чувствований мира, которыми когда-нибудь будут обладать люди. А наша встреча с вами всеми была предуказана. Я видела, что человек, купивший меня, не просто властитель, но воплощенный дух Водителей Мира, а юноша, который был рядом с ним и обратил на меня внимание, — один из очень старых друзей во многих жизнях. Судьба приводит людей к встречам, которые меняют жизнь всех. И здесь не известно, кто оказался в выигрыше. Судьба собирает в Кольцо Силы рать Света. Когда Сол-Амон придет к власти, ему нужна будет не меньшая охрана, чем сейчас, но не на поле земном, а в умном мире.

— Но как же ты оказалась на невольничьем рынке, будучи посвященной седьмого уровня? Ведь жрицам такого ранга вообще запрещено выходить на белый свет, кроме как на несколько минут? — спросил жрец.

Ариси ответила:

— У предательства множество скрытых приемов. Один из слуг, нечаянно увидев меня, не то что влюбился, но решил заработать, продав меня как рабыню. И, подмешав снадобье в воду и лишив меня воли, под видом простолюдинки, пришедшей на поклонение, он вывел меня в город, спустив с зиккурата по потайной лестнице, и продал работорговцам. Воля моя была парализована. Я ничего не могла сказать, но все видела и понимала. А слуга, получив за меня деньги, исчез и больше не появлялся. Переполох был великий, как об этом мне потом рассказали. Слухи обретали форму легенд, реальные факты превращались в истории. Но я, услышав от рабынь такого рода известия, поняла, что дело касалось меня. Меня искали, но не могли найти даже опытные

соглядатаи. Но, преданная Матери Судьбе, я знала, что это испытание лишь начало новой жизни и нового труда.

— И ты не ошиблась, — ответил жрец. — Тебя купил сын Давидов, царевич Сол-Амон. И, узнав о том, кто ты есть, он, конечно же, не будет считать тебя рабыней, но найдет место более достойное, чем гарем. Его пристрастия к женским прелестям не так горячи. Главная его любовница — это Мудрость. И своими беседами ты откроешь ему новые просторы ее познания. Царевич — человек непростой. Он имеет природное духовное чутье. Потому он и почувствовал в униженной и грязной рабыне высокий дух. Мы еще о многом поговорим. А друг Сол-Амона, Шам, тебе будет учеником и наставником, другом и отцом, а иногда и ребенком. Все зависит от того, какой темы вы будете касаться в своих умозаключениях. Я оставляю тебя и обо всем оповещу царевича.

———————————————

С тех пор Ариси уже не находилась в положении купленной рабыни. И ей было разрешено, как и Шаму, гулять по палубе корабля и дышать теплым морским воздухом. Бывшая жрица не раз приглашалась на беседы к Сол-Амону, где они вчетвером обсуждали различные вопросы миропостроения — от духовных и мистических моментов до политических и социальных.

С удивлением все трое узнали, что эта прекрасная юная дева и служительница Богини Иштар была дочерью некогда свергнутого царя Ниневии. И череда испытаний, несмотря на юные годы, привела ее к порогу святилища Великой Богини. Но клан куртизанок низшего ранга она миновала в силу своего малолетства. А наставница увидела в маленькой девочке все качества, необходимые для того, чтобы принять литиевый щит седьмого предела.

Но это было вечное, хотя и духовное, заточение между небом и землей, ибо величайший зиккурат, похожий на причудливую башню, был гигантских размеров пирамидой и Верховная Жрица не имела права сходить вниз в город. Лишь иногда, в дни празднеств, посвященных Великой Матери Судьбе, она выходила на верхнюю

площадку зиккурата, где и были ее покои и алтарь для моления. Толпы народа в городе и во всей стране встречали ее выход ликованием. А она, сияющая, как восходящее Солнце, простирала руки для благословения народа, до тех пор, пока на ее доспехе из лития не начинал от жары таять воск, что было сигналом о том, что она, воплощенная в земную женщину Богиня, должна была вернуться в свои ярко-лиловые покои. В них было прохладно, а ароматы небесного сада, хотя и небольшого и в основном состоящего из постоянно цветущих роз, наполняли пространство святилища тонким благоуханием. Сад роз на Востоке всегда считался источником вдохновения. А Ариси была способна предаваться молению постоянно.

Среди семи ее служанок были девушки необычные. Одна из них отличалась от темноволосых и кареглазых своей белой кожей, волосами соломенного цвета и синими глазами. Она попала в приют Богини Судьбы совсем маленькой девочкой и выросла в Храме. Ей поручалось быть помощницей и управительницей покоев. Ариси допускала ее до совместных ритуалов, чтений и молений, доверяя ей самые потаенные мечтания и размышления в делах веры, потому что мирских они почти не знали.

Переплетение судеб бывает так удивительно. Но ткань мира плетется из нитей отдельных жизней.

———————————————

Слуги царевича знали о его пристрастиях к тайным наукам и с суеверным трепетом восприняли весть о новой рабыне как колдунье с Востока. Сам же Амон с большим интересом слушал это юное существо, которое, несмотря на свой возраст, имело такие глубокие познания в магических науках.

Вскоре Ариси вошла и в ближайший круг Сол-Амона, в некоторых вопросах наставляя и советуя ему поступить тем или иным образом. И хотя на царском корабле поползли слухи, что у царевича появилась новая наложница, Ариси так и оставалась девушкой, сообразно статусу, который она носила. Ее хранил тот обережный круг, который был когда-то ей вручен Богиней.

Сол-Амон, хотя и был редким ценителем женской красоты, все же думал не о том, чтобы обладать этой прекрасной девушкой, что могло отвечать разве что простолюдину. Но, взвесив многие и многие аргументы, он решил через значительные испытания возвести ее в иной статус, чем и поделился с Шамом, который уже давно пришел в себя, и даже решил вместе с Сол-Амоном брать уроки тайных наук у Ариси, поскольку в мире Востока ее положение было достаточно высоким, как и сама мудрость. Амон, как всегда, решил поприсутствовать на такой беседе, но в качестве вольного слушателя или стороннего наблюдателя.

Беседы на корабле

Беседа о космосе, звездах и Беспредельности в представлении магов Вавилона удивила не только Сол-Амона и Шама, но отчасти и самого старого волхва, который немало знал. Но из уст юной красавицы, почти ребенка, получить такой изумруд мудрости ему было не стыдно. Он не страшился учиться, как и все люди, обладающие знанием о перерождении души. Услышать о мистерии звездного круга, о дивных планетах, где люди пребывают в состоянии рая, для него было удивительно еще и потому, что, по представлениям древних жрецов Египта, существуют загробные сады Ялу, где чистые души, уставшие от странствий по земле, отдыхают и учатся. И во всех мирах это учение не прерывается — даже там, где живут Боги.

Речь о Беспредельности, где существует неисчислимое множество формаций человечества выше и ниже земного, конечно же, раздвигала пространство представлений и убеждала, что путь к совершенству нескончаем. Но Амон не подал вида, что узнал нечто новое, и сохранял спокойствие невозмутимое. А юноши так активно

участвовали в беседе, что Ариси пришлось многое недоговаривать, ссылаясь на храмовые тайны, выдача которых каралась смертью, как и нарушение обета правдивости и целомудрия. Жрица должна была бы себя убить, если бы кто-то попытался ее изнасиловать. И это считалось приговором Матери Судьбы, как и в том случае, когда происходили несчастья и беды или изменения в положении самой жрицы. Но сама Ариси для себя определила становление ее рабыней как жертву, в которой дух познает жизнь низких людей: наверное, когда-то она была чересчур высокомерна со своим окружением.

Юноши впечатлились рассказом о звездах, хотя сам Сол-Амон знал многое о влиянии небесных тел на отдельных людей и целые народы. Но что-то было новое, свежее и чистое в рассказе юной девушки. По ее утверждениям, срок ее жизни был гораздо значительнее, чем восемнадцать лет, на которые она выглядела. Но об этом Ариси старалась умалчивать, как и о многом другом. Храмовые тайны не терпели отступничества. А наказание за их выдачу могло последовать мгновенно. И для этого не нужно было посылать платных убийц. Человек мог задохнуться, подавившись водой, или споткнуться и нечаянно удариться головой об острый предмет. Все это выглядело как случайность, но, на самом деле, в этом и выражалась неотвратимость наказания. Ведь клятвы давались на Алтаре Силы пред ликом Высших Свидетелей. И одна только формула в конце клятвы: «Не отступлю!» — запечатывала обещание, выжигая его иероглифы в глубине сердца.

———————————————

Шаму вспоминался Маалюль, его родина, горы и комната в горе, окна которой были оплетены виноградной лозой.

Корабль плыл вдоль береговой линии моря, но далеко от границ Иудеи не уходил. Боялись пиратов, которые в этой части моря, как и везде, властвовали безраздельно. Но, помимо их агрессии и напора, была сила, не подвластная даже их мощи. Напряжение судьбы

определяло происхождение всех событий. А Владыки Кармы не только вели счет добрым и негативным поступкам, но и в сумме таких обобщений решали, где и когда родиться душе или ей уже больше не нужно будет воплощаться в физическом мире. Программа предназначения встроена в каждую клеточку нашего тела и выполняет прием сигнала высшего разума.

Ариси открыла им дозволенные в пределах храмовой клятвы тайны. Они давали намек на происхождение человеческих существ, которые раньше жили в небесных садах Ялу, или райской земле сновидений, и лишь потом решили обжить планету, на тверди устроив себе жизнь. Эта подсказка расширяла сознание, словно оно внезапно проснулось и вышло из детской беззаботности.

В рассказе Ариси не было Падшего Ангела, а Змием-искусителем было внедрение в позвоночный столб трех энергий существования, которые делали людей любознательными и ищущими. А Ангел с огненным мечом был не изгоняющим из рая, а охранителем в новом мире. Дивным было и то, что, помимо средства пережить потоп, когда Ною Господь повелел построить ковчег для спасения всех тварей земных, были и ковчеги небесные, приплывшие по небесному океану на Землю.

Размышления юноши были развеяны ароматом, идущим из коридора. Сын царя Иудеи вошел в его покои. Шам поклонился своему покровителю и спасителю, встречая его, но тот просил обходиться без дворцовых церемоний.

———————————————

Царевич однажды во время беседы осторожно спросил, обращаясь к Шаму, не ощущал ли он когда-нибудь себя ветром, летящим над горами, или птицей, парящей над морем. Тот ответил, что он переживал нечто подобное в своих снах, вперемешку с непонятными эпизодами древней жизни, о которых он либо читал, либо мечтал давным-давно.

— У каждого царского сына всегда есть что-то, что может удивлять простых людей. И когда-нибудь я тебе

открою, когда унаследую трон своего отца, что значит собирать диковинные вещи. В сокровищнице отца есть многое из того, что можно назвать колдовскими предметами. И ты будешь первым, кто испытает на себе их действие. Когда-нибудь моя власть над миром и тебя вознесет над людьми как друга царя. Но я знаю, что это не изменит твоего характера и ты останешься тем же добрым человеком. Видимо, страдая во многих существованиях, мы учимся сострадать другим, и даже самому малому живому существу. Человек, давший однажды обет милосердия и правдивости, вряд ли переступит его границы. Но это ограничение будет служить ему крепостью от вторжения хаоса. Ты таков, каков и я. И если верить Амону, то не единожды судьба сводила нас вместе. Да и Ариси мы знаем не впервые и потому, любя ее, совсем ее не вожделеем. Она сестра наша по прошлым существованиям, когда еще в Атлантиде жили в одной семье.

— Разве такое возможно? — произнес Шам вопросительно.

— Еще как возможно! — утвердительно ответил Сол-Амон. — Можно попросить наставника нашего продемонстрировать опыт с зеркалами и шаром из серебра, если это тебе интересно.

— Конечно же, я любознателен ко всему, что меня окружает, и не откажусь от погружения в еще одну тайну. Но я умею ждать, зная, что есть сложности в такого рода экспериментах. А про зеркальную комнату я слышал от своего учителя.

— У тебя был учитель? — удивился наследник.

И Шам рассказал ему историю о горном храме и старике-огнепоклоннике.

———————————————

Выслушав рассказ Шама о его юности, о доме в горах на севере Сирии, о заложенной каменной кладкой лестнице и о вечном огне в глубине огромной горной пещеры, Сол-Амон вдруг не то что помрачнел, но стал более торжественным и серьезным. В ответ на

повествования друга он повел речь о своем здравствующем отце, царе Иудеи, не скрывая ничего: ни преследования отца царем Саулом, ни того, что он был когда-то пастухом. А еще царевич отметил, что отец сочиняет молитвы и гимны, прославляющие Господа, и исполняет их под звучание струнного инструмента вроде небольшой лютни. Был доверительный разговор и о том, как, возглавив войско, отец его сразил в единоборстве великана Голиафа, которого выставили филистимляне для поединка, и что мать Сол-Амона, Вирсавия, в детстве пела ему чудесную колыбельную песню, которую он запомнил. И он тихо-тихо повторил напев и слова, которые почти не понимал. А Шам вдруг встрепенулся, как птица, на голову которой упала капля воды, и воскликнул:

— И я помню этот мотив! Моя мать пела точно такую же колыбельную. Но что такое «Баюшки-баю», я не знаю до сих пор.

— Похоже, наши матушки были единоплеменницами, — добавил Шам.

Но Сол-Амон не услышал этого, потому что в дверь раздался стук и слуга, поклонившись царевичу, доложил, что его ждет посыльный из дворца от царя Иудеи. Сол-Амон поспешно удалился. А затянувшаяся беседа навела Шама на размышление о том, как переплетаются нити человеческих судеб и какова бывает цена всякой дружбы. Близость к престолу была опасной и одновременно предоставляла множество возможностей для проявления даже тех малых способностей, которые человек в себе не замечал, но присутствие которых обнаружилось при расширении орбиты доступного их приложения. Шам знал, что отец Сол-Амона стар и болен, и боялся, что его смерть разлучит их. Он не мечтал о том, что, заняв трон великого государства, царь не потеряет к нему интереса, вечно погруженный в дела своего народа.

———————————————

Сборы были поспешными. Царевич покидал корабль со своей многочисленной свитой и тайной охраной, но оставляя до времени на корабле Шама и Ариси.

Жрец как постоянный его советник и врач следовал за своим повелителем по его воле. Но Шаму и вавилонской жрице было сказано, что, как только будут улажены дела во дворце, царевич призовет их к себе по той причине, что для них всегда найдется место около него.

Поздно вечером лодки отплыли к Яффе, откуда караван ушел в Иерусалим, где царь Давид доживал последние дни своей жизни. И, несмотря на все увещевания, он потребовал, чтобы Сол-Амон присутствовал при его кончине, где царь должен был объявить, кому передает трон и венец власти. Наступил период смутного ожидания и надежды многих наследников на то, что каждый займет место царя.

Но Сол-Амону было жаль отца как человека, уставшего от бремени своей жизни. Он часто вспоминал его слова: «Не спеши, сынок. Венец правителя не так легок. Власть — это жертва, когда ты всего себя приносишь на алтарь судьбы своего народа. Учись мудрости. И только она поможет».

Воцарение Сол-Амона

Отец Сол-Амона считался царем-пророком. А сочиняя молитвы и гимны, он исполнял их на гуслях, игре на которых научила его любимая жена Вирсавия, которую привез во дворец его начальник стражи. Позднее, когда тот погиб в одной из битв, Давид взял Вирсавию себе в жены.

Филистимлян не любили в Иудее. Да и сам царь давно, в юности, одержал победу — вследствие чего и стал героем своего народа — над одним из их великанов, который был подслеповат. Но филистимлянские женщины были необычайно красивы — высоки и белокожи, с каштановыми или светло-русыми волосами. Это отличало их внешне от детей израилевых. Да и сам

Давид был рыжеволосым и светлоглазым, по виду больше напоминающим северянина.

Сол-Амон знал, что мать его — хеттеянка. И то, что она ему рассказывала, было похоже на сказку. Так, наверное, оно и было. Ребенком он засыпал под ее колыбельную. И мать никому не поручала воспитание своего единственного сына, опасаясь, что его могут отравить или убить.

Во многом именно мать вложила в сердце мальчика ту величайшую добродетель, которой отличался Сол-Амон. Но сама она звала его другим именем, которое выбрала и которым тайком нарекла, предугадав судьбу его. А может быть, она поняла, когда его вынашивала, что это будет великий человек и что весть о славе его достигнет дальних пределов мира.

Когда Сол-Амон прибыл во дворец, его срочно проводили в опочивальню Давида, потому что тот уже не вставал. Протянув руку сыну, который ее поцеловал, царь попросил оставить их наедине.

— Сын мой любимый! Я ухожу к Господу и надеюсь, что простит он меня за мои прегрешения. А тебе завещаю великое царство, в котором, наконец-то, установился мир. Возьми этот свиток, который никто не должен видеть, и знай, что в нем сокрыта тайна нашего народа и сила управления духами стихий. Ты немало времени потратил на обучение сокровенным наукам, и Господь дал тебе мудрость не по летам. Я ухожу, а ты правь с миром.

Призвав первосвященника, Давид приказал при нем венчать сына на царство, а все придворные, вожди племен, министры и высшие воины должны были принести ему клятву верности. И только после этого он почил, ибо был уже ветх годами.

Воля умирающего Давида была свята, потому что иудеи с большим трепетом и ужасом относились к последним словам человека, оставляющего этот мир. И потому вопрос о престолонаследии отпал сам собой, хотя многие из детей старших жен Давида были весьма недовольны таким решением. Сол-Амон, самый

младший и любимый, был выбран как достойнейший и мудрейший, в то время как другие царевичи предавались разгульной жизни и пьянству. Но богатое наследство и многие из привилегий на некоторое время успокоили желчь сыновей царских.

———————————————

Через девять дней после того, как в родовом склепе, выдолбленном в пещере одной из гор Израиля, был похоронен великий царь Давид, бывший пастух и воин, ставший пастырем своего народа, была назначена процедура возведения на престол юного Сол-Амона. И он пожелал видеть на этом торжестве тех, кто некогда разделил и скрасил его вынужденное изгнание. Был послан гонец в Яффу с приказом призвать Шама и Ариси в Иерусалим. И их привезли во дворец царей иудейских перед самой коронацией нового правителя.

На церемонии, посвященной коронации нового царя Иудеи, одного из могущественных государств тех времен, все было великолепно и роскошно. Золотыми зеркалами сияли драгоценные сосуды и светильники, а также митры первосвященников. Псалмопевцы исполняли молитвы царя Давида. А пальмовыми ветвями был устлан пол храмового зала. И когда первосвященник водрузил корону на угольно-смоляную голову царевича, тот почувствовал тяжесть власти, а хор начал сокровенный речитатив посвящения.

Светильники горели ровно и ярко. В масло для них были добавлены смолы, которые давали невыразимый аромат, наполняющий зал древнего храма. Звучали хвалебные песнопения. И важные вельможи, воины и братья Сол-Амона, каждый из которых мечтал оказаться на его месте, подходили, чтобы высказать свои поздравления, потому что явился новый царь Иудеи. Среди народа ходили слухи, что он одарен неподражаемыми внешностью и разумом и что молодые годы не помеха пребыванию в нем энергии власти в полной мере.

Шам стоял в стороне вместе с Амоном. Но когда настала очередь подойти, он упал на колени и поцеловал

золотую обувь Владыки. Так было принято, и так делали все в знак принятия власти избранного царя. Но многие с недоумением смотрели на безродного юношу.

Жизнь во дворце

Шаму отвели покои в башне, где ему чрезвычайно нравилось, потому что они напоминали его комнату в горах Сирии. Окон было много. Но на время холодов были изготовлены щиты наподобие ставен, которые плотно закрывали открытые створы. Но зато в жару здесь всегда было прохладно.

Вся прекрасная долина Кедрона видна была с высоты. А где-то за дальней дымкой, на севере, угадывались горы, где осталась родина Шама и его престарелая мать.

А отец Шама, по велению царя, стал одним из великих государственных купцов и торговал с севером и югом, востоком и западом — от Иберии до Иверии и от Египта до Индии.

Ветер доносил запахи и дальние голоса в раскрытые настежь окна. И, глядя на величественный город, Шам начал сознавать, что случай не бывает капризом судьбы, а во всех событиях всегда наблюдается тонкая закономерность причин и следствий.

———————————————

Ариси как знатоку древней мистической культуры Вавилона, ведущей свое начало от Отцов и Матерей человечества, было определено место в гареме царя, где она стала хранительницей древних рукописей, манускриптов и пальмовых папирусов. Она легко читала их и понимала, о чем в них идет речь, если даже все было скрыто таким слоем умолчания, что порою тексты казались чепухой и случайным набором слов.

Положение наложницы давало Ариси большие привилегии. Нельзя было во дворце держать женщину без определенного ей статуса. А наложницы имели права, сходные с женами, и их дети считались такими же законными наследниками трона по своей линии.

Ариси были отданы в услужение несколько девушек, в том числе и для боевого охранения. Но светская жизнь в виде купания в общих бассейнах, умащения маслами и прочей внешней косметикой соблюдалась ею, но не занимала много времени, потому что ей было жалко его. Она постоянно что-то читала, училась, занималась духо- и мыслетворчеством, чему Сол-Амон, вступивший в статус Владыки Мира, был чрезвычайно рад.

Ариси также вела занятия среди женщин гарема. Впоследствии здесь образовалась тайная восточная школа, ставшая оплотом учености также и в западном мире, а опыт Ариси поднял роль Иерусалима до уровня оккультного ордена Матери Мира. Но и мужчины допускались ко многим ритуалам, кроме откровенно скрытых мистерий Врат Жизни.

Не все красавицы разделяли образ жизни этого ордена, и даже открыто насмехались над такими занятиями, считая их бесполезными и полагая, что незачем забивать себе голову учеными бреднями, когда искусство плотской любви важнее всех прочих занятий. Но сами они никого не любили, хотя понимали, что статус царской жены дает им неограниченные возможности в плане как материальном, так и властном. Роскошь, окружавшая их, не давала им успокоения. А интриги как следствие зависти стали постоянным атрибутом гарема.

Но Сол-Амон жестко, а иногда и жестоко, наказывал за нарушение гармонии в его владениях. И, как человек, имеющий значительный опыт в судействе, он очень искусно проводил дознание, не прибегая к мерам крайним. А бывшие жены, уличенные в клевете и покушениях на жизнь, отсылались в служанки к тем, кого они оклеветали. И если они исправлялись и верно служили, то им возвращался титул наложниц, что бывало очень и очень редко. Ведь обуздать человеческую природу было

не так просто, несмотря на то, что сама судьба приводила девушек в сочетание таких редчайших условий.

Но Ариси не было дела до таких интриг, хотя именно ей завидовали больше всего, потому что часто беседы с царем о Вечном, в присутствии Шама и старого жреца, а иногда и без них, затягивались за полночь, а это время воспринималось как то, когда правитель отдает силу своей любви одной из жен. Но, на деле, это была любовь иного рода. И не было в мире другого такого человека, кто так предавался бы любви к мудрости, как Сол-Амон. Оттого и был он прозван Мудрейшим.

———————————————

Несмотря на государственные дела, царь находил время, чтобы повидаться со своими друзьями. Старый жрец Амон оставался при нем, пользуясь неограниченным его доверием и помогая соединять силу четырех сердец, собранных судьбой, в то мощное великолепие мудрости и красоты, когда друг без друга они не мыслили свою жизнь.

Ариси углубилась в изучение царской библиотеки. Обладая знанием многих современных и древних наречий, она нашла там с помощью Амона такие ценные свитки и золотые книги, которые были куда дороже всей государственной казны. И часто встречи с царем назначались в книгохранилище, где Амон или Ариси рассказывали о своих находках. А Шам слушал, затаив дыхание, и запоминал, понимая, что вряд ли когда-нибудь еще появится такая возможность прильнуть к источнику древней мудрости, которую собирали люди от начала времен.

Сила таланта Ариси и ее нестареющая молодость вызывали крайнее недоумение у двора. Но для всех она находила доброе слово, участие, а если необходимо, то и успокоение, и даже пыталась решить проблемы, в самом крайнем случае, при встрече с царем. Но такие просьбы бывали редки.

И успехи Шама радовали Сол-Амона. Он был доволен иметь рядом с собой не только верного, но

достойного, воспитанного и образованного человека, обладающего, помимо способности к письменной и устной речи, еще и талантом знания многих наречий и языков. Это делало Шама незаменимым в деле дипломатии и точного перевода речей иноземцев. А двор великого царя Иудеи посещали послы многих ближних и дальних стран. И встреча их и, если необходимо, благоустройство посольских поселений входили в обязанности Шама.

Ариси Шам любил как сестру. И она никому не давала повода для иного отношения к ней. Все четверо знали об обете ее быть вечной девственницей.

Втроем мужчины часто выходили в город, чтобы послушать, о чем говорит народ и как оценивает первые шаги нового царя. И на основе этого часто Сол-Амон менял свои решения, направляя их в русло, полезное для людей.

Камень

В вечернем сумраке при свете горящего очага, в который были положены благовонные сандаловые дрова, сидели четверо: Сол-Амон, ставший царем Иудеи и всего Израиля; его ближайший друг и наставник с ранних лет Амон; Шам, придворный поэт, и жрица вавилонская Ариси, вечно-юная и девственно-чистая. Дальнее звучание мелодии ветра или музыки пастухов, на которую собиралось стадо, разбредшееся по горам, настраивало на молитвенный лад. Душа каждого устремлялась вознести хвалу Всевышнему. И не важно, какого имени был Бог и в каком обличье Он представал перед духовными очами молящихся. Связь шла от сердца к сердцу. И в каком виде она существовала, в физическом или огненно-плазменном, не имело значения. Искры духа общались между собой.

Благоговейное молчание не прерывалось, но углублялось. А перед умственным взором каждого представали самые прекрасные Лики, какие только можно было помыслить. И кто это были — Боги, Ангелы или плоды собственного воображения, — сказать было трудно. Но чудеса внутреннего мира возжигали сердца в необъяснимом ликовании служения и восхищения от соединения с Высшими Силами.

Каждый видел свое. Но аура молитвенного вдохновения окружала их всех и выводила в то состояние необычности ощущений, в котором пробуждается и возрастает ангельская природа, победившая греховность материального мира. И тот, кто потом удерживал это чувство озарения, сопричастности Миру Света и насыщения им души, становился свят, чист и высок.

По какому-то внутреннему, известному лишь каждому приказу все молящиеся разошлись. И лишь молодой царь остался сидеть около затухающего очага, не в силах выйти из молитвенного оцепенения. Угли угасали, а сердце разгоралось до жара невероятного. Казалось, что огонь очага переселился в него, а любовь к Господу одухотворила этот жар, достигая почти солнечного напряжения. Казалось, что он целиком окружил и поглотил все тело, которому было невыносимо горячо в круге энергий, нагнетенных в общем молении, которое предшествовало огню такой силы.

В дальнем углу, в темноте зала, забегали в пространстве лепестки пламени, словно оторванные от единого жар-цвета. Эти огоньки стали собираться воедино, сливаясь в вихре причудливых построений, в которых угадывался силуэт пылающего огненно-белого Существа, от чьего сияния можно было ослепнуть. Но поскольку Сол-Амон пребывал в беспамятстве и видел это очами сердца, трубный голос, наполняющий пространство, призвал:

— Очнись, Сол-Амон! Восстань от молитвы своей, ибо Господь прислал дар за труды и святость твою! Отныне ты будешь способен при помощи этого дара

повелевать духами всех стихий, и даже самыми сильными джинами пустыни.

Сол-Амон приоткрыл глаза. Перед ним в сияющем, ослепительном великолепии от пола до потолка возвышался Уроил-Зена — Повелитель Воздуха и Архангел Великого Господа Миров. Красота его была неописуема. Одежда — белее снега. А синева глаз посылала сапфирные лучи в самое сердце. Аура горела как нестерпимый серебряный блеск тысячи солнц. А протянутые руки Уроила, как и все тело, состоящие из пламен света, держали черный Камень.

— Это подарок Сердца Мира Земле. В сокровищницах многих великих правителей был он, с тех пор как появился на земле род человеческий. Прими его по повелению Господа и храни! Покуда он будет с тобой, мир и счастье воцарятся на земле, тебе подвластной. Это Алатырь Света Извечного. Это Протовещество, от которого произошли все планеты и звезды. Его пылинки — это семена миров. Он зачинает новые вселенные и оберегает их от разрушения. Да будет счастье с тобой! По твоему зову явлюсь в любой час дня и ночи!

Видение ушло. А перед царем в серебряной чаше лежал четырехгранный Камень, величиной с большой палец. Он был пепельно-сер, почти черен, и источал искры такой неописуемой благодати, словно сама любовь, сотворившая мир, воплотилась в нем.

———————————————

Сол-Амон долго еще сидел, потрясенный увиденным. И все это можно было бы отнести к области сна, если бы не этот чудесный Камень, имеющий удивительное свойство: если берешь его в руки, то видишь духов, окружающих человека, и даже их властителей, которые немедленно приходят на зов, если мысленно позовешь их. Свет Архангела словно поселился в сердце Сол-Амона. И впоследствии придворные заметили необычное сияние вокруг царя, особенно над головой и сбоку от висков. Почти невидимые лучи исходили изо лба и со стороны

затылка. Особенно сильно это наблюдалось, когда наступали сумерки и еще не были зажжены светильники.

Шам часто видел это тонкое свечение и говорил об этом царю. Но тот только улыбался. А его наставник, мудрый и седой Амон, понимал, что Сол-Амон пережил, и ни о чем не расспрашивал. А Ариси, юная дева, знала обо всем, словно сама все видела в подробностях, потому что некогда царица Вавилона Семирамида проходила через мистерию Камня.

Погружение в будничные дела не мешало царю чувствовать чье-то светоносное присутствие рядом с собой. И красота его становилась по-настоящему ослепительной, до такой степени, что слухи о ней летели за дальние моря и пустыни. И она считалась равной его мудрости.

Однажды жрец пообещал царю предоставить нечто необычное, хотя после вступления в обладание Камнем диапазон сознания Сол-Амона расширился, а чувства стали трудиться в сферах недоступных. Для Камня повелел он изготовить ларец-дарохранительницу, заказав его лучшему из ювелиров, Ефрему из колена Иудина. И тот взялся за дело.

По обещанию волхва, царь стал ждать еще одного подарка. И вот из сокровищницы вынесли на площадку перед дворцом огромный ковер и расстелили его, развернув и тщательно разгладив. Амон пригласил царя сесть в центр орнамента, вытканного на нем. Но прежде этого он попросил взять с собой Камень, о котором царь ему рассказал как доверенному лицу и духовнику. Амон посоветовал царю на ухо прошептать мысленно заклинание и предупредил, чтобы он ничему не удивлялся и не волновался. Были обговорены все моменты тех событий, которые должны произойти. Сол-Амон уселся, скрестив ноги, и пригласил жреца находиться рядом. Не успел он прошептать мантру, как края ковра стали подниматься, а потом и весь он постепенно начал отрываться от земли. Но после посещения Уроила царя уже трудно было удивить. Ковер взмыл над дворцом и, сделав круг над башней, вернулся на прежнее место.

Жрец пояснил царю:

— Только обладатель Камня Силы вернул ковру способность полета. На нем можно совершать воздушные прогулки и дальние путешествия без опаски и до тех пор, пока на теле или в руках находится величайшая из драгоценностей земных. Носи, о царь, Камень на груди своей и, если сила его станет вдруг для тебя невыносимой, снимай и укладывай в ларец, в потайное место. В нем сила твоего могущества и благоденствие всего мира. Только ближайший круг может быть посвящен в эту тайну. Мне тебя больше нечему учить. Ты перерос в мудрости своей Учителя, который с малых лет был с тобой. Отпусти меня в древнюю обитель. А около тебя останутся Дева Света Ариси и преданный тебе Шабал бен Суффрем. Им ты можешь доверять как себе самому.

Амон поклонился и, благословив и обняв царя, вышел так стремительно, что опешивший Сол-Амон не успел произнести ни слова. И впоследствии он даже не смог больше найти его, словно тот растворился во времени и в бесчисленных коридорах пространства. Жрец просто исчез. И для царя, которому он был отцом, нянькой и советником, этот факт явился потрясением.

———————————————

Сол-Амон был обескуражен. От царской службы редко кто сам отказывался. Но его наставник был стар. И, на прощанье показав чудо и открыв тайну Камня Силы, он исчез, словно только до этого времени и должен был служить, чтобы исполнить миссию приведения царя к моменту высшего Посвящения. Ходило много слухов, что жреца видели в нескольких днях пути от Иерусалима. И царь, глубоко сожалея, все никак не мог смириться с мыслью о том, что Амона уже нет около него. Но рядом были Шам и Ариси. И это смягчало его печаль.

Однажды, во время беседы, Сол-Амон спросил у юноши, почему все его зовут Шамом. И тот подробно ответил, что полное его имя по названому отцу Шабал бен Суффрем и что он уроженец Маалюля в Сирии, земле Солнца, которая в далеком прошлом именовалась

Шам Боло. Откуда взялось это название, никто не знал. Но индийские купцы говорили ему, что так называется Обитель Света, существующая в далеких горах на Востоке, в пограничье Индии и Китая. И в этом удивительном сплетении топонимов можно было угадать путь народов и их святынь.

«Шам» было скорее прозвищем, чем родовым именем. Оно было близко с начальным слогом его имени и несло в себе мантру сердца. Индусы, когда узнавали, как его зовут, рекомендовали произносить этот короткий слог, когда было тяжело и трудно, а стеснение сердца невыносимо. Произнесенное «Шам» считалось мощнейшей мантрой гармонизации духа и тела, умиротворяющей мощь вихря энергий, призванных из хранилищ космоса, приносило здоровье и давало жизненные силы. Но до того как Шам все это узнал, его наставник, старец-огнепоклонник, всегда одобрительно отзывался о его имени.

Старец продолжал являться ему каждую ночь. И обучение прекращалось лишь на день. Но Шам ловил себя на мысли, что и днем, в размышлении о чем-то трудном и не доступном его пониманию, он получал ответ очень простой. И это вызывало у Шама недоумение: как же он не мог догадаться раньше и все ходил вокруг да около стержня вихря размышлений?

Ариси собирала красивых и природно одаренных девушек вокруг себя, чтобы не было до времени известно, что царь в своем гареме создает тайную школу мудрости. Помимо этого, личная охрана царя была доверена Ариси, хотя официально во дворце были начальник стражи и воевода. Постепенно из девственниц создавался орден чистоты, обладающий не только умением противостоять врагам земным, чему служила подготовка в школе единоборств, — и перед силой девушек вряд ли устоял бы даже самый опытный воин. Весталки умели провидеть моменты негативного напряжения, которые угрожали царской особе, и уже на уровне астральном нейтрализовали саму причину и очаг возникающей агрессии. Потому и не было восстаний и войн. И, наравне с сильной

и преданной армией и полной золота казной, благословение Высших Сил снизошло на царство Иудейское.

Имя Старца

Шаму снился Маалюль — его камни и сады, красноречивые порывы ветра и голос Старца, звучащий на его родном языке, арамейском, на котором изъяснялись его отец и мать. И, к удивлению Шама, сам царь хорошо понимал этот язык и изъяснялся на нем, объясняя это тем, что мать его имела отношение к этой ветви народностей.

В Маалюле находилась одна из святынь арамеев. Это был древний монастырь, вырезанный в скале и посвященный неведомым Богам древности, которых заменили новые. Но пещера Огня-Творца считалась сокровеннейшей тайной всех времен.

Старец указывал Шаму на те моменты, в которых тот затруднялся, как поступить. И, следуя древнейшему завету подчинения, Шам знал, что ошибок в его поступках быть не должно, так как, по сути дела, через него гебры представлялись в Иерусалиме — одном из самых известных центров духовной культуры Востока того времени.

А сам великолепнейший из царей, мудрейший и благороднейший, решил сделать свою столицу открытой для всех религиозных конфессий. Это послужило косвенно и тому, что купцы самых разных стран хлынули в Иерусалим, зная, что они найдут здесь соплеменников, которые содержат постоялые дворы и караван-сараи.

Солью мира называли арамеи мудрейших из людей, потому что соль противостоит всем видам разложения и сохраняет продукты, особенно на Востоке, в состоянии, доступном для принятия их в пищу. А в отношении мудрости роль святых людей заключается в сохранении духовных основ, на чем и держатся все законы

человеческого общества. А самоволие как пиратская психология считалось нарушением норм права, в том числе и международного. В древние времена уложения против бунтарства были весьма строгими.

———————————————

Но кто же был Старцем, наставлявшим в течение многих лет Шама? Старого Амона спросить об этом было нельзя, так как он бесследно исчез. И только вечно-юная Ариси могла знать все тайны магических наук мира. Поэтому однажды, когда царь призвал их к себе для духовной беседы, состоящей из вопросов и ответов, в которой каждый мог говорить, не выходя из общей канвы темы, то, что знал и что ему на тот момент приходило в голову, Шам, не стесняясь царя и не скрывая от него своей озабоченности, спросил у Ариси имя старика-наставника. И та с очаровательной улыбкой вечно-юного существа ответила:

— Зачем тебе это знать? Разве это что-то изменит в твоем почитании Учителя? Может быть, печать тайны необходима для ваших отношений. И, конечно же, я могу назвать его имя. Но пообещай мне, что будешь произносить его лишь про себя, при умном шепоте, чтобы не мешать Наставнику. Ведь он не обязательно может находиться в плотном теле и жить в нем. Лишь для вызова его силы и помощи я произнесу имя, но только на ухо. Прости меня, царь, но не все должно превращаться в звук, который является кристаллом острым и губительным в определенных случаях.

И Ариси, наклонившись к Шаму и прислонившись к его уху так, что он почувствовал аромат, исходящий от ее тела и дыхания, тихо произнесла имя. И, вдобавок ко всему, она заметила, что в каждой из стран у Старца может быть имя иное, но для Шама оно звучало как «Аль-Ашар». Наставник был сирийцем и земляком Шама. Но позднее, в Венее, его стали звать Ямвлихом — в греческих колониях и Византии. Но этого было достаточно, для того чтобы имя служило ключом для вызова облика Мудреца.

Храм Господа

Для Израиля наступили дни благоденствия и мира. Золото текло рекой. Казна была полна до краев. Развивались торговля и производство вещей, необходимых для народа. Учреждались школы и академии мудрости. Ремесла продвигались невероятно. Появилось множество свободных рабочих мест. Можно было отдаться накоплению мудрости.

И в своем размышлении о судьбах всего необъятного мира царь однажды решил построить новый Храм Господа, на руинах древнейшего, который покоился на основании храма языческого Бога Яви. Все считали, что святилища новых верований строились как средство угнетения и подавления невежественной религии. Но, на самом деле, это была преемственность изначальных мест силы, избранных знающими людьми с самого начала времен. По всему свету можно было обнаружить такие замещения святилищ одной веры храмами другой.

Как-то Сол-Амон пригласил с собой Шама на прогулку, как он часто делал это, без предупреждения и оповещения о том, куда будут направлены их стопы. Он встретил Шама в своей рабочей комнате, протянув ему обе руки и обняв, как старого друга. Тронный зал служил только как место приема гостей, а суды Сол-Амона вообще проходили на площадях городов, которые он посещал. Но сейчас он поманил Шама за собой в комнату, где через раскрытую дверь виден был черный провал. Видимо, это был вход в подземелье.

Запалив смоляной факел, царь передал его Шаму, и они стали спускаться вниз, ступень за ступенью. Вначале ступени были обычными, но затем перешли в более широкие и высокие. Своды становились обширнее, а плиты, на которых покоился дворец, увеличились

в размерах. На некоторых из них можно было обнаружить слова, написанные на неизвестном языке. Такие Шам видел у матери на браслете, который она носила на руке. Мать говорила, что это знак обручения с его отцом.

Обернувшись к Шаму, царь сказал:

— Мы стоим под тем местом, где был расположен Храм Господа. Глубже мы пройти не можем, хотя подземелья уходят очень далеко. В древнейшие времена это были земли Белых Богов, которые пришли сюда с севера и создали организованное общество. Тебе это должно быть известно, по твоей привычке большую часть времени проводить в книгохранилище. И я решил отстроить новый Храм на месте старого, в котором будет место для каждого из Богов человечества. Нужно подниматься вверх. Факел гаснет и становится трудно дышать: ведь воздуху трудно проникать сюда. Нужно сделать специальные шахты для выхода подземных газов, но это если кому-то понадобится это подземелье в качестве полигона для исследований. Тюрьму не хотелось бы делать в таком месте. Даже преступник должен видеть солнце. Может быть, оно его чему-нибудь научит. И только самые неисправимые из них должны работать в каменоломнях, в самых глубинах земли, не видя света и не вдыхая свежего воздуха. Казнить человека просто, но исправить трудно.

Они вернулись назад. И, поднявшись наверх, царь твердо решил начать строительство нового Храма. Нужны были знающие люди и мастера, способные все это создать. По всей стране был брошен клич о том, что все каменщики, плотники, златоковачи и многие другие люди, обладающие способностью строить, должны явиться во дворец, где им будет предоставлена работа.

———————————————

Древняя крепость Рушалим была отвоевана у ханаан царем Давидом за тысячу лет до рождения Христа. И туда, на Гору Мориа, был перенесен Ковчег Завета. Его положили на алтарь языческого Храма Бога Яви, или Белого Дня, которому поклонялись ханаане в числе

многих других Богов. Но ханаанами считались протославяне. А еврейское название «хан-аан» можно было расшифровать как «странствующие ваны» или «иваны, потерявшие статус ханов, правителей».

Царь Сол-Амон хорошо знал историю древнего Храма. Он знал также, что израильтяне старались, как и во всех религиях, на месте поклонения древним Богам утвердить свое святилище. На деле же, они пользовались местом благодати, которое служило людям тысячи лет человеческой жизни, являясь святым и наполненным высоким наслоением духовной силы.

Для постройки Храма, которую задумал царь, площади на горе Мориа было недостаточно. И, следуя совету мастеров-каменщиков, которые были собраны со всей страны, было решено расширить территорию за счет построения вокруг горы опорной стены, или гигантского фундамента, заключающего в себе все горные склоны и спрямляющего все уступы.

Возводилось громадное основание нового Храма Завета Божьего, святилища Бога Яхве. Но сам Сол-Амон смотрел на эту постройку куда шире, понимая, что каждая из религий всех земель и народов отражает лишь одно из качеств Единого Предвечного Бога. Невозможно отразить все Его качества в каком-то одном почитании. Закладывалась традиция богомудрия, или признания в каждом веровании рационального зерна. Не признавались за благие только те религии, в которых совершались человеческие жертвоприношения, и особенно придание смерти детей во славу Молоха — Бога богатства и войны.

Перстень Силы

С Камнем Силы царю не хотелось расставаться ни на миг. Вначале он носил его на шее, но потом

решил поручить мастеру извлечь часть Камня и сделать Перстень, который не будет сниматься с руки ни при каких обстоятельствах. И это он поручил златоковачу Ефрему, который с жаром и трепетом взялся за дело. И через короткое время Перстень был готов. Но как только Сол-Амон надел его на палец, пред ним в ослепительно ярком свете предстал Владыка Воздуха Уроил-Зена, или Уриэль.

— Не гоже ты поступил, царь, нарушив единство первородное Камня. Но чему быть — того не миновать. Ведь этот твой поступок станет причиной страдания твоего народа. Но в этом есть и черта ободрения. Перстень имеет силу повелевать духами не только воздушного царства, но и других стихий. И это поможет тебе при случае, если нужна будет помощь стихийных начал. Но помни одно — ни при каком ходе событий не снимай с пальца этот Перстень: иначе вся сила, подчиненная ему, будет стараться его уничтожить. Он обладает способностью изменять сознание человека и делать его верховным правителем магов всей планеты. И хотя ты еще не готов быть им, но в силу обстоятельств ты сам себя произвел в этот ранг. Лишь на несколько жизней, в наказание за непослушание, ты будешь воплощен бедуином, но все будут знать тебя как Царя Пустыни. Ты будешь ждать светловолосого юношу, которого обучишь и направишь к Обители Света, вместе с ним отработав долг своего самовольного поступка. Но это будет не скоро. А пока пользуйся силой Перстня. И тебе должно быть ведомо, что на севере с твоим царством граничит страна Ливан, где правит царь Хирам. Это очень хороший человек, обладающий выдающимися способностями. Он поможет тебе, поставив кедр для Храма. И знай, что все прощается тебе за то, что твое сердце так любит Всевышнего и людей как носителей искры Его. Твоя справедливость — залог избавления от многих бед, не только личных, но и всемирных. Войну всегда развязать легко, но усмирить трудно. Цени мирную жизнь и благополучие.

———————————————

Сол-Амон, заглянув в башню Шама и будучи с ним наедине, сказал ему:

— Чудесна долина Кедрона. Благоухает ветер, напитанный вечным цветением жасмина и магнолий. И все в этом мире прекрасно. Но Господу нашему, Властелину этого Мира, пора отдать должное и построить Храм, которого не было с начала мира. Я призвал лучших архитекторов и строителей. И замысел мой, который вынашивал долгие годы, доверяю тебе. Чтобы отстроить Храм в великолепии и мощи, нужны кедр и мрамор, которых у нас нет в таком изобилии. Я посылаю тебя к царю Тирскому, Хираму, чтобы ты договорился о моих потребностях. Впрочем, все изложено будет в письме, которое ты ему повезешь.

Взглянув на Шама проницательным взглядом, которым царь отличался, он полушутя заметил:

— Летающий ковер дать не могу, потому что он подвластен только Камню и Перстню, но караван прикажу снарядить как послу моей власти и одному из лучших друзей. Толмач тебе не нужен: ведь ты знаешь множество наречий и изъясняешься на них вполне свободно. Начало поставок леса необходимо уже к осени. Бери любых знатоков деревянного искусства, любые суммы денег и поезжай. Я дам тебе лучшую охрану и лучших коней. Привезешь с собой того, кто станет главным зодчим и начальником строительства. Как известил меня мой друг, царь Тирский, у него есть мастер Хирам Абифф. И символика совпадения имен наводит меня на мысль о том, что и меня воспитал, по сути дела, духовный отец Амон, носящий половину моего имени.

— И где он сейчас? — с легкой печалью вопросил Сол-Амон. — Мне так его не хватает. Даже об отце я так часто не вспоминаю, потому что с ранних лет был отлучен от дворца. Он оберегал меня до срока от старших братьев моих.

— А где они теперь? — полюбопытствовал Шам.

— Кто где. Один — в Вавилоне, другой — где-то в дальней Индии, третий пропал в Египте, а остальные проживают наследство, оставленное им отцом,

в областях, им отведенных. Слышал, что пируют и веселятся, а в государственных делах участия не принимают.

Царь вдруг замолчал и покачал головой. Ему было неловко вспоминать о тех, кто мог бы стать ему опорой. Но в своем пренебрежении братья избегали Сол-Амона, обидевшись смертельно на отца за то, что трон достался самому младшему из них. Все они считали его полукровкой, а не чистым израильтянином, потому что мать Сол-Амона была родом из северных земель.

Поход за Шамиром

И сказал Господь Сол-Амону:

— Замысел твой хорош. Но, по Велению Моему, ты не должен использовать для строительства Дома Моего острые инструменты, топоры, тесала и зубила. Лишь избежав этого, ты можешь возвести чистый Храм на этом месте.

— Но каким же образом будет построен Храм без железных приспособлений и инструментов?

— Я открою тебе тайну червя Шамира, величиною с ячменное зерно, который точит металл и камень любой твердости, включая алмаз. Но достать его непросто. И если сам ты не возьмешься за это, то поручи верному человеку. Владеют червем Шамиром демон Шад и его жена Шадайна. На высокую вершину в тайном месте прилетают они к роднику силы, чтобы утолить жажду и восстановить свою мощь. И каждый раз после этого они закрывают источник бессмертия огромным камнем и накладывают свою печать, а в следующий раз, прежде чем открыть его, проверяют, цела ли печать и не осквернены ли воды источника чьим-либо прикосновением. Лишь пленив демона, ты сможешь добыть червя Шамира и заставить Шада служить тебе в качестве того, кто будет строить стены Храма. Доверь Перстень свой Шаму

и пошли его с отрядом воинов на то место, которое Я тебе укажу. Но не забудь мех вина, овечью шерсть, ячменные отруби и свинцовый кувшин, в который поместишь Шамира, дабы он не нанес вреда тебе и людям твоим. Не забудь и цепь, какими удерживают львов и леопардов, чтобы пленить Шада. А Перстень и Имя Мое Сокровенное заставят его подчиниться воле твоей.

Голос незримого существа умолк. А царь сидел в задумчивости, размышляя о том, где найти эту гору и каким образом провести такого рода операцию. Ведь Шад и Шадайна — это не люди, а демоны, джины гор, которые обладают чутьем невероятным в плане слышания не то что человеческого присутствия, но и мыслей, угрожающих их жизни и свободе. Как жаль, что исчез внезапно наставник его и учитель Амон. Но ведь есть Ариси. Да и Шам совсем не так прост, как это может показаться на первый взгляд.

Сол-Амон спешно послал за ними. И вскоре они явились к царю. Но разговор решили продолжить, учитывая его важность и предельную секретность, в библиотеке царского дворца, где у царя была своя потайная комната, о которой не знали даже слуги.

Громадное хранилище книг и свитков поражало воображение. Здесь присутствовали даже древние книги египтян и атлантов на золотых листах, которые невозможно было прочесть. А на страницах некоторых книг не было ничего. Но при их открытии человек впадал в состояние, похожее на гипнотическое, когда он начинал видеть непонятные образы и слышать речь, которая сопровождала их и объясняла увиденное.

— Сказано мне было, что нельзя использовать при постройке Храма камни, тесанные и пиленные острыми железными приспособлениями, что будет признан такой труд нечестивым и что нужно использовать тайный инструмент в виде червя Шамира, — начал Владыка Израиля. — Слышали ли вы о чем-то подобном?

Ариси выслушала царскую речь и, немного помедлив, произнесла:

— Вместе с посохом Великий Учитель вашего народа взял из Египта свинцовый сосуд, в котором хранилось живое зерно. Считается, что начертания на Изумрудной Скрижали Тота Трижды Великого сделаны стараниями этого зерна. Сам Моисей получил сапфировые скрижали от Всевышнего. Но, увидев поклонение сынов израилевых золотому тельцу, Он скрыл их, заменив досками из серого гранита, на которые было скопировано начертание при помощи Шамира. Для этого живого зерна нет ничего твердого в этом мире. Сталь, алмаз, базальт, гранит, обсидиан для него не крепче, чем масло для ножа. При исходе из Египта был вынесен и Ковчег Завета, та неведомая святыня, которая хранится в покоях Скинии Заветной. Шамир удивителен еще и потому, что им владеет один из величайших духов горных стихий. Он назван Шадом одними из мудрецов и Асмодеем другими. Но, на самом деле, он не зол и не добр. Попеременно у него вырастает то петушиная, то львиная, то драконья голова. На севере его кличут Василиском, а в пустыне — Джином Бури. Он может принимать плотные образы. Но чаще всего его тело — это облачное образование. И питается он лишь водой из источника вечной жизни.

— Но где же этот родник, о котором ты говоришь? — спросил Владыка.

Ариси продолжила:

— Есть одно тайное место — одинокая гора на севере Сирии, поросшая кедром. Из-под корней самого громадного из них и вытекает этот источник. Вода держится в громадной каменной чаше, прежде чем уйти в землю или испариться. Небольшая пещера, где находится чаша, запечатана валуном, откатить который может лишь несколько десятков человек. Но есть и иной вход, малозаметный для огромного духа, но доступный для человека. Собирая караван, вручи несколько мехов вина для такого дела. И тот способ, каким будет все исполнено, передай шепотом лишь на ухо доверенному, чтобы волны ветра донесли весть до ушей горной стражи только в последний момент. Гора эта находится недалеко от Маалюля.

Шам вскрикнул:

— Я ведь родом оттуда! — и с горячностью продолжил: — Я знаю эту гору и никогда не думал, что все годы моего детства и юности прошли рядом!

На него нахлынула волна воспоминаний, светлых, как запах цветов жасмина и всей долины у подножия дома, в котором он жил.

Сол-Амон, внимательно вслушиваясь в слова юной вавилонской жрицы, думал о чем-то своем. И, как бы отвечая на все вопросы, учитывая закрытый характер совещания, тихо произнес:

— Ну вот и хорошо. Тебе, друг мой Шабал, придется побывать там еще раз и навестить свою мать. Можно взять с собой и твоего отца. Пусть возвратится на родину, чтобы достойно встретить старость. Казной я его обеспечу до конца жизни. Пусть живется ему долго, без болезней и в благоденствии. Я прикажу собрать караван и подробно расскажу тебе об очень трудной задаче. Ты должен привести в Иерусалим самого Шада с Шадайной.

Шам вздрогнул от неожиданности и удивления.

— Разве это под силу обычному человеку?! — почти вскричал он.

Царь улыбнулся и сказал:

— Под силу. И если бы не дела государства, то я сам принял бы участие в этом предприятии. Нужно собираться. И ничего не страшись. Если хочешь, спроси у своего Старца, возможно ли это. А потом расскажи, что он ответит.

———————————————

Беседа длилась еще очень долго, касаясь различных магических аспектов, приемов и методов, а также того сокровенного и неуловимо-тонкого, что правит миром людей. Ведь власть земная, если она не поддержана Силами Небесными, должна опираться лишь на грубое подавление всякого инакомыслия, на неограниченное насилие над человеческой волей, разумом и чувствами. Роль власти в богопочитании крайне важна как пример силы, направляющей к Истине. А безбожие не дает

глубины расширения сознания, но отсекает мир плотный от мира духовного, который облагораживает даже материю.

Вдохновение царя было очень понятно. Ему не хотелось отходить от указаний Высшего Разума и действовать по своему усмотрению. И потому он не жалел средств, чтобы выполнить все в точности.

Караван был организован стремительно. Воины и строители, знатоки горных пещер и рудознатцы были включены в эту специальную экспедицию. Все было предусмотрено для устройства жизни, учитывая, что путь был совсем не близкий и нужно было пересечь Сирийскую пустыню, а это могло обернуться любой неожиданностью.

Совет Старца Шаму был таков: это значительный опыт участия в мистической жизни, а не простое авантюрное приключение. Еще он прибавил, что цепь из серебра можно взять, но она не сможет смирить великого духа, если не будет других средств удержания. Старец добавил, что воду из источника лучше не пить: иначе могут наступить непредсказуемые последствия.

Отец Шама с радостью согласился вернуться домой: ведь годы брали свое и заниматься прежним делом ему было уже не под силу. Он был бесконечно благодарен подарку царя и радовался, что доживет свои годы безмятежно.

———————————————

Караван отправлялся рано утром. Верблюды были навьючены, а кони заседланы. И, несмотря на ранний час, сам царь приехал попрощаться с Шамом и дать ему наставление. Позвав его в закрытое помещение караван-сарая, где их никто не мог подслушать и подсмотреть, первым делом он снял с указательного пальца правой руки Перстень с кусочком Камня и надел его на палец Шама.

— Я доверяю тебе святыню, которой нет равной в мире. Именно ее обладатель защищен на земле от любой силы. Только он имеет право повелевать

духами, даже самыми непокорными и ужасными. Твое дело требует полного бесстрашия. Собери все свое мужество и следуй, не опасаясь ничего. Охрана подчинена тебе, как и весь караван. Ты давно уже созрел для такого похода. Все может случиться в пути. Но самое лучшее из всего — если ты возвратишься живым и здоровым, исполнив Волю Господа.

Сол-Амон обнял Шама и вышел из комнаты.

Перстень Силы, врученный Шаму, наполнил его сознание какой-то новой энергией, которую он не ощущал ранее. Какое-то мощное воздействие передалось ему, словно он сам стал владыкой этой земли и знатоком многих премудростей.

На дворе томились люди. Караван включал больше сотни верблюдов. А охрана и Шам должны были одолеть пустыню на арабских скакунах, которые не боятся жара и очень выносливы в таких условиях пути.

———————————————

Выехав из ворот за крепостные стены, Шам оглянулся и увидел, что издалека ему машет чья-то едва видимая рука. Фигура женщины почти расплывалась в легкой дымке. И первая мысль, которая ударила в сердце, была: «Ариси!»

Она не забыла, что Шам с караваном уходит утром. Она просила, чтобы Владыка позволил и ей участвовать в походе, но тот отказал, сославшись на то, что у нее множество других дел в столице. Школа уже начинала работать. И нужно было организовать процесс так умело, чтобы обучение не было превращено в рутину, а диапазон даваемых знаний был настолько велик, чтобы времени для отдыха почти не оставалось. Все научные дисциплины того времени — от математики до музыки и философии — нужно было усвоить хотя бы на среднем уровне. А те девушки, которые достигали успеха в обучении, сами должны были становиться преподавателями в той области наук, где наиболее преуспели.

Некоторые поговаривали, что Ариси была колдуньей и возглавляла самую секретную службу

безопасности царя Иудеи, что было совершенной правдой. Только она знала, что за человек был Сол-Амон — и человек ли он вообще, если умеет общаться с Господином Миров и Его Архангелами, и даже получает дары свыше.

Ариси знала, что в теле Владыки воплощен тот высокий дух, который некогда был Моисеем-освободителем. И потому, хотя и была вавилонянкой, она очень трепетно относилась к царской особе, считая Сол-Амона величайшим из людей, и готова была пожертвовать жизнью за него. Она рисковала, но тайно подобрала невидимую стражу, о которой не знал даже начальник охраны дворца. В отряд личной охраны царя под видом служанок и горничных были отобраны не только самые красивые и умелые из девушек, но те, кого сама Ариси обучила приемам отражения психических атак, и даже некоторым видам боевых искусств. Они были почти незаметны среди прочей челяди, но при необходимости могли спасти Владыку от удара кинжала или меча, и даже от дурного сглаза.

Но и сам царь был провидцем и мог предвидеть любой заговор. На этот случай у него существовал ряд двойников, которые служили для парадного выхода в город, когда он сам следовал рядом, переодевшись в вельможу или охранника.

Мудр и предусмотрителен был царь Иудеи и многими достоинствами и качествами обладал. И даже если бы он не был помазан отцом своим на царство, то не потерялся бы в мире того времени. Но при нем процветало государство Иудейское и не было бедных и нищих, а мир утвердился, потому что сила его была велика, как и войско, которое являлось самым обученным, многочисленным и превосходившим другие в те времена.

———————————————

Поймать демона и пленить его — требовало невероятного бесстрашия. Но Шам понимал, что вооружен настолько же, насколько подготовлен психически. Вся его жизнь приобретала такой сокровенный смысл, что становилось отчетливо видно, для какой цели он

проходил обучение у Амона и Ариси, которую любил очень сильно, хотя не подавал вида, зная, что ей невозможно стать чьей-то женой, потому что иначе она утратит силу мудрости и дар пророчества.

На нижних этажах-ступенях великого зиккурата, святилища Богини Иштар, находились жрицы низшего порядка, которые никогда не могли подняться на верхний этаж ни по своим качествам, ни по достоинству ума. Вырождение культа, вследствие чего он и был забыт, произошло из-за вульгаризации, когда тысячи низших жриц отдавали мужчинам, пришедшим на празднество, свою любовь. Считалось, что такая оргия есть жертвенное приношение Богине Любви, Матери Вавилона. Дети, родившиеся после такого зачатия, считались благословенными и посланными Богом. Но извращение религии было настолько велико, что слова «разврат вавилонский» вошли в поговорку, а термин «вавилонская блудница» стал нарицательным.

Но высшее жречество придерживалось Высших Указов и Посланий Богов. Сохранены были сокровенные мантры и гимны, открывающие портал между мирами, через который шла связь Мира Богов с человечеством. Сам Ану, Бог Неба, Неизреченный и Вечный, представлял недосягаемую Мудрость и Святость. Ему молились даже Высшие Миры, которые разделяли человечество на старшие и младшие цивилизации. И разница в развитии между ними была так же велика, как между людьми, состоящими в Братстве Света, и детьми младшего возраста, только что начинающими жизненный путь.

Ариси знали даже Великие Учителя, которые послали Камень Власти и Силы царю Сол-Амону. Как Дева вечно-юная, она проживала в мире людей последнюю жизнь, перед тем как вступить в Братство Белой Горы, потому что множество жизней ее проходило в познании таких высот Духовного Мира, которые не доступны будут многим еще очень и очень долго.

Шам был знаком Ариси не один раз. В прошлых воплощениях они встречались в разных ипостасях

житейского мироустройства — как сестра и брат, как мать и сын, как муж и жена, любящие друг друга всю жизнь.

И сейчас она любила Шама, но не позволяла проявить свою любовь в физиологическом смысле. На самом деле, девственная жизнь во многих воплощениях сделала ее асексуальной. А, по мнению посвященных, у Сестер такого уровня даже отсутствовали родовые пути при внешней женской форме.

Помахав рукой с крепостной стены дворца, с самой ее высокой точки, Ариси послала Шаму свое благословение и пообещала себе, что будет мысленно помогать ему в его трудном задании.

Но сады цвели, травы шумели, журчали ручьи, а караван уходил на север от земли обетованной, минуя ущелья и развалины древних городов и святилищ, оливковые рощи и апельсиновые сады, не зная, какая участь ждет каждого из спутников, которые вместе отправились в такое дальнее путешествие.

Шам передвигался на скакуне гнедой масти и иногда давал распоряжения, что ему было непривычно на первых порах. Но прозвище «Друг царя» делало его обязанности более легкими. И одет он был скорее как военачальник высокого ранга, чем как купец. Часто, опережая караван, он готовил для него прибежище. Разведчики докладывали о том, есть ли опасность для каравана впереди или позади: ведь горы и пустыня кишели разбойниками и этим ремеслом занимались целые племена. Но караван царя Иудеи они трогать боялись, зная силу его и возможность ответных мер.

Встреча с Аскером

Проходя мимо развалин древнего города, Шам полюбопытствовал у своего помощника, начальника сторожевого отряда, что было на этом месте. И тот рассказал

ему историю о завоевании этих земель Иисусом Навином и о взятии неприступной крепости при помощи Ковчега Завета и гигантских труб, которые издавали ужасные звуки, отчего громадные стены пали в мгновение. Иначе как чудом это назвать было нельзя, потому что Иерихон как самый укрепленный город ханаанцев никто не мог захватить многие тысячи лет, которые он простоял вплоть до своего падения.

Глядя на исполинские руины, Шам подумал: «Кто же строил эту крепость, если и двадцать человек не могли бы поднять один камень?» Похоже, что сказки о нефилимах оказались реальностью. Ведь невозможно простому и слабому человеку выстроить такие башни, уходящие в небо.

Около этого города караван остановился на первый ночлег. И когда подходила к концу вечерняя трапеза, к расположившемуся отряду подошел бедный высокий человек, испрашивая позволения погреться около костра.

Шаму доложили о страннике. И стража привела его. Глядя на путника, Шам уловил очень острый и цепкий взгляд.

— Кто ты? — спросил он.

Странник ответил смиренно, но в его словах звучала тайная сила убеждения:

— Я бедный дервиш и, прослышав о том, что караван ваш идет в Сурью, хотел просить позволения проделать путь вместе с вами. Одному трудно одолеть пустыню. Беспокойства я вам не доставлю. И пища моя при мне. Только пиалу чая или воды могу попросить.

— Хорошо. Присаживайся и раздели с нами трапезу, — ответил Шам.

Присев рядом и приняв лепешку и пиалу похлебки, странник медленно ел, иногда поглядывая на Шама.

— Пусть будет так. Я пригожусь тебе, и не раз, — произнес он.

И Шам почувствовал внутреннюю дрожь от этих слов и от сопровождавшего их странного взгляда.

———————————————

Перстень, который царь Сол-Амон вручил на время выполнения миссии, оказывал на Шама странное воздействие. Ему казалось, что он открывает перед ним такие пространства и способности, что это было для него невероятно. Он не только видел наперед весь путь своего каравана и возможные препятствия, но слышал ангельские голоса, и существа земли, воздуха, и даже огня, шептали ему что-то сокровенное. И самым неожиданным оказалось то, что он может разговаривать с Владыкой, и даже видеть его, несмотря на все расстояния.

Путника, прибившегося к каравану, звали Аскером. И вечное странствие стало ему уделом жизни по той причине, что он искал сокровенных знаний, но не мог отыскать их в храмах и святилищах, где жрецы были высокомерны и самовлюбленны. От одного встречного он прослышал о Сармунском Братстве, древнем ордене странствующих монахов, владеющих тайнами мироздания, и решил любым способом попасть в горы северной Сурьи, где оно, якобы, и находилось, или там была одна из его многочисленных обителей.

Аскер обладал с детства удивительной способностью разговаривать с духами ветра и уговаривать их не наносить вреда людям и животным. И это у него получалось, начиная с тех времен, когда он, будучи мальчиком лет семи, уговорил ураган остановиться и не разрушать дома соседей в его родном селении. Мальчику никто не поверил. Даже родители упрекали его в чрезмерной фантазии и считали выдумщиком. И с тех пор он замкнулся в себе и уже никому ничего не рассказывал, твердо решив найти знающего человека и постичь священную мудрость мира.

Аскера не интересовало богатство. И даже девушки не оказывали на него никакого воздействия. Услышав, что около Иерихона остановился караван, он с надеждой устремился к его становищу. Шам очень впечатлил его — не потому, что был величественен, но тем, что отличался от других признаком внутренней власти. Душа Аскера чувствовала какое-то очень значимое событие,

свидетелем, непосредственным участником, и прежде всего инициатором, должен был стать этот господин.

Аскер иногда разговаривал с духами ветра. И они ему передавали интересные известия. Верить в них Аскер не спешил, сомневаясь в том, что они подлинны и правдоподобны, но продолжал эту не утомительную для него практику.

Духи ветра были веселы и свободны, как птицы, которые купались в их потоках. Среди них были древние и молодые сущности. Было удивительно, что и воздух полон существами разнообразными и необычными. Они имели свойство превращаться во все, что им заблагорассудится, и тут же исчезать, словно облака — в небе.

Аскер узнал, что есть Владыки Воздуха. И один из них — могущественный Архангел Господа Уроил-Зена, или, как его звали сокращенно, Уриэль или Ариэль.

Следуя совету своих тайных друзей, Аскер и подошел к становищу, не уверенный, что его возьмут с собой и примут в свою многочисленную команду, которая, по сути дела, была единодушной и сплоченной, потому что подбиралась самим Владыкой. Помимо того, что воины, которые несли охрану каравана, были сильны и умелы, они обладали даром добросердечия, что было не свойственно людям этой суровой профессии.

Узнав, что глава каравана принял Аскера в общий круг, каждый стремился помочь бедному человеку, кто — добрым словом, кто — горячей лепешкой или глотком воды. Со временем Аскер влился в общую ауру этого круга людей, многие из которых даже не были посвящены в то, что им предстоит пережить. Они шли в дальние края, исполняя царский приказ. И решимость выполнить его превосходно продвигала их вперед. Кому-то мечталось о награде и повышении по службе. А многим молодым воинам интересно было увидеть дальние страны и жизнь людей, которая отличалась от их собственной как верованиями, так и своим образом. Земля Хананская влекла их, несмотря на то, что в основе своей состояла из пустыни. Но и пустыня была прекрасна.

В землях Хирама Тирского

Караван вышел в самое новолуние в надежде, что самую трудную часть пути можно будет пройти ночью. Верблюды шли медленно. А скакунов трудно было удержать. И Шам решил опередить основную группу и остановиться на самой границе Иудеи, где начинались земли Хирама Тирского. К тому же нужно было передать письмо Сол-Амона царю этой страны.

Город, расположенный в долине реки, был зелен и красив. И как только Шам со своим отрядом въехал в крепостные ворота, его уже встречали начальник крепости и знатные горожане. Они были предупреждены о прибытии друга царя Иудейского и посла по особым поручениям. Молва о Сол-Амоне разнеслась через тысячи уст и ушей далеко за пределы всех границ. Поэтому все считали большой честью встретить гостя такого ранга. Посланцы Хирама Тирского уже некоторое время ждали прибытия каравана. Доверенное лицо должно было передать послание.

Шама принимали в самых лучших покоях города. Дворец был великолепен. Цветочный аромат и прохлада струились через открытые окна. И здесь можно было ненадолго забыть о походной жизни. Хирам позаботился о том, чтобы каравану в пределах его страны оказывалось всяческое содействие и помощь. И дополнительно было поручено войскам сопроводить его до границы, чтобы воины стражи Сол-Амона могли отдохнуть перед переходом через огнедышащий котел пустыни.

Оставшись один в своих покоях, Шам повернул Перстень на пальце Камнем вверх. Во время похода и на людях он старался скрывать, что это не обычное золотое кольцо, а священная реликвия царского дома и знак его доверия.

Почти сразу же в туманной дымке, вначале неясно, а потом очень четко, в пространстве появилось лицо царя Иудеи. И Шам услышал его голос:

— Приветствую тебя, дорогой мой Шам! Трудности пути еще впереди. Не страшись ничего, даже самых жестоких нападений. Многие из демонов захотят убить тебя, чтобы завладеть кольцом. И демоны эти будут в обличье людей. Это нужно знать. Я передал Хираму свои опасения в письме. Помни, что от твоей воли зависит успех построения Храма Господа.

Предупреждение царя озадачило Шама. Но пугаться он не привык, и тем более избегать трудностей. Все могло случиться в таком долгом странствии. И, конечно, главное было сохранить волю.

———————————————

Дыхание пустыни уже ощущалось. Но караван еще не подошел. И можно было пока насладиться гостеприимством горожан и, наконец, сделать личные заметки в маленькой кожаной тетради. Волна впечатлений рождала мысли. А удержать их было чрезвычайно трудно, и тем более успеть записать, облекая в достойную форму. Всегда было важно поймать первозданную, свежую энергию мысли и зафиксировать ее, посадив в клетку слова. Потому Шам и не любил переделывать свои стихи и записи, что на основную энергию одного времени наслаивалась иная, можно сказать чуждая, сила. Но научиться писать набело, чтобы потом ничего не исправлять, было не так просто.

Искусство передачи словами мысленного процесса всегда проигрывает в силу бедности человеческого языка. В лучшем случае можно лишь отразить присутствие и наличие силы, для которой слова явлены хранителями всего ее космического потенциала. В каждом слове заключается бездна понятий. А синонимы отчасти пытаются иллюстрировать такое глубинное смысловое многообразие, неисчерпаемое, невыразимое и неизбывное.

Творчество расширяет границы внешнего мира и все больше притягивает к познанию метанаук, след

которых остается в низшей, земной ипостаси. В этом вопросе Шам многому научился у Ариси. Но посещать школу сол-амоновых наложниц можно было только женщинам. И ради знаний, чтобы слушать наставления вавилонской жрицы, Шаму приходилось переодеваться в женское платье. Ариси знала об этом и старалась поместить его в дальний угол, чтобы он был незаметен. Знал об этом и царь и совсем не был против. Но правила нужно было соблюдать, потому что шпионов и соглядатаев во дворце было множество и не все они работали во славу государя. Своя тайная служба была почти у каждого из министров. Но все же царь держал все в своих руках. И добытые сведения о частной жизни и обо всем, происходившем не только во дворце, но и во всех уголках государства, были ему ведомы.

Дух размышлений почти всегда соседствовал у Шама с разговором со Старцем Горы. И постепенно он обретал свойство понимать людей без слов, слыша или угадывая их мысли по выражению лица, движению глаз, губ и общей жестикуляции. Ему не изменяла привычка учиться даже во сне, где он получал такую инъекцию знаний, что этого хватало надолго. Надо было что-то переварить и усвоить, а что-то забыть. Невозможно было вместить все, что давалось. Но это совсем не смущало Шама, потому что иногда непонятное возвращалось назад и додумывалось до полного понимания.

———————————————

Прием в честь посла царя Сол-Амона был столь изыскан, что сами горожане не видывали такого за всю свою жизнь. Можно было подумать, что встречают самого царя Иудеи. Хвалебные и заздравные речи следовали одна за другой. Яства и вина сменялись сладостями и фруктами. Но, помня наказ Владыки, Шам почти ни к чему не притронулся, разве что выпил глоток розовой воды, и по окончании долгой и утомительной церемонии, притворившись захмелевшим, удалился, поддерживаемый своей стражей. Он решил спровоцировать тех, кто попытался бы завладеть Перстнем, и предупредил своих

доверенных воинов, чтобы они не стояли около двери, а спрятались за занавесками, число которых было бесконечно. На каждом шагу их было так много, что нельзя было шагу ступить, не задев их. Это спасало от изнуряющей жары и от чрезмерно яркого света.

Постель, а вернее шикарная опочивальня, находилась в самом углу помещения, около окна. Но Шам решил не ложиться в нее, а устроился внизу, под кроватью, сложив одеяло так, будто он спит в кровати, укрытый почти с головой.

———————————————

Ночь окутала город такой непроглядной тьмой, что только факелы около дворца освещали его окрестности. После полуночи, ближе к двум часам ночи, Шам, уже почти уснувший под своей кроватью, услышал осторожный шум. Кто-то открыл решетчатое окно и, после того как залез в спальню, подошел к кровати. Шам видел ноги человека и слышал, как он несколько раз нанес удары большим ножом так, что острие прошло через толщину всей постели. После этого раздался шум борьбы и крики. Нападавшего задержали. И Шам увидел искаженное злобой лицо, а слова человека запомнил надолго.

— Тебе никогда не достичь своей цели! А Перстень Власти все равно будет моим! Все демоны предупреждены о твоей миссии. Не думай, что такие вести могут остаться в пространстве безмолвными. Колдуны не подпустят тебя к горе, которой они поклоняются. Ты еще узнаешь, что такое проклятие демонов пустыни, — говорил он, и голос его походил на шипение разгневанной змеи.

Стража увела его вниз. Прибежали слуги и комендант дворца, зная, что такое нападение для них даром не пройдет. Но тут внезапно вбежавший начальник караула закричал:

— Злодей растворился прямо у нас в руках! Мы не могли ничего предпринять!

— А что-нибудь вы заметили в груде одежды, что осталась на полу? — спросил Шам.

— Там был только небольшой скорпион, который ускользнул в щель в стене.

Было понятно, что Шам столкнулся с оборотнем, умеющим вмещать свое сознание в змей и скорпионов, пустынных волков и разного рода животных. И хорошо, что так все закончилось. Также стало предельно понятно, что спокойно дойти до цели ему не дадут и что караван никого не интересует — разбойники охотятся за Перстнем Сол-Амона.

———————————————

Опасность была куда серьезнее, чем казалось вначале. Но все же никакие колдовские чары не способны были увести с пути Шама.

Известие о нападении всполошило весь город, который всегда считался безмятежным и благополучным. Градоначальник удвоил охрану. Но Шам решил не задерживаться здесь долго и не быть на виду. Вместе со своими спутниками он выехал в предместье, чтобы встретить караван, который, по его предположению, должен был уже подойти. И действительно, спустя несколько часов после их приезда в караванный дом цепочка верблюдов и мулов подошла к защищенной от ветров и хищников площади, где находились колодец, навес для отдыха животных и постоялый двор для ночлега людей.

Караван-баши радостно поприветствовал Шама вместе со всеми его помощниками. А Шам, увидев Аскера, попросил его прийти к нему для беседы, после того как он отдаст распоряжения и переговорит со всеми погонщиками. Караван-баши рассказал о том, что никаких нападений и происшествий не было. Все три дня прошли спокойно. На этом и прекратился их разговор.

В небольшой комнате, отведенной для Шама, его уже ждал Аскер. Усадив его за стол, Шам испытующе взглянул ему в глаза и спросил, знает ли он что-нибудь о колдунах, состоящих на службе у демонов пустыни. И Аскер простодушно ответил, что знает, но никогда не видел и не встречался с ними, хотя слышал, что главный

их демон живет где-то на высокой горе, где у него логово и место покоя.

———————————————

Но надо было иметь очень сильное покровительство тьмы, чтобы решиться напасть на посланника самого царя Сол-Амона, умевшего говорить с Архангелами и Самим Господином Миров. И об этом Аскер говорил Шаму, хотя тот и сам был неплохо осведомлен и образован в вопросах такого рода. Поучения Амона и Ариси оставили свой след в сознании Друга царя. Но подобного рода колдовство приобреталось под контролем сил такого глубинного мрака, что и думать об этом не хотелось. Но ведь нужно было исполнить поручение Владыки. А для этого, помимо хитроумия и живости ума, нужно было и везение. Силы Судьбы — это, пожалуй, самая могущественная и невидимая энергия деяния, определяющая, открывающая или пресекающая наше достижение.

Старец Горы, появившись в сознании Шама, предупредил заранее о возможности нападения. И лишь благодаря ему эта атака тьмы не оказалась внезапной и неожиданной. Шам был так признателен Провидению за этот подарок, что не знал, как и благодарить. И поневоле из глубины сердца это чувство превращалось в Гимн Благодарения Судьбе.

Шаму не раз говорили, что без причины не возникает ничего и что сам человек способен как улучшить, так и усугубить свою судьбу, впадая в мнимую способность кроить свою жизнь по собственным лекалам. Не всегда сама воля исполняет все задуманное. Нужно что-то еще, помимо нее. Точно так же и для накопления духа не всегда важны образованность и грамотность. Для Высших Сил важнее нравственность и сострадание, потому что с обретением психических сил приходит и то, что накапливается в течение утомительного обучения. Но карма и здесь первостепенна. В любом случае важно выработать дисциплину познания, работоспособность и усидчивость. И многие из воплощенных продвигаются самообразовываясь, накапливая опыт постижения

современности, собирая факты в квинтэссенцию представлений, соответствующих среде и времени проживания.

Вспоминая Маалюль, Шам, конечно же, волновался. Ведь столько лет он там не был, как и его отец, хотя тот пересылал матери через купцов средства для проживания. И будущая встреча поднимала в Шаме волну непонятных чувств.

———————————————

Угнетение сердечной энергии начинается со страха. И об этом Шам очень хорошо знал. И, несмотря на угрозы, он не опасался больше ничего.

Беседуя с Аскером, Шам понял, что этот юноша одарен необычайным чутьем на поток негативных мыслей в чью-либо сторону. Такие магические способности всегда считались накоплением многих существований, а умение общаться с духами ветра связывало его с их Усмирителем и Повелителем — Архангелом Уриэлем. По соображениям Шама, это роднило Аскера с самим Владыкой Сол-Амоном. Но если царь Иудеи был на вершине связи с Владыкой Воздуха, то Аскер находился в начале пути, хотя очевидно было, что он умел взаимодействовать с духами ветра и в прошлом рождении.

Иудеи верили, что душа рождается много раз, переходя из одного тела в другое сообразно своим деяниям и накоплениям блага, приношения которого считались наиболее важными в формировании судьбы. В основе условий перерождения всегда стояли доктрина сострадания и фактор последней мысли умирающего человека. И если он пребывал в бесстрашии и шептал с улыбкой: «Восхожу, Господи! Помоги мне легко перейти в новую жизнь!» — то такая молитва облегчала выход души, если тонкое тело было еще недостаточно мобильно и не имело опыта сознательного присутствия в Тонком Мире. Облегчению перехода чаще всего способствовала кремация. А великие святые проходили через радужную смерть, когда от человека ничего не оставалось, даже мокрого места, а лишь радужный знак, являющийся в небе

и присущий только этой душе, по которому ее можно было распознать. При жизни такой знак могли видеть лишь монахи, одаренные тонким зрением, а другие пользовались для распознавания человека побочными признаками в виде родинок и узоров на руках и ногах.

Шам беседовал с Аскером подолгу. Иногда за полночь заканчивался их разговор. И они находили его полезным для себя практически всегда.

———————————————

Караван вышел рано утром, позвякивая колокольчиками и сопровождаемый понуканием погонщиков. Но верблюды не реагировали на их голос, а шли своею неспешной поступью. До следующего колодца был день пути. Но удержать скакунов в режиме верблюжьего хода было трудно, поэтому часть стражи оставалась для охраны каравана, а самому Шаму и его свите приходилось идти с опережением. На сей раз Шам решил взять с собой Аскера, пересадив его на коня одного из охранников и оставив того вместе с частью воинского сопровождения.

Покидая предел зеленых лугов, звонких речных просторов, лесов и садов, отряд входил во власть пустыни, где господствовала невыносимая жара днем и мороз ночью. Песок в пустыне был так утрамбован, словно его специально прикатывали чем-то тяжелым. Это песчаная буря-самум поднимала вверх каждую песчинку и затем вбивала ее, вкладывая такое напряжение сил ветра, перед которым даже человек не способен был устоять.

Хотелось в одночасье оторваться от каравана и одолеть пустыню за два-три дня. Но Шам все же опасался уходить далеко от остальной группы, потому что вода и съестные запасы оставались в верблюжьей поклаже. На скакуна нельзя было навьючивать слишком много. Можно было взять лишь небольшую поклажу в переметную суму. В любом случае, идти с караваном или устремиться вперед, должен был решать не он. И Шам позволил себе побеспокоить Владыку.

Уединившись от остальных и положив руку с Перстнем на сердце, Шам настроился на Иерусалим,

который покинул почти неделю назад. И, не мешая потоку мыслей, он стал ждать ответа от Сол-Амона. И ответ не замедлил. В мысленном поле Владыка явил свой тонкий облик и, обращаясь к Шаму, произнес:

— Торопись! Не нужно заботиться о судьбе каравана. В Маалюле тебе нужна будет подготовка. Тебе потребуется укрепить силы, прежде чем ты встретишься с главной персоной и целью похода. В караване много верных мне людей и опытных путешественников. Бери трехдневный запас и, опережая караван, спеши на свою родину. Можешь взять отца и того юношу, который попросился в поход. Стражу возьми с собой. Караван дойдет и без тебя. Вперед, друг мой!

Беседа закончилась. И Шам дал распоряжение собираться. А караван-баши нисколько не отчаялся, узнав о таком исходе дела. Ему было не впервой миновать пустыню. И то, что он остается за начальника каравана, его удовлетворяло.

Оазис

Отряд Шама решил скакать ночью, надеясь за короткое время пройти самые опасные участки пустыни. Можно было повернуть к морю, по берегу которого дорога была хоть и длиннее, зато комфортнее. Но Шам решил передвигаться от колодца до колодца, где иногда попадались оазисы и кое-где были построены постоялые дворы.

Царь все рассчитал правильно. Пока придет караван, нужно будет провести тщательную разведку местности, а до того — найти логово могущественного существа.

Аскер как-то намекнул о признаках присутствия демонической силы и о том, что демоны не всегда бывают злобными. Иногда они помогают людям, в час крайней нужды. Одни джины имеют способность только

разрушать, но другие любят строить. Духи пустыни без нужды никого не трогают, если нет причин в виде ссор или столкновений в самих караванах. Черные искры злобы взрывают пространство и привлекают духов смерти, которые способны засыпать не только караваны, но и колодцы, и даже оазисы и целые поселения, которые еще есть в пустыне.

Луна светила ярко. Барханы и скачущие всадники отбрасывали тени. Верблюжью тропу было видно почти как днем. К тому же звезды не давали заблудиться — особенно та, которая была видна в северной стороне и к которой был привязан весь небесный свод.

Передвигались всю ночь и к утру, когда уже посветлело и солнце начало выходить из-за песчаных холмов, вдали увидели оазис. Но, может, это была игра воздуха? Но отец Шама, Суффрем, все же настаивал на том, что это островок среди пустыни, в котором он не раз останавливался во время своей купеческой жизни.

Небольшое озеро в окружении пальмовой рощи казалось чудом. Несколько шатров бедуинов размещалось под их тенью. Громадные сторожевые собаки встретили отряд лаем.

Всадники спешились. А на голос собак навстречу им вышел высокий сильный мужчина и, поприветствовав, пригласил к себе в шатер Шама и начальника стражи. Остальным он указал, где можно развести костер и приготовить пищу.

Шабал приказал воинам отдыхать после трапезы, так как во второй половине дня, когда солнце скатится ближе к закату, они должны тронуться в путь.

Зная наречие жителей пустыни, Шам легко понимал бедуина. И разговор принял непринужденную форму. А когда начальник стражи вышел после выпитой пиалы душистого чая, бедуин спросил:

— А знаешь ли ты Суффрема из Маалюля?

Шам ответил, что это его отец и что он с ним.

— Пригласи же его скорей. Ведь он когда-то оказал мне немалую услугу и благодаря ему я и живу здесь.

Шам вышел и вернулся вместе с отцом, перед которым бедуин упал на колени, а поднявшись, стал обнимать. Оказалось, что когда-то отец Шама спас почти нищего и умирающего человека таким же образом, как Сол-Амон — Шама. Он привез его в этот оазис и оставил хозяину деньги на содержание. Выздоровев, тот женился на хозяйской дочери, которая выхаживала его в течение долгого времени, и, когда хозяин оазиса умер, встал на его место, ни разу не пожалев об этом.

———————————————

Сидя у костра, Аскер рассказывал солдатам историю о Чертовой горе, пересыпая ее ужасными и сказочными подробностями. И в полутьме казалось, что образы оживают, собираясь из дыма в ужасные обличья.

— Тысячи демонов окружают гору невидимой стеной; и ужас сковывает того, кто решится ступить на ее склоны; а логово хозяина этой горы так велико и просторно, что туда можно загнать сотню коней; а посредине этой пещеры есть маленькая каменная чаша, из которой главный демон пьет после долгого полета через пустыню.

Аскер еще долго упражнялся в способностях сказочника, пересыпая факты выдуманными историями. И Шам, выйдя из шатра и посмеявшись над уловленным обрывком рассказа, приказал седлать коней. Луна уже всходила, и надо было спешить одолеть как можно более значительное расстояние, пока отряду помогал ее яркий свет. Поблагодарив хозяина оазиса и пообещав заглянуть к нему на обратном пути, Шам вместе с отрядом тронулся в путь.

Пески местами блестели, как снежинки — в лучах солнца. И было какое-то умиротворяющее очарование покоя в этой звенящей тишине, в которой не ощущалось даже дуновения ветра. Но прохлада, вначале приятная, переходила в легкий мороз. И бедуинские шерстяные накидки были как раз кстати.

За ночь на коне можно было одолеть немалое расстояние, но все же не такое, какое хотелось бы. Но и у животных есть предел возможностей: иначе их

можно просто загнать. Но, как бы там ни было, цель путешествия приближалась. Горы уже обнажили свои очертания. И оставался один переход до подножия Маалюля, встречи с которым Шам и его отец ждали с нетерпением и нескрываемым волнением. Ведь столько времени утекло. И никто из них не знал, жива ли мать и хозяйка их имения, хотя отец Шама с исключительной регулярностью через верных друзей-купцов высылал ей средства для безбедного проживания.

Последняя стоянка была сооружена караванщиками среди больших камней. Около колодца кое-где зеленела скудная травка, а колючка и карагач росли совсем жидко. Но все равно камни давали тень, и солнце почти не заглядывало за небольшие скалы, под которыми расположился лагерь.

Усмирение бури

Оставался один дневной переход или ночное странствие. И Шам уже предвкушал встречу со своей юностью, со своей комнатой в горе и, конечно же, с матушкой, сердце у которой всегда болело за сына и мужа.

Последний переход был длиннее обычных. И отряд, который рассвет застал уже почти у подножия гор, решил идти до полудня. Но внезапно налетел ветер. И в открытом пространстве можно было спастись, лишь положив коней и укрыв их. Но кони не верблюды. Песок бил им в глаза. И всадники, как могли, успокаивали животных, прикрывая их шорами.

Буря свирепела. И тогда Аскер, встав лицом к ветру и подняв глаза к небу, развел руки крестом и крикнул:

— Братья мои, ветра! Я приветствую вас и обнимаю! Я, прибывший с другого края земли, пришел к вам с миром! Примите и вы меня как близкого себе человека!

В порывах ветра не было слышно, что он говорил еще. И эта маленькая фигурка в темной одежде стояла в окружении взбитого к небу песка.

А спешившийся отряд тем временем все же поставил лошадей на колени и укрылся одеждой и спешно извлеченными из поклажи палатками, края которых удерживались солдатами. Но песок продолжал бить по их поверхности, как мелкая дробь.

И внезапно все прекратилось. Выглянув из-под полога, Шам увидел Аскера, почти наполовину засыпанного, но радостно улыбающегося и стряхивающего с себя горсти рыжего песка.

— Они меня послушали! — закричал он. И, смирив тон, произнес уже тише: — А так бы буря бушевала сутки, а то и больше.

Кони были перепуганы. Солдаты уговаривали их. И в конце концов все успокоились. А Шам отвел Аскера в сторону и спросил:

— Как ты смог сделать это и что увидел в мятущемся море песка, если в двух шагах ничего не было видно и порывы сбивали с ног?

— Я почувствовал душу Урагана. А потом увидел сияющий силуэт Старца, идущего по воздуху к нам навстречу. Но я его раньше не видел. Он сказал, что он твой Наставник.

— Старец Горы?! — удивленно воскликнул Шам с вопрошанием. — Ну, конечно же! Но ведь Дух Бури послушался. Но как?

— Я не знаю, — ответил Аскер. — Сердце говорило с Ветром.

———————————————

В пространстве ума Шам увидел своего Наставника, о существовании которого почти забыл в связи с заботами и мыслями о том, как выполнить поручение Владыки, и услышал его голос:

— Ты вошел в мои пределы. И я не осуждаю тебя за то, что в последние дни ты пропал из моего луча. Заботу тяжкую на тебя возложил царь. Но она выполнима при

соблюдении некоторых условий, и прежде всего предосторожностей. Перстень царя — такая могущественная реликвия, что может подчинить себе всех духов планеты. Но до времени не нужно думать о твоем поручении, чтобы образ его развеялся и стал невидимым. Думай о нем как о подношении Духу Горы. В саму пещеру тебя не пустят, потому что она закрыта громадным камнем с печатью Асма. И множество стражей охраняет ее в его отсутствие. Не нужно оскорблять Духа, пусть он даже не так чист. Можно предложить ему дружбу. Духи любят благородство, хотя и не понимают, из чего оно состоит. Но ведь градаций материи великое множество. И даже тамас необходим вселенной для произрастания Древа Жизни. Духи не любят обмана. Он может их только разгневать. Подумай обо всем этом и, когда вернешься домой, спустись ко мне.

Шам онемел. Кони едва находили караванную тропу, а сознание было занято совсем другим. Но, к счастью, пустыня кончалась. Уже начинали встречаться деревья и поляны с цветами и зеленой травой. И аромат цветущих склонов улавливало обоняние Шама. Этот запах был так ему знаком.

— Может быть, и правда, что понапрасну везем вино. Ведь его здесь и без того можно найти. Но Владыка сказал, что оно приготовлено особым способом и заговорено молитвой, — думал Шабал. — И Старец прав. Лучше постараться все решить миром. В конце концов, есть средство и посильнее вина. Перстень с Именем Господа и Камнем, который явлен частью Его Трона, сделает свое дело. Но все же пока надо думать о мирском и забыть на время о поручении.

———————————————

А тем временем подножие Храма Господа строилось усиленно. И для фундамента разрешалось использовать старые плиты и камни. Царь объявил награду за то, что будут привозиться такие строительные материалы. И со всей страны к горе Мориа потянулись обозы. Даже из древнего Иерихона везли камень, который был обработан

давным-давно, и, похоже, не камнетесами, потому что был он гладким, ровным и отшлифованным до зеркального блеска. И такие блоки ценились очень дорого.

Царь Иудеи решил обложить гору Мориа стеной с четырех сторон, подготавливая площадку для основного строительства, для которого нельзя было применять камни, тесанные железными инструментами. Но основание должно было остаться прежним, учитывая, что сам Западный Камень и блоки подобного рода нельзя было даже сдвинуть с места в силу их громадных размеров.

Гора Мориа была тем местом, где, по преданию народа Иудеи, Авраам собирался принести в жертву сына своего во славу Господа, испытывавшего его верность. Но до того здесь было древнейшее капище славянского Бога Яви — Владыки Белого Дня.

Строительство Храма Яхве на основании древнего языческого капища выглядело как подавление чуждой веры и возвышение своей. Но в таком положении был заключен и скрытый смысл, когда сохранялась преемственность места благодати, некогда найденного волхвами. Такие места и без построения храмов служили и служат для очищения сознания и приумножения мудрости. И не всегда сама религия могла способствовать их образованию. Вера очищала древний канал связи Неба и земли, подпитывала и сохраняла его от осквернения.

Хирам, строитель и архитектор, присланный царем Тирским, был знатоком египетской архитектуры и во многом перенял традицию того времени. Храм Сол-Амона должен был напоминать Храм Хатшепсут, что стоит на западной стороне Нила, у Фиванской горы в Луксоре.

Начиная с древнего Западного Камня, который лежал у склона горы с неведомых пор, каменщики укладывали привезенные блоки один за другим, подготавливая основание для главного сооружения. И пока Шам выполнял поручение царя, работы не прекращались ни на день.

Маалюль

Родной дом встретил Шама и его отца необычайно радостно. Старенькая матушка долго обнимала Шама и все приговаривала:

— Как ты возмужал, сынок, как вырос и стал настоящим вельможей!

По случаю возвращения мужчин был устроен пир. И можно было ненадолго перевести дух и отдохнуть от жары и долгого пути. А караван придет еще не скоро. Но в предстоящее время нужно будет обследовать не одну гору, хотя намек на местонахождение нужной был известен.

Комната Шама была в той же сохранности, что и всегда, будто ждала его, ушедшего отсюда с отцом много лет тому назад. На полке лежали книги. В окно заглядывала виноградная лоза. А заложенный вход в подземный храм напоминал о себе тонким ароматом, струящимся сквозь щели.

— Не сегодня, — подумал Шабал и решил отдаться полностью записям впечатлений, собранных в пути. Во время похода не было времени на запись стихов и ведение дневника. Но он наверстает этот пробел.

С вдохновением, соскучившись по перу и бумаге, Шам стал писать. Китайские купцы подарили ему книгу с чистыми листами, в которой он и делал свои заметки, делясь мыслями с кем-то неведомым, а может быть и с самим собой. Работа поглотила его полностью. И все сохранившиеся впечатления он постарался извлечь из своей памяти и очень подробно зафиксировать.

———————————————

В родном углу было так безмятежно и спокойно. Но сколько воды утекло с тех пор, как отец решился приобщить Шама к купеческому делу. Оглядываясь

назад, можно было только удивляться, как судьба четко выстроила линии соединения человеческих жизней и какую роль сыграла случайность в построении будущего. Несмотря на то, что Сол-Амон находился при дворе в притеснении со стороны старшего брата Адонии, сына царя Давида от первой жены, отец сделал именно его соправителем Иудеи в последние два года своей жизни. И, находясь в изгнании, младший сын изучал дела государства, путешествуя по городам страны, отмечая в других землях достоинства, которые нужно применить, и недостатки, с которыми нужно бороться. Этот опыт пригодился тогда, когда царевич был помазан на царство. А старший брат, вечно притеснявший его и ненавидевший, считая его полукровкой, был казнен за попытку устроить заговор против царя, хотя Сол-Амон всячески впоследствии избегал применять исключительную меру — только в случае предательства интересов государства.

Шам не мог надышаться воздухом своей долины. А старая мать была так рада, что отец останется около нее и больше никуда не поедет, а с ее стороны не будет переживаний и страхов, что он заболел или погиб где-то. Но за сына сердце у нее болело. Слыхано ли дело — друг царя?

Местная знать на следующий же день пришла с поклоном и подарками к дому Суффрема, изъявив желание оказать знаки почтения советнику царя Иудейского. Шам вышел к ним. И многие, помнившие его юношей, увидели вельможу, величественного и ухоженного, во всей полноте своей власти, и, перешептываясь, рассуждали о том, что делает из человека положение при дворе. Был устроен небольшой прием. И все разошлись, очень довольные встречей с великим человеком.

———————————————

Аскера как странствующего дервиша очаровал Маалюль. Ничего более чудесного и волшебного он в жизни не видел. А дом Суффрема казался ему похожим на замок из древних восточных сказаний, в которых перемешались быль и фантазия, обретя то удивительное сочетание,

которое случиться может только на Востоке, где вера в кисмет, или предопределение, так необычайно развита. Душа юноши впитывала аромат садов и вкус воды из ручьев и рек, которые здесь текли в изобилии по своим тонким гранитным руслам.

Аскер ожидал новых изменений в своей жизни. Хотя, казалось бы, чем может привлечь к себе чье-то внимание худой высокий юноша в бедной одежде? Но одно сияние его огромных глаз затмевало своей красотой все недостатки. Из них исходило то чарующее обаяние, которое свойственно людям, проходящим через жизнь под лучом иного мира. Их и людьми-то назвать нельзя — настолько они несут в себе искру света божьего, который истекает из них через все поры тела. И кажется, что такое существо окружено тонкой световой дымкой, которую даже ветер не может развеять.

Шам замечал, что сила взгляда Аскера так мощна, что не все могут выдержать этот огонь, истекающий из глубины сердца. А девушки млели от него, но и страшились, потому что в этих глазах была какая-то твердость и неприступность, словно любуешься прекрасной башней на вершине горы, которой никогда не достичь простому смертному — разве что имея крылья.

— Должно быть, и у горы, в которой обитает ее владыка, необычный вид, — подумалось Шаму. — Нужно послать людей поспрашивать о таком месте. Иногда слухи и сплетни приносят гораздо больше информации.

Но впереди его ждала встреча с Наставником. А дух он или человек, Шабал не знал точно. Хотя это и не имело существенного значения: ведь мудрость разлита во всех мирах и ее семена прорастают на любой почве. И, следуя зову Учителя, Шам решил взять с собой Аскера, открыв ему одному эту обнаруженную когда-то тайну. Хотя и его отец, наверняка, был осведомлен о близости своего дома к Храму Вечного Огня.

Шам шепнул Аскеру на ухо о такой возможности. И тот загорелся огненным ожиданием события, словно это было первое свидание с девушкой.

Посвящение в Братство Огня

В один из дней с утра Шам пригласил Аскера в свою комнату, плотно ее закрыл, отодвинул кровать от стены и начал разбирать камни, пригласив юношу последовать его примеру. Вход вскоре был разобран. И, пробравшись на площадку перед лестницей, уходящей в глубину, они начали спускаться в почти полной темноте, хотя где-то далеко внизу виден был небольшой просвет. Волна тонкого аромата сочилась снизу и улавливалась обонянием едва-едва. Курение было похоже на благоухание кедровой смолы, нагретой на огне.

Шам предупредил, что ступени скоро станут высокими и широкими. Но, несмотря на путь с препятствиями и трудностями, молодые люди дошли до заветной двери. И то, что она оказалась приоткрытой, было знаком, что их пригласили.

В зале сиял вечный огонь. И Старец, которого Шам видел во многих своих снах, в болезненном бреду и наяву, протянул к нему руки. Он благословил вначале Шама, а потом и Аскера.

— Точно такой, каким я его себе представлял, — шепнул Шаму Аскер.

Старец сделал знак кому-то невидимому — и обширная пещера наполнилась людьми. Это, в основном, были молодые люди. И их было не так много. Все встали вокруг вечного огня. И Старец, обратившись к ним, торжественно произнес:

— Сегодня мы принимаем в ряды нашего Братства новых учеников, доказавших свою преданность многими жизнями своими. Настал час их посвящения и труда. Один из них — друг царя Сол-Амона, нашего Брата, а другой — дервиш, обладающий сердцем, которое может усмирять бури, и достигший этой способности ценой сострадания к людям планеты, независимо от их

статуса и социального положения. Расширив круг и впустив в него новых сотрудников, возьмем в свидетельство огонь, который позволит сохранить все наши дела втайне. А нарушившего обет секретности ждет наказание огнем. Попытавшийся выдать тайну Братства сгорит на месте, не успев даже произнести слово!

Круг расширился. И по мановению старца все протянули руки к огню и произнесли формулу, повторяемую каждый раз при вступлении новых учеников.

— Клянусь живым Огнем Сердца, Небес и Земли соблюдать принципы чистоты и святости! И если я нарушу Заповеди Правды, то пусть покарает меня Огонь Вселенной! Будем, как Пламя, чистыми и вечными! — прозвучал негромко общий хор.

И дивная мелодия, неизвестно откуда взявшаяся, зазвучала в пещере. И Наставник приказал всем кружиться. Все происходило так, как в давнем сне Шама.

Все начали кружиться, и новоявленные ученики в их числе. И постепенно, неожиданно для себя, Шам почувствовал, как отрывается от каменного пола, теряя вес тела, и в струях ароматного воздуха поднимается вверх. А потом он вновь плавно коснулся пола.

— Отныне вы можете и летать. Но не нужно, чтобы это видели простые люди. Не проявляйте своих способностей на виду — только в случае крайней нужды.

Перстень Сол-Амона усиливает твои способности и дает неимоверную власть над духами. Но все же с Шадом лучше не ссориться. Его можно опоить вином и пленить. Но я советую с ним договориться, потому что ты не вечно будешь носить Перстень Силы, а духи гор мстительны и обидчивы. Их нужно уважать и любить. А всякое порабощение будет очень дорого стоить.

Выйдя из-под защиты Кольца Власти, ты станешь слабее, чем обычно. И в случае надобности мы всегда поможем. Но, принимая Клятву Огня, мы даже против врагов не должны проявлять чрезмерное насилие. Любое принуждение должно стать добровольным. Нельзя пленять какие-то силы без надобности. Это под силу

Владыке твоему. Не одного джина он заточил при помощи Камня Власти. Но ты еще в начале пути.

Я укажу обиталище Шада. Но помни, что никакое унижение или пренебрежение не помогут овладеть им. Пленник, вырвавшийся на свободу, будет страшен. Но ведь тебе не нужен он сам, хотя сила его пригодится царю. Попробуй договориться и, главное, не пытайся его обмануть. Изложи все, как есть. А Имя Господа и мантра царя сделают его сговорчивым. Но вином его можно угостить. Это ему понравится. Ведь даже демону не приходилось пробовать напитки из царских погребов.

Братья наши и я сам поможем вам приблизиться к Шаду, хотя целое воинство духов охраняет его дворец. Он не настолько изыскан, как царские покои, но все же не лишен достоинств. И нужно помнить, что демоны — это воплощение той же самой Мировой Силы и Мудрости, но только в своем диапазоне, доступном их пониманию. Это дети тамаса. Но нужно осознать, что корни Древа Жизни берут свои соки из Великой Тьмы, подсознания нашего мира.

Будьте чисты и святы, но и милосердны к тем, кто в силу своего невежества еще не достиг предпочтения светлой стороны. Судьба связывает всех существ в этом мире. И все явлены как часть нас самих.

Наставления Старца

— Замок великого горного джина находится в недоступном месте, добраться до которого не так легко. Нужно снарядить целый отряд. Дождись каравана. Обязательно возьми с собой свинцовый кувшин, ячменные отруби и овечью шерсть. Иначе Шамира не сохранить. В шерсти он будет жить, ячменными отрубями — питаться. А для того чтобы оградить вас от воздействия

его силы, нужен свинцовый кувшин. В таких сосудах содержат джинов, плененных силой Великого Камня.

Царь твой и друг — один из величайших магов планеты. И то, что он доверил тебе свое Кольцо, так удивительно. Но это, помимо знака высочайшего доверия, еще и признание твоих накопленных способностей, веками собираемых, наравне с очищением плоти от миазмов материи. Материя многое дает, но забирает еще больше. Возможности плотных стихий велики, но, почувствовавшим силу грубую, им трудно одухотвориться. То же самое происходит и с укреплением астральной природы человека путем физической силы. Изменить свое представление и осознать, что Духовный Мир — первоначало всего, таким людям трудно. Их убеждение и заблуждение будут пребывать с ними до тех пор, пока болезни или иные испытания не помогут сделать другие выводы.

Помимо вина, возьми и воду из серебряного колодца, а также ладан для курения. Это пригодится не тебе, а твоим спутникам, ибо ты и так защищен Перстнем Мощи, ношение которого так укрепило твою оболочку, как духовную, так и физическую, что устрашить тебя будет трудно. Но облики слуг Шада порой так ужасны, что простому смертному можно умереть от страха. Потому и нужна минимальная степень защиты. Но она действенна при условии, что сам человек не ужаснется. В последнем случае ему ничто не поможет.

———————————————

— Гора Габар-Азал высится в самом недоступном месте севера Сирии. И дорог туда почти нет — лишь только козьи тропы, ведущие к водопою. А скалы, охраняющие берега ручьев, вытекающих с вершины, обладают свойством менять форму, словно они живые.

Слуги Шада способны входить в любую плоть. Могут явиться бегущие или идущие деревья. А каменные великаны не редкость в тех местах. Но, испытав волны ужаса, не поддавайтесь им: иначе душа ваша погибла или попала в плен демонам горных ущелий.

Когда-то давно Шамир был украден у Моисея демоном пустыни. А тот передал его Шаду как подарок за благоволение к его дочери. И это случилось, когда Моисей был уже слаб и передал управление народом яду своему брату Аарону.

Дары, полученные от Господа на горе Синай, предполагалось использовать в строительстве нового государства, которое окажет влияние на весь мир в будущие 2600 лет. Каждый народ получает такие дары, являясь исполнителем эволюционной воли Космоса.

Но царь Сол-Амон мог бы и не посылать экспедицию в дальние горы, имея Камень Власти. Стоило ему только приказать или попросить Владыку Воздуха — и все было бы в тот же час ему доставлено. Он испытывает тебя и твою верность, чтобы довериться тебе еще больше. И Перстень его — это часть плоти священной планеты, люди которой достигли степени сотрудничества со стихийными началами.

Приказу Перстня никто не может перечить. Но для того чтобы желаемое случилось, нужно говорить с демоном воочию или вызвать его, построив для него ловушку-пентаграмму. Но для совершения магических действий нужно иметь высочайшую защиту, чистоту сердца и опыт непоколебимой воли. Потому исполняйте царское повеление так, как оно поручено.

Старец долго еще давал наставления Шаму, из чего тот понял, что впереди его ожидают еще более трудные испытания. Но хотя у Шама была натура поэта, это не мешало ему быть духовным воином и твердым в достижении своей цели.

———————————————

Старец благословил Шама и Аскера и пожелал им удачи, настоятельно убеждая не применять против Духа Горы какого-либо насилия, ибо никакая серебряная цепь не сможет удержать такой мощный сгусток стихийной энергии, хранящей необыкновенную плазму разумности.

В отношении того, что путь укажут ученики, а теперь уже Братья, два неофита не сомневались. Но была

одна оговорка — отряд проводят до определенных пределов, чтобы не навлечь гнева Демона Бури на весь край. А там уже посланники царя должны будут действовать по своему разумению. Так или иначе, но приказ Владыки не отменялся, а лишь усложнялся.

Но если Аскер был дитя пустыни, то Шам вырос в горах и хорошо ориентировался в ущельях и на вершинах, а тайга, растущая на северных склонах, была ему не страшна. Но подвергать воинов излишней опасности, хотя для этого они и были призваны, братья не хотели. Решили оставить отряд внизу, как только найдут заповедную гору. А сами они должны будут подняться к замку Владыки Гор, к которому, конечно, дойти будет очень непросто.

———————————————

Но, несмотря на все приготовления и беседы со Старцем, нужно было ждать караван, который все еще не прибыл, блуждая в песках по караванным путям, от колодца к колодцу, следуя тому маршруту, который был указан. Воины скучали. И Шам решил послать небольшой отряд для встречи.

Кони были легки и быстры. Пустынные земли не располагали к полноте ни людей, ни животных. Полнота нужна была на севере, где холод присутствовал в жизни человека большую часть года. И часто это спасало людей от истощения. Тотемом северных народов был медведь, который имеет способность впадать в глубокую спячку на весь период жестоких холодов, сжигая запас накопленного за лето жира.

Мир пустыни жил по иным законам. Здесь чрезмерное употребление воды и пищи грозило тяжкими последствиями. На пути питание всегда было легким — только финики и чай. И лишь в оазисах, если хозяин угощал путников мясом, они не отказывались. Но терпение нужно было тем, кто путешествовал на верблюдах. Укрываясь от палящего солнца, люди погружались в состояние, близкое к сновидению. Дрема помогала бороться с тяготами длинного пути, который мог длиться

месяцами. И это не считая песчаных бурь и потери колодцев, которые могли замести ураганные порывы.

———————————————

Шам и Аскер несколько раз посетили общее богослужение, которое заканчивалось полетом над вечным огнем гебров, которыми они, по сути дела, стали сами. Но Старец Горы настоятельно им рекомендовал не делить религиозные чувства на отдельные осколки фанатизма, но признавать все верования, усматривая в каждом лишь аспект общей духовной истины, которая разработана до подробностей. И в общем круге учеников, равных им по знаниям и накоплениям опыта, они быстро совершенствовались и набирались мудрости, готовясь к встрече с великим Духом Горы.

Ожидая увидеть невероятные ужасы, они тренировали психику особыми упражнениями, включающими неожиданность нападений, и вырабатывали иммунитет ко всякого рода угрозам. Бесстрашие включало в себя и умение вовремя вспомнить Наставника и всю цепь Иерархии Учителей, которые приходят на помощь в случае крайней необходимости. Но без нужды не нужно тревожить Их силу и повторять сокровенное Имя.

———————————————

Старец продолжал объяснять Шаму, кто же такой Шад:

— Он не просто демон горных глубин. Он хранитель древних тайн мира, в числе которых множество вещей, неведомых людям. А червь Шамир лишь одна из них.

Шамир — это существо плана неземного. Внешне он невидим, но по приказу мага выполняет работу по обработке самого твердого камня, включая адамант, не хуже самого великого ювелира. Он способен в короткий срок выгравировать любую надпись или молитву даже в глубине алмаза. Считается, что текст на изумрудной скрижали и заповеди на сапфировых плитах были сделаны с его помощью.

А Шад имеет повеление от Высших Сил помочь тому, кто назовет ему сокровенное Имя Господа и облечен Перстнем Власти. Серебряная цепь — это лишь внешний антураж. Хотя духи этого рода страшатся серебра, потому что оно хранит силу Первозданной Луны, где от одного Отца рождены были первые человеческие формы и демоны как дети Лилит.

———————————————

— И у демона есть душа, — говорил Шаму Старец при очередной встрече. — Не нужно умалять силу сострадания. Милосердия никто не отменял. И в лучшем случае оно станет катализатором удачи всех жизненных начинаний и всего труда, земного и небесного. Нельзя обучить миролюбию и доброжелательности. Но только сам человек способен взвесить все свои поступки, определив их правоту и соизмеримость.

Не откладывая указа Владыки в долгий ящик, принимайтесь за дело. И главное — не поддавайтесь нахлынувшим ужасам. Иначе мало что вам поможет. Демоны питаются силой, истекающей от людей, в том числе страхом и мужеством. Их реакция становится зеркальной в отношении рода человеческого. Если в мире много ужаса, зла и мук страданий, тогда и демоны яростны и злы. А высокое качество отношений делает их покладистыми и податливыми к уговорам или советам.

Шада нужно убедить помочь вам в построении Храма Господа. И, может быть, он не только отдаст Шамира, но и поучаствует в строительстве. Ведь и джины воздвигают святыни. И это будет один из таких случаев.

Встреча с Садром

Ущелье было сырым и глубоким. Темнота его наводила на мрачные мысли. А кони с трудом и опаской шли, перебирая ушами.

Шам очень долго искал проводника к Черной горе. Но жители окрестных деревень отмахивались от царского посланника, искренне считая, что люди сошли с ума, отправляясь в места, о которых ходила недобрая слава. Говорилось о мертвых озерах и гиблой силе, живущей там.

Но среди множества неудач и отказов нашелся человек, согласившийся довести до замка Хозяина Горы, едва услышав, что это будет полезно Владыке Сол-Амону. Человек этот был не молод и не стар, и даже сохранил силу яркой мужской красоты, свойственной той части населения Сирии, которая находилась под властью ханаан, или, как их еще называли, филистимлян, — племен, некогда пришедших с далекого и холодного севера планеты. Проводник объяснил свое желание тем, что очень много слышал о царе и желает ему помочь в таком великом деле, как строительство Храма Господа.

Проводник отказался от оплаты, ссылаясь на то, что соглашается по доброй воле, потому что слышал много превосходного о царе Израиля и, даже не видя его, уважает за добрый характер, знание и мудрость. Увидев на пальце Шабала Перстень, проводник не просто ему поклонился, но упал на колени и склонил голову до земли в знак покорности.

Шам спросил, откуда ему, бедному жителю гор, известно о том, что это за вещь. На это, улыбнувшись, человек, который назвал себя Садром, ответил, что он немало путешествовал и что многие колдуны и маги знают цену этой вещи. Перстень Силы потеряет мощь, если его украсть или заполучить обманом или каким-то другим

мошенническим способом. В горах каждый житель обладает таким утончением чувств, что ощущает артефакты, а также людей, обладающих ими, очень остро.

На пути к замку Горного Духа

Тропинка вела по глубокому каньону. И скалы по бокам становились выше и выше. И нагнетение ужаса нарастало. Кони шли с опаской. И Шам уговаривал своего скакуна не бояться. И тот верил хозяину, неся своего седока бережно и осторожно, хотя для него было непривычно идти по горным тропам.

Впереди мелькали высокие черные столбы. И на мгновение Аскеру, едущему следом за Шамом, показалось, что они начали шевелиться, обретая форму каменного гиганта в виде человеческой фигуры. Аскер было остановился, но Садр подбадривал отряд, успокаивая, что бояться нечего — просто в горах рассудок работает по-другому и часто мнимое можно принять за действительное. Но ученики-суфии, принявшие посвящение третьей степени, понимали, куда они попали. Но отступать было нельзя.

Казалось, что скалы оживали, склоняясь над путниками, словно деревья в глухой тайге. Но страха не было, ибо они были предупреждены о возможности испытания такого рода. Но мурашки все же бегали по спине.

От тропы веяло холодом. С вершины дул легкий ветер.

Садр был невозмутим, и даже весел, отмечая мужество, с каким молодые люди выносили атмосферу страха, которая считалась дыханием камней или первозданным ужасом. Это духи гор, запертые в камни, ждали конца своего пленения и не могли дождаться, считая, что останутся в таком состоянии навеки. Они завидовали

деревьям и птицам, насекомым и цветам, растущим на их многотысячелетней плоти — по той причине, что те могут шевелиться, а они пребывают в недвижимости. И все это передавалось их мыслям.

Иногда каменный мир устраивал обвалы и движения плит и хребтов. И много было чудесных существ в глубине минерального царства. Драгоценные камни росли, как деревья, собираясь в форму, похожую на цветущие сады и луга. А гномы, живущие в недрах, знали о существах ужасных, охраняющих корни гор, одни из которых были в виде огненных змей, а другие — похожи на летающие огненные шары.

———————————————

На привал расположились около небольшого каменного шалаша, сложенного из трех громадных плит, в окружении деревьев, которые стояли на расстоянии и образовывали поляну вокруг каменного сооружения. В таком шалаше можно было спать четверым. У основания и внутри его густо рос мох, на котором располагаться было очень комфортно. И чем-то домашним веяло от этой постройки. И кто сложил этот шалаш таким образом, что с трех сторон он был плотно закрыт, а выходом обращен на север?

Садр к костру не подходил и пищу не готовил. Для этого у Шама были слуги и повара. От пищи проводник тоже отказался, сославшись на то, что, по своей давней привычке, в походе пьет только чистую воду. Но в разговоре о цели путешествия он участвовал горячо, рассказывая о предстоящей опасности.

— Гневить Горного Духа нельзя: иначе он обрушит все скалы на нашем пути! — утвердительно заявил он в конце беседы.

———————————————

Ущелье становилось все глубже и мрачнее, а грохот горной реки — все сильнее, словно через нее доносился голос великого Горного Духа.

Отряд пробирался медленно через курумник и бурелом. Было очевидно, что люди давно не посещали эти места. Идти можно было лишь по берегу реки, которая отступила после весеннего таяния снегов.

Воины не роптали. Им было не впервой проходить через такие трудности. Они шли уже больше недели, смиряясь в походе и опасаясь потерять животных с поклажей и людей, их сопровождающих.

Садр все время молчал. А Аскер вел себя нервно, словно что-то предчувствуя. Но страха не испытывал никто. Хотя иногда впереди с вершин скал обрушивалась их часть и падали вниз громадные глыбы, они не причиняли никакого вреда ни путникам, ни животным. Словно кто-то тайно оберегал отряд Шама. Но дышать становилось все тяжелее. От гор будто сочились какие-то запахи и испарения невиданных веществ. У многих начинала кружиться голова, и даже происходили галлюцинации.

———————————————

Цель экспедиции, и даже мысль о ней, была тщательно скрыта. О ней знал лишь сам Шам. Да и зачем рядовым солдатам знать обо всем? Достаточно того, что дальний поход, трудный и тяжкий, обогатил их представление о мире, в котором они живут.

Военные люди привычны ко всякого рода перемещениям. И в их сознании опасность и любознательность смешаны. Не для всех такие походы заканчивались благополучно. Но иногда дальние страны очаровывали солдат так, что им хотелось остаться в этих местах навсегда, без всяких размышлений и сожалений.

После пустынных странствий благодатные земли Сурьи казались райским садом. И даже остановка в ущелье, темном и прохладном, для солдат была предпочтительнее ночлега в пустыне. Хотя и пустыня открывает людям такую красоту ночного неба, что это чувство захватывает дух. Словно ты лежишь на одинокой вершине, а вокруг плывут караваны светил и созвездий, сплетающиеся в узоры и начертания, будто в карусели волшебных картин. И тогда пропадает ощущение

принадлежности к Земле и человек представляет себя пылинкой, летящей в круге мироздания, — хоть малой, но равной планетам и звездам частицей.

В ущелье, вдоль ревущей горной реки, ветер дул постоянно: утром — в южную сторону, а вечером — наоборот. И в его порывах слышна была чья-то жалоба, стон и плач, словно тысячи гонимых душ изливали миру свою обиду и скорбь. А порой ветер приносил звук дальней битвы, крики людей и коней, лязг оружия и вопли умирающих. Откуда это все приходило? Из какого времени и места доносилось?

Молодые солдаты с тревогой слушали эти послания ветра, и даже робели, не имея опыта столкновений с врагом и сражений. А старые военнослужащие успокаивали молодых, тихо шепча, что это горные демоны насылают страх на них. Если знаешь молитву — твори ее, если нет — то и меч поможет отогнать наваждение.

Труд преодоления опасностей оценивался щедро. Далеко не у каждого человека хватало духа служить своей стране.

———————————————

Садр был невозмутим, но предупредил, что плохое самочувствие — знак приближения к замку Горного Духа, к которому он посоветовал подняться только троим: Шаму, Аскеру и ему самому.

Две черные скалы, как два столба, появились из-за поворота, который делала река.

— Это вход в близкие пределы Шада. Лучше оставить людей здесь и взять лишь самое необходимое, в том числе свинцовый кувшин и курдюк с вином. Как бы там ни было, но угощение вином из царских погребов самого Сол-Амона может польстить кому угодно. Но прошу только об одном: соблюдайте тишину не только словесную, но и чувственно-мысленную. За границей черных столбов каждая ваша мысль или побуждение будут зримы в пространстве, как поднятый вверх сорванный цветок. Уважайте чужой покой. И не важно, находится Дух в своем обиталище или занят своими делами. Оставьте

страх и сомнение. Ведь без причины даже змея не кусает. Лучше честно признаться, с какой целью вы вторглись в его пространство. И это будет разумнее всего.

———————————————

От черных скал поднимались вверх ступени, сложенные из необработанных плит гранита. Они были неровными, но расстояние между ними было вполне приемлемым, чтобы по ним могла ступать человеческая нога. Хотя для человека небольшого роста они были чуть высоковаты.

Садр посоветовал оставить коней внизу. Они и без того вели себя беспокойно, но Аскер уговаривал их, что никто не причинит им вреда. Стеречь коней, по совету Садра, оставили весь отряд.

Пленить Шада силой было невозможно. Но Кольцо Силы и великая цель заставляли смело перешагнуть через все опасения. Тонкая серебряная цепь, не способная, конечно же, связать Духа, могла быть применена как символ покорности. А пока ею был опоясан Аскер.

Груз в виде свинцового кувшина с ячменными отрубями, овечьей шерсти и бурдюка с вином троица разделила между собой, вынув его из лошадиных переметных сумин. Садр взял бурдюк с вином. Хотя он был достаточно тяжел, проводник не роптал. И велико было удивление его спутников тем, насколько легко он пристроил этот кожаный мешок на спине, словно тот был пуст. Аскер, помимо цепи, согласился нести и свинцовый кувшин со всеми необходимыми атрибутами. Шам, согласно своему статусу начальника каравана и посланника царя, шел налегке. Он чувствовал, как Камень в Перстне наливается силой и начинает нагреваться. О том, что так будет, втайне ото всех предупредил его Владыка, образ которого мелькнул перед глазами очень четко, сопровождаясь тихим шепотом: «Ты у цели пути. Но не всегда насилие решает исход дела. Ведь у тебя и без того множество средств получить желаемое. Главное — не слишком жажди успеха. Думай отстраненно, чтобы не спугнуть удачу».

———————————————

Ступени были неровными, но широкими. Они держались на основании скалы, справа и слева оканчиваясь глубоким обрывом. Поэтому мудро было решение оставить отряд внизу: иначе потерь было бы не миновать.

С горы, которая все больше надвигалась, сочилась тонкая струйка ледяной воды. И по мере того как путники поднимались вверх, ручей становился все мощнее. Брызги от него частью попадали на ступени. А вверху было видно, что тропа уходит под водопад, бьющий из камней.

Нужно было успеть до наступления темноты миновать этот опасный участок подъема. Да и ноги уже основательно устали, а сделать привал было негде. Можно было лишь присесть на минуту и снова подниматься.

У самого водопада ступени ныряли под его поток. Камни были мокрыми и скользкими. Но Садр бодро вел путников, ничуть не смущаясь возникшим препятствием.

———————————————

Сила потока нарастала. И при подходе к водопаду ступени терялись, а струи били по лицу, плечам и спине. Но Садр подбадривал, говоря, что за стеной водопада находится сухое место.

Трудно было удержаться на скользких камнях. И нужно было быстрее пройти сквозь воду. Казалось, что плотность ее такова, словно жидкие камни льются с высоты. Но, сделав пару шагов, путники оказались на сухой площадке, где можно было отдохнуть и перевести дух.

Садр, как всегда бодрый и уверенный в себе, тихо произнес:

— Здесь нельзя говорить громко, потому что звук резонирует и через щели проникает в пещеру. Помимо главного входа, который находится вверху и всегда бывает опечатан самим Духом Горы, здесь есть потайная дверь, а вернее камень, который можно открыть, коснувшись сбоку скрытого на выступе рычага. Как только мы

придем в себя, сразу же войдем туда. И первое, что нужно будет сделать при проникновении в пещеру, — это оставить камень приоткрытым, положив что-нибудь твердое, чтобы при случае уйти незамеченными. А вторым делом нужно будет вылить в громадную чашу, из которой пьет Шад, все содержимое курдюка с вином. А там посмотрим, что будет. Но, судя по всему, его сейчас нет на месте.

— Ты говоришь так, словно всегда занимался такой работой. Откуда тебе знать, каким образом следует поступить, если ты здесь впервые? — спросил Шам.

— Это долгая история. И я как-нибудь ее расскажу — потом, когда вернемся назад. Жизнь долгая. И много всего в ней происходит.

Встреча с Шадом

Было бы наивным считать, что великий Шад ни о чем не догадывался и ничего не знал. Слуги, видимые и невидимые, скорые и неподвижные, докладывали ему о том, что в его пределы вторгся отряд военных людей и что у их начальника есть нечто, что их пугает, сияя, как звенящая незакатная звезда. Но, по каким-то своим соображениям, царь горных духов приказал им никого не трогать.

Шад понимал, что отряд царя Сол-Амона во главе с его другом и ближайшим сподвижником прибыл сюда не просто так, а с каким-то важным поручением. Да и ссориться с одним из самых великих магов планеты ему не хотелось, тем более что Сол-Амон вел себя с духами стихий и демонами очень корректно.

Шаду рассказывали, что Сол-Амон никогда не обходился с духами стихий грубо, не оскорблял их и не принуждал против воли исполнять приказы. Даже самых мрачных демонов он не уничтожал, хотя имел на это силы, а отправлял назад, взяв с них слово, что они

никогда не будут вредить ему и его народу. И в этом благородстве своем он заслужил уважение народа низшего мира.

Шаду было интересно знать, зачем Владыка послал к нему своего человека. Ведь сами Архангелы общаются с Сол-Амоном и приносят ему вести от того Сияющего и Ослепительного, состоящего из чистого Света, которого все называют Господином Миров и даже искра которого слепит жителей горных недр. И что это за таинственный предмет несет друг царя, если сила его действует даже на самых свирепых слуг, внушающих всем неподдельный ужас?

— Пусть входят. И пока я не выясню, в чем их нужда, я их не трону, — подумал Шад.

———————————————

Водопад шумел. И порой его звучание превращалось в рев. И казалось, что при таком шуме и заснуть-то невозможно. Однако только Шам приложил голову на камень, который под нее подложил, как сразу же заснул, а вернее, погрузился в новую фазу сознания, где оказался в том же месте, с теми же спутниками, но в окружении других духов. Он увидел Старца и Братьев по Ордену. И на мгновение тень самого Владыки мелькнула перед его тонким зрением и внезапно пропала.

А Старец шептал, что за Перстень опасаться не следует. Он заклят и украсть его нельзя. Его можно только подарить или передать для особых поручений. И силу он дает такую, что самые Великие Маги Солнечного Круга могли бы позавидовать его обладателю, если бы в них еще сохранялось это чувство.

Царю Камень был вручен как Держателю того народа, который поведет человечество к новым ступеням цивилизации, если, конечно, искушения не испортят этих намерений, что уже бывало не единожды с другими народами, исполнявшими такую же миссию. А сам Владыка, в прошлом воплощенный Моисей, и был вдохновителем этого народа, хотя, по некоторым сведениям, совсем не происходил из него. Но, видя некогда

страдания рабов и исполненный сочувствия, он взял на себя миссию исправления народа через помощь Высших Существ и через изменение генетических структур. Но насколько это удалось, судить было сложно, хотя левиты, каста священнослужителей, во многом преуспели. Они хранили тайны мироздания, полученные частью от атлантической культуры, а в основном — от египетской традиции, в которую был посвящен Моисей. Имя его реально было иное, а «Моисей», или «Машиах», значило «Мессия». Он был Спасителем народа того времени.

— Не страшись ничего. Не сразу увидишь Царя Гор. Но вино в чашу нужно будет налить. Это приношение стихиям земли. Недаром вино называют душой земли. В нем скрыта эссенция тайной мудрости. И часто мудрость в поэзии суфиев именуется вином. Садр искушен во многих науках и давно знаком с Шадом. Пусть это для тебя не будет неожиданностью. Это не предательство с его стороны, но договор Мага с Духом. Шад ему кое-что обещал. А Дух должен держать слово. Но для тебя это не ловушка, а дополнительный урок почитания Иерархии.

———————————————

— У каждой магической вещи есть свой Покровитель. А в случае с Перстнем Владыки, являющимся одним из сильнейших терафимов, это Владыка Воздуха, Уроил-Зена, или, как его еще называют, Архангел Уриэль или Ариэль. Входи смело. Сила Перстня уже должна была пропитать тебя уверенностью в своей несокрушимости. А нападение было лишь проверкой твоих решимости и мужества. Остался один шаг к достижению цели, только один шаг, и его нужно сделать сейчас, — шептал Старец.

Проснувшись, команда обнаружила, что находится уже вплотную к стене. Но как можно было попасть внутрь, если в ней не было даже трещины, а лишь неровные, корявые и острые камни выступали наружу, от прикосновения к которым было не по себе? Словно какой-то трепет проходил по телу, и легкий озноб заставлял его дрожать, как от холода. Но Садр, нажав и повернув едва

заметный камень, открыл в стене нишу, через которую можно было проникнуть внутрь горы. Надо было только согнуться, как при входе в хамам, восточную баню.

Садр одолел нишу первым. Следом тонкий и легкий Аскер юркнул в отверстие. И в конце, склонившись, как в поклоне, туда вошел Шам.

В пещере, громадной и высокой, было темно. Но, приглядевшись, можно было увидеть очертания белых столбов и плоских камней. В противоположном конце пещеры светился зеленым светом кристалл. И сторона та была отделана с таким вкусом и художественным мастерством, словно тысячи искусных людей работали над ней в течение долгого времени. Даже двери в покои Духа Гор были сделаны с удивительным изяществом — будто тонкая резьба по мрамору с инкрустацией драгоценными камнями. Да и вся мебель и ложе Царя Гор были настолько виртуозно сотворены, что ничего подобного никто на земле не видел. Впрочем, трудно было бы представить существо такого ранга в окружении чего-то нелепого.

Но самым удивительным для проникших в пещеру оказалось то, что в качестве опор для ложа служили громадные драгоценные камни, а фиолетовый кубок на столе был целиком выточен из гигантского аметиста, стоящего на сапфировой основе. И в эту чашу вылили вино. Оно вошло туда почти целиком. Имея редчайший запах и изумительный цвет, вино, даже не будучи употребленным, уже радовало душу.

Алмазного червя среди этих диковин не обнаружили. И встреча с могущественным Духом становилась неминуемой. Впрочем, ждать ее оказалось недолго. Почувствовав присутствие посторонней силы в своем дворце, Шад, громадный, мощный и разъяренный, не замедлил явиться.

Но путники не были напуганы. Садр, выступив первым, миролюбиво поприветствовал Духа Гор:

— Поклонение тебе, Великий Владыка! Прости, что вторглись в твои покои без приглашения. Мы привезли тебе подарок от Царя Иудеи Сол-Амона. И ты можешь

не только лицезреть его, но и попробовать. Не гневайся на нас, малых созданий, и испей из кубка превосходного вина из царских погребов.

— Как вы посмели войти?! — не унимался Шад. — Я велю обратить вас в камень! Но что-то мне мешает это сделать незамедлительно. А иначе вы остались бы моими рабами до скончания века. Чую дыхание Элохима.

— Не спеши, Владыка! У нас же был с тобой уговор. А Духам твоего ранга опасно нарушать договоренности: иначе можно потерять силу и власть! — сказал Садр.

— Это верно, — смягчился Шад. — И я, пожалуй, попробую напиток, который вижу в моей чаше, тем более что яд мне не принесет вреда.

Он сделал глоток вина, и его дымное, почти черное, тело просветлело, превратившись в фиолетово-красное.

Вино понравилось Шаду. И по мере того как число глотков увеличивалось, он все более превращался в существо, близкое к человеческому, но чуть большего размера.

Шад запьянел и подобрел. Тонкие винные испарения сделали свое дело, смирив его свирепую природу. И тогда Садр представил Духу Шама и Аскера как своих друзей и спутников. Указав на Шама, он мягко и почти нежно произнес:

— Это посланец Царя Сол-Амона. И Царь обращается через него с великой просьбой. Пожелаешь ли ты его выслушать, о Владыка, решать тебе.

———————————————

Напиток так понравился Шаду, что он не мог оторваться. Но Садр все же успел сказать Духу Гор, что визит имеет цель. Усмехнувшись и захохотав, Шад ответил:

— Для Владыки Иудеи я ничего не пожалею, поскольку я не испытывал никогда такого удовольствия, опустошая эту чашу. В чем ваша просьба?

И тут вперед выступил Шам. Выражение лица Шада изменилось. В нем пропали властность и остатки свирепости.

— Пред имеющим Перстень Мировой Силы и Власти я могу сказать лишь одно: «Слушаю и повинуюсь!»

— ибо свет Элохима, окруживший тебя, слепит мне глаза. Проси, и я исполню.

— Царь Сол-Амон затеял строительство Храма Всевышнего Господа. Но Господь поставил условие, что камни не должны быть обработаны железными тесалами или иными инструментами, сделанными из металла. Нам нужен Шамир.

— Шамир? Но ведь это самое ценное, что у меня есть! — воскрикнул Шад.

— Мы просим его у тебя лишь на время. И если ты согласишься предоставить его, то можешь и сам присутствовать при работе, помогая силой своей и умением.

Шад позвал слуг и приказал принести драгоценное существо, которое было помещено в свинцовый кувшин с ячменными отрубями. Сам червь представлял собой серебристое вьющееся тонкое образование в виде пружинки, которая то выпрямлялась в линию, то сжималась в кружок, а то вдруг замирала. И это было живое существо, которое чрезвычайно обрадовалось угощению в виде ячменных отрубей и без лишних церемоний юркнуло в кувшин.

Захмелевший Шад дал слово помогать Царю Иудеи, имеющему покровительство Высших Сил, и, испив до дна чаши, которая была очень вместительна, уснул. А друзья не стали ему докучать и, добившись своей цели, вышли из дворца тем же путем, одолев водопад и скользкие ступени. Добыча была в их руках. И был получен обет Горного Духа.

———————————————

Садр предложил своим спутникам поспешить, чтобы хотя бы спуститься с каменных ступеней и пройти границу черных столбов, пока Шад пребывает в состоянии глубокого опьянения, которое нельзя сравнить с реакцией человеческой плоти на алкоголь. Дух, в отличие от людей, принимая вино, погружается в забытье на трое суток. И нужно было за это время миновать зону риска и выйти из ущелья.

Горный Дух, конечно, давал обещания и отдал Шамира, но, опомнившись, может если не изменить, то ужесточить свое решение. Хотя сказанное для Мага и Духа считается клятвой и нарушить обет правдивости — значит потерять силу и власть.

Но пленять серебряной цепью Духа Гор не имеет смысла. Он сам явится к Царю — и тогда Владыка сумеет с ним обойтись должным образом. Сила Шада заключена в подземных источниках планеты, а Сол-Амон владеет магией высшего порядка.

Внезапно вокруг потемнело пространство. Грохот падающих камней завалил вход в пещеру и сам водопад. Громадные осколки скал катились вниз, проносясь почти рядом со спускающимися путниками. Все подумали, что Шад проснулся. Но Аскер успокоил Шама и Садра, что это действие природной защиты на несанкционированное проникновение людей в пещеру. Но спешить все равно было нужно. Решили не отдыхать.

Свинцовый кувшин не был тяжелым, но от него исходил непонятный ток, который способен был выносить только Шам. Отчасти сила Перстня нейтрализовывала его и усмиряла. И пока червь наслаждался ячменными отрубями, как в свое время Владыка Гор — вином, можно было идти безбоязненно. Но если отруби закончатся, то Шамир способен проточить любую поверхность, и даже твердость алмаза ему не помеха. Единственное, чего боялся червь, это свинец и овечья шерсть. Свинец, горький и вязкий, был ему не по вкусу, а шерсть колола его и не давала силе проникающей выходить наружу. Именно поэтому под крышкой кувшина из свинца находился комок чистой белой шерсти.

———————————————

Шад, очнувшись от царского угощения, которое сделало его покладистым, вспомнил все свои обещания и, пожалев о них, начал гневаться. Но делать было нечего: для Духа и для Мудреца обет правдивости страшнее всякой клятвы. И слово сказанное назад не вернуть. И не отмотать назад ленту красноречивости, в которой, если

не следить за своей речью, можно наговорить такого, тем более изрядно откушав из каменного кубка. Но, с другой стороны, служить достойному человеку, каким был царь Сол-Амон, для любого духа было честью. Ведь, будучи магом мирового уровня, он никогда не унижал и не оскорблял даже духов сфер низшей Нави. Благородство его было настолько высоко, что этика благожелательства распространялась и на духов тьмы, которые, при случае, слушали его приказы беспрекословно. Важна была тональность указа и подоплека, или мысленное его сопровождение.

Гнев Шада и вызвал камнепад. Но Дух Гор не стал мешать путникам выйти за границы его владений. Он знал, что служение царю Иудеи гораздо почетнее и выше многих занятий. И хотя духи никогда не могут воплощаться в людей, Шад все же надеялся накопить благую карму, чтобы почувствовать себя воплощенным в человеческое тело. А это давало многие преимущества в развитии и обретении мудрости. Хоть зло и трудно переродить, все же сила и мудрость истекают из одного источника. И только сами существа меняют вектор их направленности.

Подарок Шада

Над ущельем повисла тьма. Стало тяжело дышать. Но отряд все же тихим ходом выбрался из-под горы и вышел к ее подножию.

Обернувшись, Шам, притормозивший своего коня по чьему-то мысленному приказу, увидел в рассеивающейся мгле гигантскую огненно-дымную фигуру Духа Гор. Она уходила почти под облака.

По выражению лица Шада было видно, что он очень озадачен. И его голос, обращенный к Шаму, можно было принять за гром. Но Шам уловил этот импульс

и, едва сдерживая испугавшегося коня, с почтением склонился перед джином.

— Я дал обещание помогать Великому Царю. И если ты пожелаешь, я перенесу тебя сразу в Иерусалим, без долгого пути и его тягот. Но если тебе будет нужно что-то, лишь произнеси мое имя — и я явлюсь. Передай Царю, что, когда Перстень будет передан в его руки, я как Предводитель горных духов и мои слуги будем в его распоряжении. Я сердит на себя, что позволил расслабить свою волю, но Шамир будет вам полезен. И там, где он, там и я буду, — прогрохотал демон.

— Благодарю, Шад Великолепный! Я дам тебе знать, когда ты понадобишься. И не гневайся на нас. Мы лишь исполняем поручение Царя. Но что тебя связывает с Садром? Ответь, если тебе позволено говорить об этом, — произнес шепотом Шам.

— Садр — один из очень мощных белых магов, который в какой-то момент отказался от порабощения духов и предложил им сотрудничество на паритетных началах. И для существ Мира Нави это было лестно, потому что человек всегда стоит выше любого духа. Они его пожизненные слуги. Но ведь и к слугам можно относиться по-разному. А Садр сделал их своими друзьями. И те дали клятву помогать ему, а не служить. Потому он и попался на твоем пути. Судьба правит даже нашим миром. Призови — и я приду в любой час.

И огромная ладонь протянула Шаму сияющий камень, похожий на громадный изумруд. Ладонь была такой большой, что на ней мог бы поместиться Шам вместе со своим конем.

— Это подарок лично тебе. В этом камне — сила волшебных слов. А ты, как поэт великого Царя Царей, нуждаешься в красоте их звучания. И наш мир не лишен красоты. Положи этот камень на стол в своей башне и не опасайся, что кто-то его украдет. В мире людей он имеет ценность невероятную, но присвоить его никому нельзя. И даже если это случится, он найдет способ вернуться к хозяину. Помни — это дар чистого сердца. И у джина есть сердце: иначе бы он не жил. А ты полюбился мне.

Твоя чистая душа прозрачна, как вода в горном ручье. И джин может кому-то отдать предпочтение и полюбить. Позови — и я приду.

Шад мгновенно исчез. А мгла развеялась, словно ее и не было, обнажив небо и ясные звезды, которые подмигивали одобрительно отряду воинов. Потерь среди людей не было. И только одна лошадь хромала, оттого что где-то неловко оступилась.

Садр, который ехал рядом, тихо сказал Шаму:

— И духи хотят воплотиться. Представь, какой силы будет человек, если каким-то образом он им станет. Сколько мудрости и силы будет в нем. Я кое-что смыслю в этих делах. Многие из духов страдают и мечутся, не имея возможности уйти из-под власти черных магов. И я помогаю им.

Это удивило Шама чрезвычайно.

— Ты помогаешь духам?

— Да. Я нашел способ переводить их из категории низших и злобных в сферу высшей Нави, где они трудятся на пользу человечества.

— Правда ли, что ты маг, отказавшийся от порабощения духов?

— Да. Я стал их другом и проводником к Мирам Света.

— Но разве это по силам человеку?

— Как видишь. Но силу и знание я не потерял, и мой фиолетовый кубок не разбит, а жезл не разломан. Я свободный Путник Духа, хотя и подчинен Иерархии Мудрости Солнца. Многие из Мира Тонкого, или Навного, слушают беседы великих мудрецов или простых учителей, когда тема достойная. Ведь энергия, вызывающая интерес, парит над людьми, создавая сияние или сигнатуры разного цвета, выражаемые в знаках или образах, которые собираются из чувствований и мыслей в такие красивые узоры или переплетения, что придумать их не сможет ни один земной ум, даже предельно искушенный в занятиях такого рода. И я знаком со Старцем Горы. Я тоже принимал Чашу Огня из его рук.

Прибытие Шабала во дворец

Воины, дожидавшиеся Шама, пребывали в тревоге. Конечно, каждый из них хотел вернуться под свой кров, к женам и матерям, целым и невредимым. Но их не столько пугал грохот в горах, камнепад и непроглядная тьма. Они опасались другого: если друг и советник царя погибнет, то не сносить им головы. И об этом более всего думали военачальники высшего и низшего ранга. Но появление троих друзей, спустившихся к черным столбам, развеяло их сомнения, и даже вызвало оживление, порой переходящее в откровенную радость.

Перед отходом приготовили скромное угощение и долго расспрашивали о подробностях восхождения. Но друзья отмалчивались или отговаривались общими фразами, которые позволяли вести беседу, но не выдавать существа произошедшего.

Только сидя в кругу верных ему людей, Шам понял, какая ответственность была на него возложена и что только Кольцо Силы, рожденное из того же первородного огня планеты и словно замкнувшее в свою плоть поток огненной лавы, сделало демона сговорчивым. По своей сути джины — антиподы Ангелов, которые тоже являются пламенными существами, но иного, солнечного плана. Но что-то в них есть и общее, хотя качество Высших Элохимов не просто предпочтительнее, но имеет формацию более чистую и легкую, властвующую над порождениями всех недр планеты.

Сила Кольца, за которым Шад видел мощь Архангела Уроил-Зена, не терпела отрицания. Потому Горный Дух был вынужден подчиниться. Но и Садр, начавший разговор, имел немалую силу, служа посредником между людьми и духами. Он не был медиумом, но — медиатором, и с высоты своего положения мог предупреждать о событиях, творящихся по обе стороны границы

миров. Как некий рефери, он наблюдал движение в одном и другом стане. Медиумы позволяют входить в свои тела низшим духам. А медиаторы допускают до себя лишь высших собеседников. И как для поездки в другую страну необходим опытный переводчик, так и здесь Садр выполнил роль толмача.

———————————————

Покинув суровое предгорье, где почти не росли деревья и лишь редкая зелень пробивалась сквозь серый гранит, отряд возвращался в пределы детства Шама, куда путь был не близок.

Образ царя, возникший в мысленном пространстве, одобрительно улыбнулся и попросил поторопиться, при случае воспользовавшись услугами Шада. Шам спросил об Аскере и Садре. Сол-Амон ответил, что такого рода людей он принимает к себе, тем более что они оказали ему такую неоценимую услугу. Он готов их принять и позаботиться об их занятости, потому что собирает команду людей, искушенных во всяческих премудростях.

Оставляя Аскера и Садра на попечение начальника каравана, Шам решил поторопиться. Но нужно было поблагодарить Старца. Втроем они спустились в круглый зал с вечным огнем, где святой и безымянный принял их как своих сыновей, вручив каждому Чашу с огнем, которую нужно было не погасить в танце. Кружась, они постепенно взлетели под потолок и так же плавно опустились.

— Вместе потрудитесь для мира земного. И путь ваших воплощений направит вас во многие страны. И, подойдя к порогу Святой Обители Братства, вы поймете, что, хотя национальные особенности наложили на вас отпечаток привычек и верований, у самого духа нет предпочтений. Есть место, где Белые Боги опустились на Землю. И оно наиболее свято в этом мире. Царю нужен Шамир, И Шам должен доставить его. Попроси Шада о помощи. Это не осквернит носителя Перстня Силы, но Горный Дух поторопится перенести тебя пред царские очи.

После встречи со Старцем трое стали не просто друзьями, но Братьями.

Шам, предварительно попрощавшийся с матерью и отцом, отъехал к старому ущелью и мысленно вызвал джина. Тот явился незамедлительно и, выслушав просьбу, прошептал:

— Нет ничего проще!

И, не успев услышать окончание его слов, Шам оказался во дворце Владыки Иудеи.

———————————————

Владыке было доложено, что во дворце появился Шабал бен Суффрем. Но стража и придворные были в недоумении и крайнем изумлении: каким образом он оказался у дверей тайной комнаты царя? Эта весть облетела дворец молниеносно. И только Ариси понимающе улыбнулась, заметив, как тень могучего демона покинула здание.

Царь с нетерпением, ему не свойственным, вышел навстречу своему другу, зная, что сроки строительства сокращены и камень доставлен с дальних каменоломен. И потому радости его не было предела.

Приняв поклон, Владыка обнял Шама. А тот передал ему свинцовый кувшин и, сняв с пальца Перстень, протянул его царю со словами:

— Владыка! Ты удостоил меня великой чести жить рядом с тобой и участвовать в делах твоих. И вот я возвращаю тебе твою святыню, ибо слишком тяжела ноша Перстня Силы и только тебе возможно носить его.

— Благодарю тебя, друг мой, за такую великую услугу! К тому же в лице Шада мы обрели помощника невероятной мощи и могущества. Шамир побудет у меня. А потом мы вместе выпустим его на каменные плиты и понаблюдаем, какова его работа на деле.

Перстень открыл тебе возможность заглянуть в мир неведомый и расширил твое сознание. И одно то, что ты выдержал воздействие его огня, продвинуло тебя далеко вперед, к знаниям будущего. В нашем мире обладатели их зовутся магами. Но в будущем наука будет оперировать

фактами магии и все это иначе назовут, так как будут применять почти в каждом доме.

Сила Господа да пребудет с тобой! Ты стал частью моей души. И я очень опасался за это предприятие. Но доверить Перстень мог только тебе. В веках мы встречались много раз. И будущее не обойдется без наших встреч. Иногда это будет происходить часто. А иногда на многие жизни мы расстанемся. Но когда-нибудь Великая Обитель Света соединит нас в общем труде эволюции планеты.

Возьми перстень с изумрудом с моей руки. Он напитан силой Великого Камня. И в нем есть его потенциал и способность управлять стихиями.

Возвращение к дворцовой жизни

Шабал принял с благоговением подарок царя и попросил уведомить его через слуг, когда червь Шамир будет испытываться на самых твердых гранитных камнях. Часть этих камней была привезена из разрушенного Иерихона, древнего города, величие и сила которого были неприступными в течение многих десятков тысяч лет. Каждое поколение укрепляло его стены, фундамент которых был чрезвычайно древен и огромен по величине, и поднимало их в высоту, что нерушимо защищало население.

Царь решил обложить гору Мориа этими плитами с севера и расширить площадку для строительства Храма Господа. Он знал, что во времена древние, задолго до прихода сюда Авраама-Прародителя, на этой горе стоял Храм северных Богов Белого Света, или Яви. И это место называли Сиян-Горой, или той, которая сияет даже темной ночью.

Матушка Сол-Амона однажды обмолвилась, что ее пращуры пришли с дальних северных земель и что

в Храме некогда находилась святыня ее родины. И рассказы матери, более похожие на сказки, будоражили воображение мальчика. И во сне очень часто он летал в эти дальние края, чтобы увидеть великую империю Белых Богов, которые создали высокую культуру и само человечество.

———————————————

Покои в башне дворца ждали Шабала очень долго. Путешествие заняло немало времени. И Шам был спокоен и удовлетворен тем, что выполнил поручение Владыки. А Аскер и Садр, должно быть, где-то еще одолевают длинный путь, приглашенные как люди, обладающие необычными способностями. Таких Сол-Амон собирал по всем землям, не только ему подвластным, но и из стран запредельных, в свою тайную школу-лабораторию.

Сол-Амон не переставал учиться сам и щедро делился своим опытом с теми, в ком видел неодолимую жажду познания. Период учения мудреца никогда не прекращается. Ведь если ученик горит желанием знать, то учителя находятся. Важны готовность и постоянный режим ожидания узнать что-то новое. По этим качествам определялись ученики, и еще — по высокой степени миролюбия и желания помочь всем нуждающимся. Но навязывать свою помощь и свои знания никто не пытался.

Жить во дворце было непросто. Зависть и сплетни создавали разного рода неприятные ситуации. Но смягчить их действие всегда помогали советы Ариси, которая для Шама стала мудрой матерью, хотя внешне подходила к возрасту сестры, которой у него не было.

Ариси занималась с женщинами и девушками, которые считались женами и наложницами Владыки. А на деле, они были собраны как мощный оплот знаний. То же самое происходило и в мужской школе, которая только формировалась.

———————————————

Теперь нужно было не просто отдохнуть, но подробно описать свое путешествие, во всех деталях

и мелочах. Шам делал небольшие заметки, чтобы они служили опорными сигналами для восстановления памяти и средством извлечения событий из тумана забвения.

После того как Шам вернул Владыке его Перстень, он почувствовал невероятное облегчение, понимая, что не готов до конца дней нести такую ношу ответственности. В эти месяцы, пока Перстень Силы был с ним, он ощущал себя существом всемирного статуса в магическом мире — благодаря присутствию той невероятной силы духа, которую он относил как к самому царю, так и к его Покровителю, который принес ему Сокровище Мира.

Дыхание Архангела Уроила Шам ощущал повсеместно, и даже во время нападения на него — в той попытке тьмы завладеть Перстнем. И эта тончайшая энергия давала ему способность предвидеть события, включая самые мелкие. Шаму казалось, что это дыхание развилось внутри него и сохранилось даже после того, как он расстался со святыней. Но его дух скучал по такому, казалось бы простому, предмету. И перстень, подаренный царем за исполнение указа, служил ему утешением. А вставленный в него изумруд сверкал своими гранями в свете свечи, словно таинственный глаз Змия Мудрости, в голове которого он якобы зарождался и рос.

Наверное, эта легенда была связана с тем, что в голове и сердце человека откладывается, кристаллизуясь, некая нерушимая субстанция, имеющая свойство обретать форму избранного Божества или символа, к которому направлены мысли всех дней жизни. Шам слышал, что такой кристалл не разрушает даже огонь, когда тело предают кремации. Хотя у иудеев не было такого обычая, но огнепоклонники всегда считали этот способ похорон лучшим. Но они не оскверняли пламя. Ведь для похорон существуют вершины гор или башни молчания, где солнце превращает в пепел в течение короткого времени любое погибшее тело. Но Агни-очиститель все же использовался ими во время дождей или холода.

———————————————

Ношение Перстня Владыки в течение долгого времени дало о себе знать. Радиация неведомой силы изменила некоторые черты характера Шама и необычайно расширила как его сознание, так и способности постижения, и более всего — любознательность и жажду знаний, которая была неутолима.

Просиживая целыми днями в царской библиотеке, Шам искал ответы на вспыхивающие в его уме вопросы и в своем упорстве не успокаивался, пока не достигал результата. А спустя время он понимал, что тем самым порождаются новые и новые загадки, требующие разрешения.

Попутно освоив несколько восточных языков, и даже египетскую иероглифику, Шам понимал, что невозможно охватить все и нужно определить в своем поиске самое насущное и необходимое. Вычленить из океана мудрости свою узкую стезю, угадать направление луча ведущего, который освещает спасительную нить в бездне великих пространств познания, — вот задача ищущего человека. И со всем этим Шам пришел к своей названой сестре, жрице Ариси, которая к тому времени собрала много способных девушек со всех окраин восточного мира, и даже со своей родины, из страны зиккуратов.

Мило улыбаясь и обладая прирожденным кокетством — что можно было принять за игривость, но, на самом деле, было легкостью отстранения от привычной жизни, — Ариси объяснила, что путеводителем в мире знаний является сердце и что нужно постигать и расшифровывать знаки, даваемые им. Нужно даже беседовать, развивая диалог с внутренним «Я».

Способностью видеть тонких обитателей обладает далеко не каждый. Но ношение Камня дало такое преимущество Шаму. Он был прокален жаром Перстня. И его внутренний мир оказался под покровительством ангельских существ, которых он видел очень часто, зная, что у каждого есть Ангел-Хранитель. А мощь праведности, которая укреплялась в Шаме изо дня в день,

твердила ему, что нужно суметь остаться в потоке чистоты и доброжелательности. И только это защитит от любых нападок, хотя препятствий будет немало.

Шам еще не познал женщины и не понимал, хорошо это или плохо. Но, глядя на сестру свою, Ариси, он предполагал, что и в такой жизни есть свои значительные преимущества. Но ограничивать себя обетами и клятвами он не хотел, оставляя за собой право на свободную жизнь. Да и нарушать-то пока было нечего, так как любви он еще не испытал, а увлечений не желал.

———————————————

Ариси встретилась с Шамом в дворцовой библиотеке, в том ее отделе, в который имел право входить только Владыка. С его позволения они сошлись для серьезного разговора, которого было не миновать.

Усевшись в огромное кресло, где обычно сидел царь, Шам начал очень подробно излагать свои приключения, которые живо заинтересовали Ариси, — начиная с того, как царь доверил ему свой Перстень, и далее о событиях пути до его родины, и особенно о встрече с Аскером и Садром. Разговор был задушевным. Ни тени напряжения в нем не было, а лишь взаимное любопытство. Все, чем можно было наполнить копилку опыта жизни, всегда интересовало обоих. И хотя Ариси была мудрее, все же и Шам не уступал ей в познании некоторых вещей. И беседа была более похожа на разговор близких людей, которые делились самым сокровенным в пределах дозволенных границ.

Когда разговор зашел о Духе Горы, Шаде, в библиотеку внезапно вошел Владыка. Шам стремительно освободил место, попросив прощения за свою вольность, так как на царское кресло запрещено было садиться даже в отсутствии хозяина. Но Сол-Амон лишь улыбнулся на его извинения:

— Дорогой мой друг Шам, о чем ты говоришь? Если я доверил тебе магический Перстень и ты вернул его, исполнив поручение, то остальное не имеет значения. Ведь получить дар даже ненадолго — величайшее

испытание. Ты мог бы такого натворить в этом мире, если бы не имел непорочного сердца. И свидетельство его чистоты — тот факт, что сам Шад склонился перед тобой и доставил сюда таким необычным способом. А теперь он будет служить Господу как строитель Храма Его. И это искупит многие мрачные его стороны, превратив из дымного духа в существо высшего порядка в Иерархии Духов.

— Да, Владыка, ты, как всегда, прав. Но позволь мне, в порядке общего разговора, сказать о своей обеспокоенности. Я так мало знаю. И чем больше я учусь, тем сильнее мне кажется, что отдаляюсь от цели, словно она не приближается, а уходит, требуя все новых и новых знаний.

— Так и должно быть. Испив лишь глоток из Океана Мудрости, ты уже не насытишься никогда. И чем больше ты будешь пить, тем больше будешь жаждать.

— Но как познать все, что нам возможно? Ведь есть мудрецы, постигшие все?

— Они постигли, но продолжают учиться. И многая мудрость приносит им как величайшую радость, так и невыразимую печаль — печаль оттого, что род человеческий так неоднороден в своем знании и невежестве. Знать все невозможно. Есть лишь относительная степень полноты мудрости, допущенная в пределах этой планеты. Есть такие истины, знание которых способно убить земное тело. Они познаются лишь через сновидения. И, несмотря на то, что такое знание в нас есть, проснувшись, мы не сможем его выразить или каким-то образом применить здесь. Лишь тончайший аромат его доходит до нашего духа, в котором оно растворено.

———————————————

Ариси внимательно слушала Владыку. Она знала, что Сол-Амон с детства прошел обучение у многих духовных учителей, самых мудрых и блестящих для своего времени. Но она легко прозревала в нем и накопление знаний тех великих людей, в которых некогда

воплощался дух царя. Сам водитель, отец и создатель нового народа пребывал сейчас в этом теле.

Не прерывая беседы и выслушав все до конца, Ариси все же добавила от себя:

— Владыка, с вашего позволения, скажу и свое мнение о возникшей проблеме Шама.

Действительно, нельзя познать все. Но можно научиться входить в миры космической библиотеки, где найдется ответ на любой возникающий вопрос. Главное — научиться спрашивать непрестанно и поддерживать внутренний диалог. И тогда врата познания будут открыты, а ответы придут сами собой, когда ум устанет стучаться в стену, а найдет потайную дверь к вечным истинам.

Есть Липики, которые фиксируют проявление судеб, открытия и новшества. Есть Хранители сокровенных библиотек Акаши. И лучше их никто не знает, на какой полке находится та или иная книга, свиток или рукопись. Рукописи потому и не горят, что они существуют в Астральном Свете и их слепки легко можно осадить на бумагу, пергамент или папирус. Это как тень того орнамента на занавеске, через которую просвечивает солнце. Она отражается на предметах, на столе около окна или на стене. Моментов преломлений очень и очень много.

Но самое удивительное — что все ключи от потайной двери к знаниям есть у каждого. Люди просто потеряли их в карманах своей одежды или забыли, повесив на гвоздь. Часто бывает так, что ключ есть, но дух не знает, от какого замка он. И понадобится долгое время, чтобы перебрать все и подобрать подходящий.

Через сердце все достигается. Любовь наполняет всю вселенную. И в ней растворены все элементы и стихии, а также весь спектр знаний, открытых человечеству и допустимых для оповещения в будущем. Дается то, что не может навредить планете. А иногда, как пример, бывают показаны и те ужасные силы вооружения, которые сопоставимы с жаром тысячи солнц. В Индии такое оружие именуется «Брахма-Астра». Это вызывание сгустков огня из пространства и направление их во вражеский

стан. Такими сгустками, или плазменными снарядами, велись древние войны, приносящие такие разрушения, после которых земля не родила тысячи лет.

Мудрость разлита вокруг. Нужно только иметь глаза, чтобы увидеть, и уши, чтобы услышать ее тихий голос.

Работа Шамира

Способ испробовать, как работает Шамир, был лишь один — выпустить его из свинцового кувшина и заставить исполнять надлежащую работу. Но тайну того, как это сделать, мог знать лишь великий и грозный Дух Гор. Без него было невозможно приказать червю начать работу или ее закончить, а также указать, какого рода труд нужно выполнить в точном соответствии с замыслом — будь то идеально ровный блок из базальта, сверкающий, как зеркало, или же надпись на драгоценном камне, не видимая человеческим глазом, но при увеличении предстающая тонкой и изящной, достойной руки величайшего художника-каллиграфа. Такие громадные, зеркально отполированные стелы, высотой в несколько этажей, на которых был написан сокровенный текст, существовали. И выполнены они были не человеческой рукой, потому что никакой резец не смог бы так искусно и тонко осуществить такую работу. Это делалось при помощи Шамира, который считался существом иного мира, представляющим собой светящуюся огненную спираль, изгибающуюся и прожигающую силой своего света даже алмаз.

———————————————

На рассвете одного из дней лета, чтобы избежать влияния изнуряющей иерусалимской жары, Владыка пригласил Шама на строительную площадку около горы Мориа, где уже лежали привезенные груды камней.

И чтобы не тратить драгоценное время, царь предложил своему другу добраться туда верхом.

Каждому подвели коня из царской конюшни. Это были чистокровные арабские скакуны, отличающиеся красотой, изяществом и сговорчивым нравом, но от того не менее гордые, чем сами седоки, для которых они были предназначены. Кувшин был взят слугами. А охрана царя ехала впереди и сзади, по четыре всадника с каждой стороны.

Подъехав к горе, группа спешилась. Оставив слуг и охрану, Сол-Амон пригласил с собой только Шама. По узкой тропе они поднялись на небольшую площадку, чтобы обозреть план строительства, фундаментом которого служили остатки древнего храма незапамятных времен.

Владыка встал на колени, чтобы помолиться. А Шам отошел на некоторое расстояние, ожидая, что может случиться что-то необычное. И он не ошибся. Спустя некоторое время перед царем возникла фигура Духа Горы. И его мощный голос зазвучал так, что задрожали листья деревьев на горных склонах:

— Я перед тобой, Владыка! Приказывай, что исполнить!

— Я намерен просить тебя рассказать о том, как указать Шамиру, что необходимо сделать для строительства Храма Господа, — промолвил Сол-Амон.

— Нет ничего проще. Выпусти его наружу и начерти на песке, пергаменте или в воздухе все, что хочешь создать или изобразить, — и он тотчас сделает это и возвратится в свое обиталище. Не забывай только насыпать свежих ячменных отрубей. Это его пища и его среда. Нужно не выманивать его, а произнести мысленно его имя и приказ к действию.

Я благодарен тебе, Царь, что могу быть полезен в столь великом деянии. Слава о тебе разнеслась во всех трех мирах. А для построения Храма Господа я могу прислать своих слуг, чтобы они поднимали самые тяжелые плиты. Я полагаю, что и мне зачтется участие в строительстве Дома Господа!

———————————————

Когда Шам открыл в присутствии Владыки свинцовый кувшин, который он нес с собой, и положил его на бок, из горловины появилась тоненькая струнка света. Эта ниточка выползла наружу и обрела спиральную форму, похожую на серебристую пружинку. Реагируя на мысленные импульсы царя, это существо иного мира стало вгрызаться в кусок белого мрамора и почти исчезло в нем, оставив тончайший, едва заметный для глаза срез, тоньше иголки. И спустя некоторое, совсем небольшое, время перед изумленным царем уже лежал небольшой картуш с Именем Господа, идеально обработанный, словно сделанный на каком-то станке или при помощи пресса, который умеет расплавлять камни. Будто гигантская печать была поставлена чьей-то мощной рукой — печать рельефная и идеальная.

Белая светящаяся спиралька, которая и была Шамиром, закончив работу, скрылась в кувшине. И Шам закрыл его крышкой.

— Чудны дела Твои, Господи! — произнес царь. — Много я видывал, но такое явление дивно, дивно!

Он мысленно поблагодарил Шада и услышал тонкий и мощный ответ:

— Готов служить тебе всегда и во веки веков. Клятва преданности дается духом лишь однажды. А я с самого начала знал, что так будет, и допустил твоего друга и его спутников к себе: иначе бы они погибли под камнепадом.

Хвала тебе, Царь! Ты многих святых и ученых людей берешь под свою защиту, собирая сокровища мудрости. И многие духи готовы сотворить для тебя любое деяние. И сам Храм мы можем возвести в кратчайший срок. Только прикажи — все исполним. Служа тебе, служим Владыке Мира!

———————————————

Тонким зрением Владыка увидел, как фигура Шада, Духа Гор, из аспидно-дымной становится голубовато-белой. И, отметив это качество, он подумал, что

и духи имеют возможность эволюционировать, на что услышал ответ:

— Совершенно справедливо, Царь Мудрости. Даже духи могут переходить ближе к свету, меняя свою природу, точно так же как это происходит у людей. Благородство не возникает просто так, как и мудрость. Образование и воспитание приносят свои плоды. И если ты услышишь, что духи изначально неизменны и принадлежат только основе своей стихийной природы, то знай, что это заблуждение. Ведь и ангел, погружаясь в материальное царство, в самое плотное в нем, что может быть, — в камень и минеральную структуру, — забывает о своем происхождении. А мы, духи, тоже имеем в себе искру света, а иначе бы и не жили.

Сол-Амон молчал. Но это молчание было лишь способностью души оставить в своей Чаше еще одну удивительную новость об эволюции духов. Мысль о том, что и эта часть мира подвержена изменениям, наполнила радостью сердце царя. И он, наконец, ответил:

— Я с радостью приму твою помощь, о Великий Дух! И твоим слугам найду занятие. Не в пример злым магам, я уважаю всех стихийных духов и отношусь к ним с величайшим пониманием. И если понадобится сила, превосходящая человеческие возможности, я позову тебя. А за Шамира — благодарность моего сердца. Я не привык владеть всем неотступно и по истечении срока строительства верну тебе его.

— Не стоит это делать, Владыка. Пока ты правишь миром, пусть он будет при тебе.

Демон склонился перед царем и коснулся Перстня, от чего произошло что-то невообразимое. На какой-то момент дымная структура его тела обрела тонкую прозрачность, словно у синего пламени, оставшегося без движения. Но очевидно было, что ему такое положение болезненно. И он, стряхнув состояние эфирного существа, снова обрел свой громадный вид и погрузился в невидимость.

— Владыка, я предполагал, что Перстень имеет невероятную мощь и власть над духами, — прошептал

он, — но не настолько. Пославший захватить его и убить Шама не оценил силы святыни. Даже попав в его руки, Перстень испепелил бы его, как пламя — сухую былинку. Прости, но я не знал, что один из духов замышляет это.

———————————————

Царь пристально посмотрел на Шама и, словно угадывая, о чем тот думает, тихо проговорил:

— Размышляешь о том, зачем демоны и духи стихий служат человеку, терпя власть такого, казалось бы, слабого существа?

— Да, Владыка! Это так.

— Это очень просто. Для них величайшей загадкой является свободная воля человека, которой они лишены. Воля каждого из нас проистекает от существования искры божией, помещенной в нас, как зерно — в почву, в надежде, что она когда-нибудь вырастет и даст плод невиданный, которым будут пользоваться все существа. Духи же, джины или тени, имеют, как и растения и животные, единую великую душу. Отдельные духи не могут получить свободу, как человек. Но, служа достойному господину, они перенимают не только его качества и знания, но и часть умения становиться свободными, сбрасывая с себя накопившийся груз проблем. Духи надеются, что человек оступится и тогда они завладеют им. Так и бывает, по слабости человеческой натуры. Но зерно духа быстро ставит все на свои места. А оно состоит из той нестерпимо яркой субстанции света и жара святости, которую не сможет вытерпеть ни один из низших духов. Даже демоны Пекла бессильны перед святостью человеческого духа.

Владыка и Шам долго ходили по горе Мориа, которую, по замыслу царя, должны будут закрыть фундаментом из гигантских плит и засыпать внутри. На этой площади и встанет Дом Господа — величайшее построение древнего мира после египетских пирамид и вавилонских башен и дворцов.

———————————————

Сопровождая царя, Шам все больше убеждался в том, что его способности и власть распространяются на мир незримый. Сам Шам, после того как в течение целого года носил Перстень Силы, стал замечать в себе изменения. Помимо духовидения и яснослышания, он обнаружил покровителей в своем поэтическом искусстве, которые могли день и ночь надиктовывать ему тексты разной тематики, но не превышающие его способностей. И здесь наглядно проявлялось то, о чем говорили с Владыкой и Ариси. Если человек в процессе познания упирается в тупик безысходности, то в этой стене открываются незримые двери в новый мир. Но при этом воспитание добродетели всегда должно стоять на первом месте, так как нельзя выпускать дикаря в общество, будь он хоть трижды ученым.

Гении высших разумов, или Музы, в каждой стране и традиции называются по-своему. Но в иудаизме есть понятие Ангелов, которые населяют Божественные Миры, как люди — планету Земля. И к каждому человеку приставлен Ангел-Хранитель, исполняющий роль наставника, советника и носителя вдохновения. Но, на самом деле, эти Существа являются высшей ипостасью каждого человека, голосом его совести, вдохновителем и внутренним координатором сознания. Большинству людей, оглохших и ослепших в Мире Духа, такое соседство или покровительство не нужно. Им комфортно в мире людей, в материальной среде. А все размышления о тонких вещах могут довести их до сумасшествия. До времени опасно даже думать об этом — не то что видеть все то, что тебя окружает, во внутреннем мире.

———————————————

Тем временем Шамир продолжал трудиться, вырезая огромные блоки из серого гранита и мрамора. А люди удивлялись: кто же сможет уложить эти громадины в стену, превратив гору Мориа в площадь перед Храмом? Но сын Давидов не думал об этом, зная, что

целая армия духов подвластна ему и готова по мысленному приказу начать работы по возведению невиданного в мире фундамента, с которым могли бы сравниться разве что египетские пирамиды и храмы, а также постройки городов Арктиды и Лемурии.

Иногда Владыку поднимал на высоту в своей широкой ладони сам Шад, не видимый для остальных. Таким образом царь осматривал сверху точность исполнения своего замысла.

Камни, обработанные астральным червем, блестели, как зеркало. Но основание западной стены так и осталось от древнейших построек Русской Осели. И то, что на Храмовую гору были привезены каменные блоки из Иерихона, имело свой сокровенный смысл. Ведь город, стоявший как страж не одну сотню тысяч лет, нес на своих камнях следы непобедимости, а это было очень важно для нового Храма.

Сол-Амон прекрасно знал, что такое разум камней, поэтому мог оценить структуру и энергетическую емкость накопленной мудрости у монолитов Иерихона. Эти огромные каменные блоки должны были стать не только основанием стены Храма, но и магнитом для всех последующих накоплений духовности.

Царь Хирам, несмотря на помощь стихийных духов в построении Дома Господа, прислал двадцать четыре мастера-каменщика, зная, что понадобится очень тщательная подгонка всех деталей. Ведь именно тонкая работа превращает грубое изделие в шедевр, а мастер и ремесленник отличаются друг от друга малым — качеством и художественным вкусом, даже если все создается на одной основе и из одного и того же материала. Только высокое умение делает предмет более ценным, а не сам материал, как в случае ограненного алмаза, который в десятки раз дороже своего природного оригинала.

Каменщики должны были завершить построение и выполнить убранство храма, наравне со златоковачами во главе с Ефремом. Но, по Замыслу Господа, в Доме Его не должно было быть слишком богатых и ярких украшений, чтобы душа верующего не отвлекалась на

великолепие убранства, а отдавала все мысли Господину Миров. По иудейской традиции, нельзя было изображать людей, а лишь цветы, животных и птиц. А основным украшением должен был стать растительный орнамент, в котором травчатые завитки скрывали написанные на стенах молитвы, возносящие хвалу Владыке Всех Миров.

Надпись на изумруде

— Владыко! — обратился Шам к царю Иудеи. — Можно ли попросить Шамира выгравировать имя твое на моем изумрудном перстне?

— И где же ты хочешь обозначить надпись?

— Мне бы хотелось, чтобы она появилась на основании камня.

— Тогда попроси ювелира вынуть изумруд из перстня, и мы сделаем это. Я тронут твоей просьбой. И, поверь мне, это действительно поможет связать наши судьбы на многие земные жизни. Так уже было в прошлом, так это будет и в будущем. Много раз ты служил мне, и даже спасал меня. Много раз и я выручал тебя от смерти. Ты стал частью моей души, как и я — твоей. Титул Друга Царя велик. Но я бы назвал тебя Братом своим — по духу, а не по крови, потому что родной брат мой за козни свои достоин только казни. Как бы мне тяжко ни было принимать это решение, придется взять на себя его бремя.

А тебя назначаю Братом Царя. И в мое отсутствие ты будешь исполнять все полномочия Владыки. Ты заслужил это. И имя мое в твоем перстне — честь для меня. Пройдут века, пройдут многие жизни, в которых мы будем то вместе, то поврозь. Но нить нашей связи никогда не оборвется. И даже если от меня не будет вестей, не считай, что я забыл тебя. Повзрослевших детей отправляют в самостоятельную жизнь. А перстень с моим

именем будет приходить в твою жизнь не единожды. Будь благословен, Брат мой!

Сол-Амон обнял Шама, притянув его к себе. И хотя голова Шама едва доставала царю до груди, это позволило ему почувствовать биение сердца, когда он к ней прижался. Мощь невиданного восторга и благодати пронизала Шама. Он словно погрузился в круг Братьев во время своего танца вокруг Вечного Огня, когда он взлетал в сокровенной пещере. Голова Старца, появившаяся в пространстве, улыбалась и одобрительно кивала.

Нарисовав желаемую надпись на пергаменте, Шам обратился к дворцовому ювелиру Ефрему бен Иуде, чтобы тот извлек изумруд из перстня и отдал ему. Изумруд был так огромен, что занимал почти всю нижнюю фалангу указательного пальца на правой руке. А обрамление его представляло собой цепь созвездий, причем солнце и луна были искусно вплетены в зодиакальный круг.

После того как надпись была сделана на дне драгоценного камня, Шам снова принес его ювелиру-златокovачу. И увиденное весьма удивило Ефрема.

— Кто же мог сделать такую искусную гравировку на изумруде, который едва уступает по твердости алмазу? — спросил он у Брата Царя.

И Шам ответил:

— Тот, кто нанес письмена на Скрижали Моисеевы, которые вначале были взяты из Трона Господина Силы, но потом стали гранитно-серыми — после совершенного беззакония в виде поклонения золотому тельцу.

———————————————

То ли от долгого нахождения в одной шкатулке с Камнем Силы, то ли из-за того, что на изумруде было начертано Имя, но перстень Шама, после того как златокovач вернул его хозяину, обрел иное свойство. Влияние космических энергий, идущее через него, усилилось. Но, по сравнению с царским, действие этого перстня было мягче, тоньше, более соответствуя характеру Шама.

Глядя на изумруд, Шам иногда, как в зеркале вод, видел облака, небо и чьи-то незнакомые, но прекрасные

образы. Словно сами Ангелы заглядывали ненароком в этот драгоценный глаз, в форме которого был обработан камень в его перстне.

Башня была прибежищем трудов Шама. И вдохновение налетало на него постоянно. А окна, открывающие вид на зеленую долину, создавали впечатление, что жизнь Шабала бен Суффрема проходит в полете между небом и землей. И ему к этому было не привыкать, потому что в детстве он испытывал те же чувства в своей комнате, вырубленной в скале.

Звезды складывались в знаки. Шелест листьев и шепот ветра — в слова. И кто нашептывал их — было не понятно, но источники звука были повсюду. Иногда Шам слышал пение звезд. Иногда тихая молитва доносилась из дворцового храма, где порой сам царь участвовал в богослужении. Но все же в редкие минуты одиночества, когда Шам не работал в хранилище книг и царской библиотеке, ему удавалось размышлять о вечном, и, конечно же, с пером в руках. Так у него получалось лучше всего. Любой труд, если он любимый, являет собой лучшее вмещение сокровенных мыслей и потому бывает успешен.

Полет на ковре

Царь любил временами подниматься на башню, где располагались покои Шама и откуда можно было обозревать пространство далеко вокруг. Так произошло и в ту ночь, когда Шам засиделся над своими записями о путешествии на север. Он был так увлечен своим занятием, что даже не заметил, что за его спиной стоит Владыка и ждет, когда же чуткое ухо Друга и Брата услышит его дыхание.

Но ждать можно было очень долго, потому что Шам пребывал в состоянии глубочайшего погружения в размышление. Это состояние было так основательно,

что все чувства отключились, а перед очами сознания текла река образов прошлого и будущего. И отличить грядущее от прошедшего было трудно, потому что есть в Вечности точка, где все существует одновременно, не тесня друг друга и не пытаясь нарушить право одного в пользу другого. Видением это было или очередным уроком наставников земному сознанию, сказать было трудно. Ведь на земле существуют иные координаты обозначений, во многом зауженные и не способные выразить явления духовного мира.

Но Сол-Амон не просто ждал, а наблюдал за внутренней атмосферой Шама. И в одно мгновение он возник перед его духовными очами, напомнив о себе. Поэт встрепенулся и, очнувшись, почувствовал спиной энергию приблизившейся к нему мощи.

Владыка заметил:

— Путешествия в глубь души бывают весьма полезны, если не обременяешь их земными переживаниями.

Шам обернулся и, встав, смиренно склонил голову.

— Прости, Господин мой, что не заметил твоего присутствия, — смущенно пробормотал он.

— Твое состояние не требует извинения. Так глубоко редко кто погружается в свое сердце. Но я пришел, чтобы предложить тебе не менее необычное странствие. Оденься потеплее. Я объясню, куда мы направимся. Спускайся вслед за мной на крышу дворца.

Шаги отдавались в винтовой лестнице гулким звуком. И Шам, идя за царем, недоумевал, как он мог не услышать его приближение.

Они спустились на плоскую крышу дворца. Там было пустынно, потому что все спали. И только бледный свет четвертной луны обозначал их тени, скользящие по ограждению крыши.

— Ты помнишь мой полет с учителем моим, Амоном? Не хочешь ли повторить его? — спросил царь.

— С вами, Владыко, я готов куда угодно направиться! После стеклянного колокола, в котором мы опускались на дно моря, мне уже ничего не страшно! — горячо ответил Шам.

— Но ведь воздушная стихия так зыбка, — лукаво заметил царь и указал на квадрат, лежащий на крыше.

Это был тот самый старый персидский ковер. В свете луны он был едва заметен. И только золотые нити, вплетенные в него, выявляли символические узоры или названия.

Особенно явственно блестела Шри-Янтра в центре ковра. Отец Сол-Амона, Давид, сделал ее символом земли иудейской. Он внес знак вселенной на знамя одного народа, но забыл поместить в центр его связующую сияющую точку — символ Единого, Вечного и Неизреченного. И тем самым он оставил народ свой без надежды на воскресение. Эту ошибку позднее попытается исправить Иешуа Назорей, довершив творение седьмым, заключительным днем, в котором можно увидеть плод трудов своих.

— Расположись в центре ковра. Садись основательно и не опасайся ничего. Я сяду рядом, — произнес Владыка.

Шам послушно ступил на ковер и сел, подвернув ноги калачиком, как это принято на Востоке.

———————————————

После того как царь присел рядом с Шамом, ковер начал подниматься и отрываться от земли, обретя основательную устойчивость. Шам только слышал, как Владыка произнес шепотом какие-то непонятные слова, после чего ковер взмыл в небо, пролетев над дворцом и городом и устремившись куда-то в южную сторону.

— Не страшись, Шабал! Ковер не сбросит нас, как молодой необъезженный конь — наездника. Этому магическому ковру многие тысячи лет. И он вполне управляем при наличии Перстня. Но и твой изумруд сияет огнем полета, если ты обратишь внимание на него.

Шам был обескуражен. В ночной высоте громадный ковер, словно летучий корабль, уносил их в далекую страну Офир, где, по слухам, находились копи, или горная сокровищница царя. В глубине горы трудились люди и добывали для царя драгоценные камни. А сама гора

представляла собой потухший вулкан, в стволах которого родились изумруды и сапфиры, алмазы и рубины. Все зависело от того, какой глиной была наполнена трубка, или боковое ответвление от жерла. Здесь же находилось очень глубокое озеро с мертвой водой.

———————————————

Ветер свистел в ушах. Но, укрывшись меховой накидкой и крепко прижавшись друг к другу, Сол-Амон и Шабал парили высоко над землей. Попутно Владыка устроил Шаму урок по определению звезд, небесных тел и созвездий, под которыми они перемещались и к которым приближались. Небесная механика и геометрия в устах Величайшего звучала очень убедительно — настолько, что, находясь наедине с небом, можно было считать себя не только малой пылинкой, гонимой ветром бытия, но и звездой, блуждающей только по одной, ей известной орбите.

— Владыко! Но как же ковер найдет дорогу в то место, куда мы направились? — спросил Шам.

— Ковер лишь продолжение моей мысли и мощи Перстня Власти. Я наполнил его своей волей. А несется он не сам. Его несут духи ветра. Когда Шад перенес тебя во дворец, это было для тебя мгновением. Но сейчас нам необходимо именно такое путешествие. Есть в мире горы, вершины которых обладают таким магнетизмом чистоты, что, побывав там, ты словно омываешься в огненных потоках святости, будто судьба освобождает тебя из своих цепей. Впрочем, эти цепи скованы нашими руками и поступками. И нам не следует неуважительно отзываться о судьбе, — ответил царь.

От близости к нему Шаму стало так жарко, словно он находился около костра, от которого шел тонкий запах медовой смолы и можжевельника.

Полет был недолгим. Ковер опустился на плоскую вершину горы. При этом царь заметил:

— Нам до рассвета нужно вернуться назад. Я лишь навещу своих доверенных — и мы двинемся в обратный путь.

— Но на горе никого нет!

— Я знаю, куда идти. Не торопись. Глаза часто обманывают.

Слева от вершины, чуть ниже, находилась скала. К ней и спустились царь и Шам. Царь дотронулся до скалы, и Шам с изумлением увидел, как часть ее открылась, словно дверь, образовав широкий проход. Ступени вели вниз. В глубине горы сверкал свет, и оттуда доносились звуки человеческой речи, похожей на горячий спор.

———————————————

При спуске по лестнице голоса слышались все более отчетливо. И при выходе из тени в широкую пещеру обнаружилось, что это начальник стражи рудника давал наставление своему заместителю.

Увидев Владыку, внезапно появившегося внутри горы, старший сразу же его признал и, склонившись и волнуясь от внезапно нахлынувших чувств, приказал помощнику приготовить для царя достойный прием. Помощник исчез, оробев от одного вида царя Иудеи. А Сол-Амон успокоил главного стражника:

— Не волнуйся, друг мой. Мы ненадолго. Нам нужно только заглянуть в сокровищницу.

— Может быть, появилось что-то новое? — спрашивая или размышляя вслух, добавил царь.

— Да, Владыка! Пойдемте. Я вам покажу великолепный экземпляр изумруда, вид которого вас удивит, — ответил воин.

Они прошли дальше и свернули в помещение, которое закрывалось крепкой дверью, окованной железом и толстой густой решеткой. В свете факелов на столе, сделанном из громадной гранитной плиты, поблескивали своими правильными и изломанными гранями словно зеленые яркие звезды. Это были изумруды. В полутьме казалось, что у них тысячи глаз и что они смотрят в душу лукаво, остро и проникновенно.

В самом конце стола, среди множества драгоценностей, такого количества которых Шам никогда не видел, он заметил большой камень, величиной с человеческую

голову и похожий на какой-то дивный замок. Он был обработан самой природой как миниатюрная драгоценная модель храма или дворца — словно невидимые мастера постарались удивить царя.

На вопросительный взгляд стражник ответил:

— Нашли только что и чуть не разбили, пока переносили в сокровищницу. По этому поводу и был спор — как сохранить наиболее бережно для Владыки такое великолепие.

———————————————

— Камень действительно хорош. И в нем заключен дух, который говорит о том, что глубоко под землей существуют целые заросли таких кристаллов. Величина их достигает огромных значений. И то, что выброшено наверх, — это лишь мизерная часть сокровищ, если сама Царица Змей, Балкис, восседает на высоком троне, вырезанном из целого куска изумруда. Уж не Шамир ли постарался создать его? — размышлял вслух царь.

— Только ему это подвластно, Владыка, — произнес Шам.

— Этот громадный кристалл мы забираем с собой. А остальное пусть перевезут под строжайшей охраной воинов, не оповещая никого о ценности поклажи, — изрек Сол-Амон, сделав знак Шаму, чтобы тот взял изумруд с собой.

Вес камня оказался не таким малым. Переметная сума оттягивала плечо, хотя особой тяжести Шам не испытывал.

Владыка спросил начальника рудника о том, каковы условия жизни тех, кто добывает здесь камни, и приказал ни в чем не отказывать им, даже если они рабы. Ведь справедливость должна присутствовать во всем. Нельзя лишать приемлемых условий существования никого, а человеческий облик нужно уважать в любом статусе.

Молитва на вершине горы

— Можете нас не провожать, — сказал царь, обращаясь к начальнику рудника. И тот, послушно поклонившись, вернулся к своим обязанностям.

Царь и Шам возвратились на вершину горы, закрыв дверь в скале, о которой знал лишь Владыка. Для стражи внезапное появление царя было такой неожиданностью, что потом легенда о его появлении в любом месте лишь подтверждала мысль о его вездесущности. Сол-Амон, конечно же, владел способом делимости духа, но использовать его можно было лишь в крайних случаях, покуда эта способность не развилась окончательно.

Владыка и Шам, который нес увесистый груз, уселись в центре ковра. Но взлетать они не спешили.

— Мы прилетели сюда не за изумрудом, хотя он и достоин того. Наша цель — молитва на вершине этой горы. Она может быть долгой или короткой, но от того не менее значимой. Даже имея способность общаться с Господом и Силами Его, мы не должны забывать о признательности Высшим Существам, которые хранят нас и исправляют изъяны нашей судьбы. Закрой глаза и думай только о Небе, — изрек Сол-Амон.

На плоской вершине было достаточно места. И казалось, что созвездия идут вокруг этой горы. Молитва звучала в уме и вызывала ответ в виде светового столба, льющегося с небес. В его сиянии ковер начал подниматься вверх так тихо, что двое этого не заметили и продолжали жить в своем тонком мире. Сигнатуры энергий, похожие на цветные молнии, уходили вверх, унося на себе мысли и соединяя световыми проводами Владыку и поэта между собой. Постепенно начал образовываться силовой кокон синего цвета, в котором ковер завис высоко над землей. А потом он постепенно переместился в сторону Иерусалима. Таково было

тайное веление царя, знавшего, что во время молитвы надо уходить от земли и не терять времени на пустые речения.

В молитве и состоянии уравновешенного блаженства они очнулись на крыше дворца. Шам был удивлен необычайно. Но царь лишь улыбался с лукавинкой в глазах, как будто знал нечто такое, что не доступно земному уму.

— Изумруд пусть побудет у тебя. И почаще смотри в него. Много интересного увидишь. Недаром одна из главных книг древности названа была Изумрудной Скрижалью. Прощай, брат мой. Отдохни. И закрывай двери впредь, — тихо проговорил Владыка.

Шам поклонился. И на этом они расстались, отправившись каждый в свои покои. Заря еще только едва очертила горизонт востока.

Общение с кристаллом

Поднявшись в свою башню, Шам первым делом поставил обломок кристалла на стол и накрыл его шейным платком, которым пользуются бедуины во время путешествий по пустыне и который носят как головные уборы. Усталость брала свое, но он понимал, что камень имеет ценность невероятную как земное сокровище и еще большую как некий духовный генератор, который нужно использовать.

Изумруд нельзя было считать подарком: иначе Шам стал бы одним из богатейших людей мира. Но разрешение Владыки означало благословение на пользование им. Царь подталкивал Шама как к самоисследованию, так и к изучению влияния камня на людей. И не исключено, что этот изумруд был каким-то таинственным артефактом, переданным людям как послание от существ

стихийного мира — гномов, которые создают и охраняют все богатства земные.

Ведь известно, что, сколько бы ни пылала страсть стяжания богатств и наживы в людях, материальные накопления — это та условность, которая остается в пределах земли. Их нельзя забрать с собой в Тонкий Мир. Там ценностью являются совершенно иные вещи. Высшие чувства напитывают Астрал. А мысль уходит в Сферы Огненные. Только мудрость, только знание как накопление опыта, только сила сострадания, милосердия и любви собирают жемчуг исканий, который мы берем с собой.

Шам уснул безмятежно. Лица Старца и Ариси проплыли мельком, перед тем как он, проходя через сферу слов и живых чисел и прообразов, оказался во сне, в котором в той же самой башне вышел из скафандра физического тела и, собравшись улететь, оглянулся на стол. Изумруд сиял светом, который пробивался сквозь покров бедуинки Шама. Все было так же, как наяву, — то же расположение предметов, те же пейзаж в окне и все окружение. Но только ко всему земному добавлялось чувство невыразимой легкости, свежести и музыки тончайшего звучания, которая приносила неслыханный, благоуханный аромат.

Голос Старца приказал Шаму сесть около стола — точно так же, как он это делал, когда писал стихи или вел свой дневник. Шам повиновался и в своем легком теле принял ту же самую позу. Старец шепнул ему: «Открой камень и посмотри в него». Шам подчинился.

Интенсивное свечение чистого зеленого цвета притягивало тонкое зрение. И Шам увидел в чистой глубине яркое зернышко пронзительного света, притянувшее его взор и целиком поглотившее его внимание. Вместе с взглядом, казалось, и он сам оказался в том чудесном мире, в той изумрудной вселенной, где были небеса, звезды и планеты, где жили диковинные существа, плоть от плоти того мира. Они взрастили и этот громадный кристалл, и целые невиданные заросли драгоценных камней,

занимавшие все мыслимое пространство и оставлявшие только часть миру космоса.

Но самым удивительным было не это, а храмы, состоящие из цельных изумрудов, в которых все украшения, изваяния и алтари были из травчатого яхонта. На алтарях горел огонь. А священные книги представляли собой прозрачные скрижали и громадные шары разного цвета — от ярко-желтых до сапфировых. В каждой такой круглой сфере покоилась сила определенного знания — под началом одного из Лучей Мировых Владык.

———————————————

Яркая зелень давала сердцу силу и словно омывала Шама неизъяснимой радостью, настраивая, как некий духовный камертон, на восприятие совершенных мыслей. Посланы они были свыше или рождались в самом сердце под воздействием размышлений и медитаций, объяснить было трудно. Но Шам и не стремился к разделению таких тонких мыслительных фракций. Ведь алхимия души доступна бывает лишь великим человеческим сущностям, и то не в полном объеме. Все знать невозможно, потому что каждая искра сознания создает свой путь в материи вечности. И повторить его другому существу в любом из миров нельзя, потому что взгляд идет только изнутри и скрытое в зерне духа поручение Вселенной Света обязательно должно быть выполнено до конца в точке завершения великого цикла жизни плотной и перехода на новый уровень существования.

Изумруд был настолько притягателен, что невозможно было оторвать глаза от его внутренней игры и происходящего внутри преломления потоков света. Это было похоже на погружение на дно моря, которое Шам с царевичем совершили очень давно в стеклянном колоколе. Шаму казалось, что и внутри этого прозрачного камня существуют целые миры и что они точно так же одухотворены и высоко организованы, как и мир земной.

Дар Владыки Шам не считал своей собственностью, впрочем, как и все остальное. В этом мире все было

временно. Но тем не менее оно не терпело пренебрежения и требовало совершенствования и улучшения.

Для изумруда необходимо было хранилище. И, по старой привычке работать с кладкой, Шам сделал нишу в стене башни, которая закрывалась камнем так, что было незаметно, выдвигается он или неподвижен, как остальные. Найти этот спрятанный камень было бы очень трудно, учитывая, что и остальная кладка внутри башни не имела плотных швов.

Путешествие ночное легло в основу записей Шама. И впоследствии оно запечатлелось в восточных сказках как сюжет о царе Сулеймане, который летал на ковре-самолете молиться на одну из гор. Многие горные вершины и посейчас носят имя этого человека, который воплотил в себе образ Водителя Мира, предшествуя Великому Назаретянину.

———————————————

Разглядывая изумруд в разное время суток, при дневном и ночном освещении, Шам открывал удивительные картины внутренней жизни камня. Помимо дивных садов и морей, он видел в нем дворцы и храмы такой удивительной архитектуры, которая не была свойственна египетско-вавилонскому стилю.

Величественные здания иногда заполняли все пространство. И Шам начинал видеть людей, их лица, выражение глаз, жестикуляцию и единственную, свойственную каждому походку. Он различал города и острова, дальние моря и горы — и постепенно впадал в блаженное состояние освобождения от тела, о котором часто слышал от Ариси на ее уроках тайной мудрости. Но как только Шам выходил из своего физического скафандра, предназначенного жить в условиях земли, он наблюдал за камнем в другом теле, и с еще большим любопытством, и замечал, что изумруд обретает иные очертания, а образы становятся содержательнее и тоньше.

И однажды, когда Шам мысленно заговорил с камнем, тот ответил. Речь его была необычной. Она входила в сознание импульсами волн изумрудного свечения,

проникая в самое сердце, где происходило переложение светового сигнала на человеческие слова.

— Не пугайся, сын человеческий! Сумевший найти способ говорить с неодушевленными предметами ступил на путь ясновидения, в котором много трудностей, ловушек и искушений. Заглядывая в мой мир, ты разовьешь способность считывать информацию с любого предмета с такой точностью, что этому удивятся бывалые маги, посвятившие психометрии не одну человеческую жизнь, а также выработаешь умение видеть на любом расстоянии тех людей и города, о которых никогда не слышал. Но главным в этом труде будет проникновение в самую глубину моей памяти, где хранится мудрость миллиардов лет, а разделы знаний таковы, что о них не имеют представления даже самые умудренные ученые мужи. И те, кто считает меня лишь эквивалентом земного богатства, глубоко заблуждаются, потому что знание всегда ценнее всех материальных сокровищ. Если бы люди поняли драгоценные камни и золото как обиталище знаний, все было бы по-иному в этом мире.

Шам очнулся от стука в дверь. По совету Владыки, он с некоторых пор стал закрываться. Слуга принес ему ужин. О том, сколько он отсутствовал в созерцании камня, Шам ничего не помнил.

Сказав слуге, что впредь сам будет спускаться в царскую поварню, Шам в изнеможении опустился на кровать. А Старец, явившийся в мысленном пространстве, предостерег его от чрезмерных, хотя и полезных, занятий, убедив, что нужно все постигать постепенно.

Открытие новых истин

Работа с изумрудом, подсказки Наставника и самого Владыки развивали способности Шама. Но главными, конечно, оставались накопления его собственной Чаши.

И когда они пробуждались, Шам точно знал, в какие времена и жизни он тратил драгоценные мгновения на их обретение.

Шам начинал понимать, что ментальная сущность столицы создает расширение его кругозора. Словно сам собой улучшился словарный запас и облегчилось общение с умнейшими людьми государства, с мастерами живописи и архитектуры, создающими проект Дома Господа — Великого Храма Веры.

Постепенно Шам превратился из человека, мыслящего провинциальными категориями, в осведомленного в государственных делах мужа, без которого не обходилась ни одна дипломатическая встреча. А титул «Брат Царя» позволял ему быть чуть ли не вторым лицом в Иудее. И во время отсутствия Сол-Амона все дела управления державой велись через него.

Но Шабал не злоупотреблял своим влиянием и оставался очень скромным человеком, который старался быть в тени, хотя все царедворцы понимали, что значит находиться рядом с ним. Для сирийца, что и означало слово «Шам», важнее всего были любовь к Владыке, обучение всем наукам, доступным жадному до знаний уму, и постоянный труд стихосложения и ведения дневниковых записей, которые по весомости излагаемого материала могли считаться достойным вкладом в развитие тайных наук. Ведь собственный опыт нельзя заменить книгами или уроками мудрецов, потому что преломление познания в призме каждого сердца происходит совершенно уникально, не сравнимо с химизмом и физикой усвоения знаний другими существами.

———————————————

Ариси, помимо преподавания в женских школах, проводила ритуал общения с Великой Матерью. В ее покоях был небольшой алтарь, где она, жрица Иштар седьмого уровня зиккурата, поклонялась вселенской форме Мировой Женской Силы — Ади Шакти, или Матери Мира. Внешние наименования Богини были для миллионов верующих. Но после осквернения Храма

Матери Тайны Вечно-Юной в поздней Атлантиде, когда на алтаре Богини пролилась кровь невинной человеческой жертвы, Она ушла оттуда и скрыла Свое Имя.

А Ариси являлась одной из тех двенадцати мировых жриц, которые были посвящены в ритуал вечного возобновления жизни, позволявший их телу не стареть. Плоть этих жриц в силу своей изначальной непорочности обрела такое качество, что не нуждалась ни в питье, ни в пище и не была подвержена влиянию жара и холода. Но внешне такое тело не отличалось ничем от обычного — разве что от него исходил аромат цветов нездешнего сада, потому что растительное воплощение, в которое жрицы возвратились в своей физиологии, восстанавливало этот запах. Такое благовоние исходило и от святых мудрецов, именуемых Сынами Божьими.

Ариси приглашала и Владыку с Шамом на эти тайные бдения. И втроем, возжигая ладан и привлекая чистых духов, они молились о благе мира. Помимо великого Старца, они видели покинувшего их жреца Амона и многих высоких существ, которые светоносностью своей ослепляли внутреннее зрение Шама, но были привычными для Владыки и Ариси, служившей Матери Миров в том же самом теле еще до падения Атлантиды. Иудеи не признавали женских божеств, хотя род вели по материнской линии. Но произнесение тайного Имени Матери оказывало не меньшее воздействие, чем призыв Господина Миров.

В полумраке раздавались легкие звуки, похожие на звон кимвал. А дым, поднимаясь вверх, рисовал диковинные узоры, в которых можно было различить не просто тайные знаки, но буквы сияющего сензара, языка посвященных, которые Ариси читала как заклинания. Вернее, это даже нельзя было назвать прочтением — это была песня, посвященная Богине всех Богинь, чья мощь наполняла всю вселенную. И звучание мелодии было так чудесно, что хотелось повторять ее в голове вновь и вновь. А Сама Мать Аса, Ассургина, слышала это моление и, несмотря на обет оставаться в тайне, открывала

Лик Своим преданным и верным последователям, зная, что они не возгордятся и не наполнятся высокомерием.

———————————————

Многие в Иудее знали, что царь Сол-Амон покровительствует всем религиям и что алтари чужестранных божеств размещены там, где обитают отдельные национальные группы. Некоторые обвиняли его в идолопоклонстве, и даже в отправлении служб самому страшному из богов — Молоху, жертвы которому приносились только младенцами, отчего пал Карфаген, где был его основной храм. Но любая сплетня или введение в заблуждение имели целью тайно подточить основу государственной власти.

Кто-то говорил, что Владыка не чистый израильтянин, поскольку мать его, Вирсавия, происходит из племени славян-ханаанцев, у которых Иисус Навин и сам отец Сол-Амона, царь Давид, отвоевали великие города, стоявшие здесь не один десяток тысяч лет. Сам город Ершалаим являлся столицей присутствия северного народа. Именно его представителя, подслеповатого великана Голиафа, победил Давид. Но имя великана было иным. Просто израильтяне не имели многих знаков и звуков для произнесения древнего ханаанского наречия.

Но, как бы там ни было, Владыка правил успешно, посылая Шама в северные и южные земли как своего посла. И даже в далекую Индию ему пришлось отплыть на корабле, чтобы понять, где же кончается земля. Но и полеты их по ночам продолжались. А моления напоминали путешествия в нездешний мир, недоступный и страшный для большинства людей.

Свет Мудрости

Сосредоточение на изумруде открыло Шаму еще одну истину: так же как человек, такой громадный

драгоценный кристалл, помимо мудрости, которую он накопил, имеет собственное имя. И использование этого имени как пароля, или секретного кода, позволяет совершить некий духовный взрыв, освобождающий из мириад атомов великую энергию знания. А возникающая при этом проникающая радиация вступает в контакт с человеком и делает его если не всеведущим, то глубоко образованным и воспитанным, что является необходимым для получения такого заряда истины.

При каждом созерцании Шам ощущал это облучение — нечто похожее на жар костра, около которого сидишь, но гораздо более тонкое, глубоко пронизывающее и проникающее в сознание. И он принял это как следующий этап обучения.

При острых вопросах или испрашивании у него совета, в том числе и Владыкою, Шам неожиданно стал отвечать настолько взвешенно и основательно, что удивлял не только рядом находящихся, но и самого себя. И тогда традиция влияния самоцветов на сознание вдруг вспомнилась ему особенно явственно. Каждый камень дает мудрость, силу, успех и помощь, если он соответствует астрологически и стихийно человеческой душе, которая явлена как оболочка, или сияние, зерна духа. И Шам отчетливо понял, что, когда в недалеком прошлом царь подарил ему перстень с громадным изумрудом, он знал о сродстве его души с этим камнем. Владыка не задумывался о материальной стоимости, но руководствовался лишь исключительно образованием Шама. А этот кристалл, величиной с человеческую голову, чистый и прозрачный, без трещин и изъянов, по меркам купцов мог стоить десятки городов, но по меркам заключенного в нем опыта накоплений ему вовсе не было цены.

Для наречения имени камню Шам решил посоветоваться как с Владыкой и жрицей вавилонской, так и со своим Наставником. Ариси, как и царя, совсем не удивила эта затея. Зная традиции многих оккультных школ, они решили совершить обряд имянаречения, как это делается у людей. Но нужно было узнать, какая

вибрация подходит этой сияющей и чистой красоте, радующей сердце и оживляющей взор.

———————————————

Шам вспомнил, что даже мечи древности, божественные стрелы и некоторые великие артефакты, включая священный Камень, часть которого Владыка носил в своем Перстне, доверенном ему на длительное время, имели имена. Но Царь Изумрудов обладал достоинством невероятным. Ведь, как известно, Тот, Великий Мудрец и Бог древних египтян, в лице Гермеса Трисмегиста оставил самые сокровенные знания свои на Изумрудной Скрижали — пластине, сделанной из цельного куска кристалла. И кто мог бы справиться с такой работой, если не Шамир — светящийся прозрачный червь в виде спирали, за которым Шам совершил дальнее путешествие в страну своего детства?

С некоторых пор Шаму стало понятно, что этот поход нужен был как его испытание на преданность и верность царю, а также для встречи с Аскером и Садром с целью совместного получения посвящения. Судьба собирала их воедино в самые опасные моменты жизни.

Шаму казалось, что царь мог бы обратиться к Шаду и на расстоянии, чтобы тот исполнил его просьбу — именно просьбу, а не приказ. Владыка никого не хотел порабощать. Даже души подземного мира знали о его исключительном благородстве, которое их царству не было свойственно ни по природе, ни даже на уровне самых смелых фантазий. Но все же мечты всегда считались средством приближения к цели, как и молитва очищения, которая приводила к состоянию величайшего покровительства Бога, каковым и был для астральных духов царь Сол-Амон.

———————————————

Совет царя Шаму был необходим. Владыка должен был знать, что можно сказать этому величайшему из изумрудов и какое имя подобает Царю Камней.

Владыка принял приглашение Шама вновь посетить его башню вместе с вавилонской жрицей, вечно-юной Ариси. Чтобы не привлекать лишнего внимания, они решили собраться под покровом ночи, когда и происходили все самые важные события во дворце.

Шам достал из тайника изумруд и в ожидании гостей накрыл его шелковой накидкой. Свеча горела неярко, почти скрывая то место, где стоял камень.

Снизу послышались шаги. По лестнице кто-то поднимался. И звук одоления ступеней гулко летел вверх.

Первой, опережая царя, в покои Шама влетела Ариси, легкая и радостная, словно бабочка, опустившаяся на раскрытый цветок. Она ничуть не запыхалась и стояла, улыбаясь и протягивая руки для приветствия. Шам обнял ее, потому что давно считал своей сестрой.

Владыка Сол-Амон, войдя в покои Шама, словно заполнил собой все пространство, хотя одет был просто. В таком виде он часто выходил в город в сопровождении Шама. По одеянию его можно было принять за купца или человека среднего класса, но лицо, манеры и осанка выдавали человека очень высокого полета.

Шам поклонился царю, а тот, сложив руки, произнес:

— Приветствую тебя, Брат мой! Для важного события я пришел к тебе, потому что являюсь причиной его: оба мы помним наш полет на юг. Но мы не будем называть этот изумруд Царем Камней, потому что у Царицы Змей Балкис трон вырезан целиком из громадного кристалла, частью которого и является наш осколок.

Ариси улыбалась. И Шам заметил, как во взгляде ее промелькнула зеленая искра.

— У нее зеленые глаза, — подумал Шам.

— А ты этого и не заметил, — ответила вслух на его промелькнувшую мысль Ариси.

— Совестно было вглядываться, — проговорил Шам.

А царь тихо-тихо прошептал:

— Давайте сядем и помолчим. Наступает час истины. Сними покрывало с изумруда.

Шам сдернул платок. И они заметили, как камень сначала засветился, а потом начал источать яркие лучи. Внутри его прозрачной плоти появились чистые лучезарные глаза, с неоскудевающим любопытством разглядывающие их. Сущность, заключенная в сокровище, посылала мысленные импульсы, которые одинаково громко зазвучали в уме каждого:

— В вечности мы уже встречались и можем узнать друг друга. Я знаю вас с тех времен, когда вы приняли тела минерального царства. А это было немыслимое число эонов назад. Вы стали людьми, а я остался служить миру камней, хотя уже давно перерос их сознание. Так и ваши Великие Учителя давно уже могли бы уйти из круга материального мира, но продолжают свой духовный труд во благо человечества. Я вам скажу свое имя. И если вы согласитесь с ним, то так тому и быть. Но правильное произношение его держите в глубочайшей тайне, потому что эта вибрация способна влиять на все изумруды мира, вплоть до того, что они сами могут появиться на поверхности, без трудоемкой добычи в глубоких шахтах.

Царь улыбнулся и мысленно ответил камню:

— Не будем погружаться в такие сокровенные глубины. Назовем тебя Светом Мудрости на языке нагов. И этого будет достаточно. Согласен ли ты на такое имя?

Изумруд заиграл лучами и засветился ровным огнем:

— Подобное имя меня радует, позволяя до времени не выдавать своих тайн. А Свет Мудрости может не только учить, но и исцелять. В глубине моей души столько знаний: о древних эпохах; живых существах, имеющих человеческую разумность; людях-камнях и людях-деревьях; тайнах подземных империй и подводных городов — что можно получить исчерпывающий ответ на любой вопрос, который вас потревожит. Чаша моих накоплений переполнена знанием. И, помимо этого, я реагирую на каждое движение сердец, оттого и являюсь камнем, укрепляющим их силу.

———————————————

Свет Мудрости долго беседовал с троицей. И каждый получал ответ на мысленно заданный вопрос и видел поток мыслеформ в глубине камня, предназначенный ему персонально. Царь видел и слышал вести о судьбе Великого Израиля и о том, что с ним станет в будущем. Ариси погружалась в глубины истории Богов Мира и ритуалы исправления судьбы и привлечения удачи. Ответы Шаму были связаны с его размышлениями о хитросплетении творчества и магических искусств, о роли неожиданностей и случайностей в золотой нити лабиринта жизней.

Шам вспоминал белые снежные просторы, которых никогда не видел, но которые почему-то ему снились. Он понимал, что утолить жажду знаний невозможно, но все же желал достичь прямого знания, получение которого не требовало земного образования. Но для достижения уровня провидения мудрости нужно было поднять себя на такую высоту, что об этом можно было только мечтать.

На любые вопросы, обращенные к Свету Мудрости, ответы приходили сами собой. И казалось, что они идут из собственного сердца, из сокровенных и светоносных глубин души.

Все остались довольными, понимая, что изумруд отвечал каждому по его сознанию. Казалось, что эти пронзительно-зеленые глубины умеют очищать сердце и залечивать все его раны и едва заметные трещины. И каждый понимал, что перед ними предстал мировой оракул, наполненный разумной силой, а не материал для ювелиров, которые в первую очередь нарушили бы его единство, разбив камень на мелкие части.

Владыка, окинув взором своим соколиным ближайших сподвижников, тихо проговорил:

— Мы провели время не худшим образом. Думаю, что нам дали обильную пищу для наших раздумий и нужно предаться анализу.

Разошлись поздно, потому что долго еще сидели вместе молча. И красноречивее и содержательнее этого молчания они ничего в ближайшем прошлом не

припоминали. Словно сам Уроил-Зена, Владыка Воздуха и один из Архангелов Господа, укрыл их своими огненными крыльями.

Камень играл лучами и выписывал на стене световые знаки. А откуда-то снизу текла песня, похожая на молитву, слова которой трудно было разобрать, но доходила только тонкая сила чистой радости, свитая с запахом ладана.

Мудрость и вера возрастали в них. И они расстались, хотя им не хотелось нарушать это редкое созвучие душ.

———————————————

Постепенно великий изумруд, который назвали Светом Мудрости, обрел небывалую славу среди почитателей тайных наук. О нем шепотом передавали слухи, обраставшие невероятными подробностями. По своей значимости он уступал разве что Камню Силы, о котором мало кто знал даже во дворце и в окружении царя.

Работу со Светом Мудрости Шам откладывал на ночное время, когда все дневные дела заканчивались и можно было затвориться в своей башне, закрыть ставни и зажечь свечу. Изумруд он всегда ставил на мраморную подставку, а свечу зажигал в стороне — или даже две или три, чтобы преломление лучей создавало игру света на стенах, выявляя каждый раз неповторимые и удивительные образы, необычные цветы и символы, которые вдохновляли и радовали сердце.

В глубине изумруда часто мелькали чьи-то лица, двигались люди, возникали караваны и площади больших городов во время празднеств. Иногда там на несколько мгновений вспыхивала Храмовая гора, на которой возводился Храм Господа, но в совершенно ином, очень древнем виде. Жрецы, обликом не похожие на современных левитов, исполняли службу на очень красиво звучащем языке, певучем и необычном.

К какому времени все это относилось, сказать было трудно. Но, по мере беседы с кристаллом, становилось понятно, что через него отражалась вся суть времени —

как прошлого, так и будущего. К видениям настоящего относились и картины дальних стран, даже тех, в которых Шам никогда не был. Диковинные дворцы и животные являлись и исчезали. А порой врывалась в сознание такая чудесная музыка, с которой народ Израиля не был знаком, пользуясь лишь трубами, барабанами и свирелями.

Изумруд служил Шаму инструментом познания мира. И в нем невозможно было разделить явления физические и тонкие, настоящие и будущие. Шам наблюдал, словно на чудесном древе времени, созревание событий и явлений, встреч и расставаний. И часто у этого очага мудрости они сидели с Ариси, в присутствии которой камень реагировал иначе — более ярко и стремительно, словно информация, заложенная в ячейках изумруда, отвечала на вторжение высоких энергий. Все это взаимодействие происходило с такой активностью и желанием, что со стороны его можно было принять за глубокий диалог мудрецов, ведущийся на духовном уровне, где еще нет оформления идеи в мыслеформу, но уже есть намерение. Проще говоря, это был контакт двух дружественных энергий, стремящихся познать друг друга, хотя и стоящих по разные стороны представлений, сформированных на основе собранного опыта.

Прибытие Аскера и Садра

Аскер и Садр, прибывшие вместе с караваном в Иерусалим, очень желали видеть Шабала. И этот случай, наконец, им представился. Начальник охраны каравана, прибывший с докладом к вельможе, увидел проходившего мимо зала приемов Шама и, поприветствовав Брата Царя, рассказал ему о подробностях возвращения, в которых было мало интересного. Заодно он упомянул о Садре и Аскере, оставшихся в старом караван-сарае, местоположение которого Шам прекрасно знал, так

как сопровождал туда отца по его купеческим делам. Не медля и не откладывая встречу на долгое будущее, Шам отправился на поиски тех, кто помог ему в истории с Шадом и кто стал вместе с ним членами одного Ордена, братьями Огненной Чаши, а также учениками Единого Учителя.

———————————————

Шам нашел своих друзей сидящими около костра во дворе караван-сарая. Аскер что-то напевал, закрыв глаза и подставив лицо огню. А Садр лежал на подстилке и, кажется, спал. Но стоило Шабалу приблизиться на расстояние нескольких шагов к огню, как оба они вернулись в нормальное сознание. Садр поднялся, чтобы встретить Брата по Ордену. Их радость была искренней. Все трое обнялись, создав круг удивительной энергии, которая вращалась вокруг них и усиливала их ауры.

— Дорогие мои, я нашел вас, чтобы забрать во дворец. Там найдется место для труда, необходимого для мира. Не отказывайтесь от предложения Владыки, которому я уже рассказал о вас. И соответствующее поручение сделано. Если вас не устроит жизнь во дворце, вы вольны будете избрать свободный образ жизни.

Садр и Аскер слушали молча и кивали головами, соглашаясь с предложением друга. Пройдя через опасности и приключения, они сроднились тем, что ни разу не проявили страха и не высказали опасения за свою жизнь. И даже в этом они были предельно свободны и откровенны перед судьбой.

Вещей у прибывших друзей почти не было. И, взвалив на плечи нехитрый скарб, они двинулись к дворцу по узким улочкам Иерусалима.

По дороге Садр спросил, знает ли Шам о том, кто построил и населял этот город и дворец до прихода иудеев. Но Шам был в неведении, хотя знал, что Иисус Навин и отец Сол-Амона Давид долго воевали с филистимлянами и хананеями, захватив великие города. Но он не стал до времени развивать эту тему, оставив обстоятельный разговор на будущее, когда он

ознакомится с историей этого вопроса и сможет хоть что-то подтвердить или опровергнуть.

———————————————

Владыка помнил о тех, кто помог Шаму найти дворец Горного Духа. И когда Шам попросил принять Аскера и Садра, он был искренне рад встретить людей, близких по духу и ему самому. Обладая тонкой проницательностью, царь сразу же определил, что за люди находятся перед ним, и решил беседу перенести в трапезную, понимая, что они утомлены долгим путешествием и, помимо отдыха, нуждаются в пище.

Распорядившись по случаю приема гостей накрыть стол, Сол-Амон выслушал рассказы обо всех приключениях и спросил, глядя на Садра:

— Но какой же долг перед тобой оставался у Шада?

— Когда-то я избавил его от власти злого колдуна, бросив лампу, в которой он был заключен, в огонь. А другого сосуда, предназначенного для заточения, не было. Но это очень долгая история, — уклончиво ответил Садр. — Ее можно рассказывать в течение многих ночей, и я не могу занимать драгоценное время правителя такими вещами.

— Но все же интересно, каким образом ты овладел горной магией? Ведь я не ошибаюсь?

— От тебя нельзя утаить ничего! Да, это так. Но я не практикую темные ритуалы. Скорее, оказываю помощь заблудшим.

———————————————

— Лишь очень сильная воля и чистое сердце способны сострадать темным. И ты, Садр, исполняешь миссию постепенной подготовки к изменению духов низших и асуров. Эта эволюция хоть и медленна, но все же возможна. Нет ничего неприемлемого в мире земном. Ведь природа даже некоторых людей такова, что их можно смело объявить демоническими натурами. Любой плод зреет чрезвычайно медленно, и тем более духовный, — говорил Владыка, и все молча кивали головами.

О готовности принять друзей под свое покровительство царь высказался решительно, даже нисколько не сомневаясь в своем выборе. Он видел их потенциал и ведал о том, где их знание и опыт могут пригодиться на благо государства.

Сол-Амон задумал создать в подземелье под Храмом Господа большую алхимическую лабораторию. Он хотел использовать принцип нисхождения луча на алтарь, чтобы сила его проникновения не угасала, но применялась для секретных исследований.

Получение драгоценных металлов Владыку мало интересовало. Но трансмутация веществ с целью установления связи с духами металлов и камней ему была чрезвычайно интересна. Ведь и Шамир, наверное, представлял собой разумную структуру самой крепкой материи, хотя сам был неуловимо скорым и почти невидимым.

Для начала друзьям Шама определили апартаменты, где они могли бы жить, занимаясь своими делами и ни в чем не терпя нужды. Составлялись обстоятельные планы. И, конечно же, Ариси как директор тайной женской школы была призвана не только заниматься, но и участвовать в экспериментах образованной лаборатории.

В отношениях между всеми этими близкими друг другу людьми не было даже малого намека на принуждение. Аскер мог свободно выходить на плоскую кровлю дворца, чтобы наблюдать за бурями, налетающими на Иудею. А Садр углубился в изучение тайных наук в хранилище книг царя.

———————————————

Древние свитки были малопонятными. И без перевода и растолкования Ариси мало кто из образованной скрытой группы мог понять, о чем в них идет речь. Но Владыку радовало то обстоятельство, что друзья Шама и те, кто через него подходил к царю, были необычными людьми. А то, что Аскер и Садр являлись вместе с Шамом Братьями одного Ордена, еще больше вдохновляло. Ведь царь и сам был учеником Горного

Старца, только более высокого ранга, встав почти вровень с мудростью Наставника.

Когда-то, очень давно, еще мальчиком, Сол-Амон встретил Старца, после того как старшие братья прогнали его, обозвав полукровкой и неполноценным иудеем, не достойным даже находиться рядом с ними. Так их научили матери, завидовавшие Вирсавии, хананке и младшей жене царя Давида.

Мальчик ушел в горы и, забившись в пещеру, куда в непогоду пастухи загоняли овец, решил не возвращаться домой. Но, спустившись затем к ручью, чистому и звонкому, и наклонившись к бегущей воде, он увидел отражение человека, стоящего около него.

Мальчик обернулся и поприветствовал Старца, который был высоким и худым, с длинной седой бородой и волосами до колен, больше похожим на ветхозаветного пророка. Старец не назвал себя, но убедил юного Сол-Амона вернуться во дворец. Он предсказал ему великое будущее. И еще он добавил, что будет учить его особым способом, вне всяких школ и синагог, приходя в его сны для преподавания тех или иных истин. И пусть не страшится этого сын царя, ибо не меркнущая в веках слава ждет его и высокая участь великого наставника мира.

Мальчик послушался и вернулся домой, где мать уже сбилась с ног в поисках сына, не зная, что и думать. С тех пор Сол-Амон стал получать во сне свои уроки.

Подземелья

Садру Владыка отвел помещение для опытов в подземелье под царским дворцом. Спустившись глубоко вниз, все четверо не почувствовали ни нехватки воздуха, ни отсутствия света. Где-то высоко были пробиты световые тоннели, и казалось, что и здесь властвует день.

Некоторые галереи были громадны, а другие подходили даже для проживания, тем более что совсем рядом протекал подземный ручей с чистой водой, по которому можно было пройти и выйти далеко за столичный город.

Подземелья были построены за многие тысячи лет до того, как Давид, царь Солома, захватил Русскую Оселю и сделал ее своей столицей. Имя города на протяжении веков менялось множество раз, но в наименовании всегда слышался корень «рус» или «раш». Народ, овладевший этим городом, конечно, присвоил себе честь его строительства, включая создание глубоких подземелий, сложенных из массивных плит. Но поднять их было не под силу даже сотням обычных людей.

Царь знал истинную историю Иерусалима. И в книгохранилищах было достаточно источников, указывающих на время его создания. Но для поддержания национального духа и общей государственности не следовало доносить до простых людей такие истины.

Спустившись вниз, все сотоварищи царя оценили катакомбы, находящиеся на многих уровнях. При необходимости здесь можно было разместить не то что лабораторию или мастерскую, но и целую армию. Места было достаточно даже в обозримом пространстве. Но и глубже, в недра, уходили обустроенные ходы с высокими сводчатыми потолками, конца которым не было видно.

Шам, привыкший к горным переходам, понимал, что все подземелья города, видимо, сливаются где-то внизу с подземными магистралями, которые уходят в Египет и на север. Перед его мысленным взором эти разветвления предстали так ярко и четко, что друзья и сам царь переглянулись между собой. А Владыка, улыбнувшись, сказал, угадывая незаданный вопрос:

— Это называется астрализацией зрения. С его помощью можно видеть еще глубже под землей и выше в небе, и даже то, что происходит на других планетах и в иных звездных мирах. Здесь мы заложим основу химическим и физическим наукам Израиля. Они давно

уже есть в других государствах. Но жаль, что сейчас с нами нет моего Учителя.

И, словно по приказу, перед братьями-огнепоклонниками предстал жрец Амон. Поклонившись всем, он произнес:

— Я не ушел с физического плана. Но на зов царя могу прийти не только я, но даже высшие ангелы и духи гор. В любом случае, я помогу оборудовать все наилучшим образом. Добывать золото можно особым путем. Здесь можно обустроить и монетный двор, а также сокровищницу, которая необходима для любого царя. А попутно мы сможем проводить опыты и с эликсиром бессмертия.

———————————————

Братья слушали с торжественностью и почтением речь Наставника царя. Шам помнил, сколько тот приложил сил, чтобы восстановить его здоровье, и как бережно относился ко всем его интересам и многочисленным вопросам. Все пояснения, данные Амоном во время бесед в библиотеке царского дворца и тайной комнате, где собирались они вчетвером, также всплыли в его уме.

Но жрец продолжал:

— Подземелья Иерусалима обширны. Они уводят как глубоко вниз, так и далеко во все стороны. В свое время великие жрецы Белых Богов создали их на случай катастроф или неожиданных завоеваний извне. Было много попыток со стороны темных странников захватить планету. И единственным спасением было скрытно уйти в другие места. Множество гор по всему миру изрыто тоннелями. Там построены громадные галереи, которые сооружались очень необычным способом. Гора внутри наполнялась энергией и надувалась, словно воздушный шар. В результате появлялась круглая высокая галерея. То же самое производили и лавовые потоки, которые не могли пробить толщу горы и отступали. Такие круглые горы стали называть неродившимися вулканами.

Встреча с Рахой

Ариси была занята подбором женщин в свою школу. И ей приходилось путешествовать по стране, что, конечно, было небезопасно. И потому она попросила сопровождать ее Шама и Аскера, поскольку Садр целиком погрузился в создание мистической лаборатории.

Чтобы не привлекать внимания, Ариси решила облачиться в мужское платье. И поскольку в Израиле часто происходили пыльные бури, да и сами дороги не везде были выложены камнем, друзья путешествовали с повязками на лицах. Конечно, глаза вавилонской жрицы, если присмотреться внимательно, выдавали ее своей красотой и глубиной, но все же прикрытие облика было достойное.

Первым делом путники направились в Иерихон — город, разрушенный при завоевании евреями земель пелештимов. Об этом городе ходили легенды — что стоял он на земле невредимым многие сотни тысяч лет, что никто никогда не мог его захватить и что только землетрясение, вызванное колдунами черной Каббалы, положило конец его существованию.

По слухам, в деревне рядом с разрушенным городом жила девушка, имевшая дар целительства и предугадывания. Она читала сердца человеческие, как книги, и могла сказать, что ждет человека и как избежать надвигающейся беды. Жители этой деревни, которые занимались продажей каменных блоков из стен старого города для строительства Храма Господа, чем они и жили, говорили также, что девушка имеет способность понимать язык растений и камней. Одни считали ее колдуньей, а другие — умалишенной.

Но Ариси знала, что такого рода люди, даже будучи юного возраста, уже имеют значительный опыт общения с Тонким Миром. И это не определяется

наследственностью или занятиями в духовных школах, которые, впрочем, могут ускорить пробуждение спящих накоплений. При каждом воплощении, из жизни в жизнь, душа забывает о своей божественности, погружаясь в материю. И если рядом нет тех, кто время от времени напоминает человеку о его небесном происхождении, то он погружается все глубже и глубже во мрак неведения.

У ручья, под холмом, в окружении оливковых деревьев стояла бедная мазанка с плоской крышей, возле которой лежало несколько громадных камней, словно они скатились сюда с вершины сопки, где и стояли развалины Иерихона. Холм скрывал остатки основания крепостных стен.

Сама деревня была чуть поодаль, на расстоянии полутора стадий. Но люди приходили к этому месту, чтобы набрать воды и искупаться, потому что ниже по течению ручей образовывал каменистый неглубокий водоем, удобный для принятия омовения перед молитвой.

Всадники подъехали к садику и спешились. Маленькая собачка звонко залаяла, предупреждая хозяев о появлении посторонних людей. На лай из домика вышла худенькая, даже изможденная, девушка с удивительно красивым лицом, на котором глаза, казалось, занимали половину. Они были ярко-синего цвета и такой глубины, что можно было представить, будто смотришь не в них, а в высокое бездонное небо, на котором нет ни облачка.

Девушка улыбнулась и спросила, что желают путники. Ариси ответила, что они хотели бы немного отдохнуть в садике, в тени этих камней, потому что солнце действительно жгло нещадно. Девушка кивнула и спросила, не нужно ли воды или чего-нибудь из фруктов, на что Ариси ответила, что достаточно будет одного питья.

Перед тем как войти в дом, девушка вдруг приостановилась и кинула пристальный взгляд в сторону Ариси. Он был полон не простого любопытства, но того сосредоточенного внимания, которое отличает людей знающих много, но не оповещающих об этом.

———————————————

Друзья уселись на продолговатом камне, который высотой и длиной был с обычную лавку. А рядом стоял такой же камень, но чуть повыше, приспособленный под стол. Видно было, что камни расположены таким образом неслучайно и лежат так давно, потому что значительно вросли в землю.

Девушка вынесла на простом деревянном подносе кувшин и три пустые глиняные чаши. Поставив все это на плоский камень, она налила из кувшина напиток и спросила:

— Может быть, путникам необходимо что-то еще?

Ариси ответила, что этого достаточно и что они хотели бы поговорить с ней о том месте, где она живет, о местных поверьях и легендах, связанных с этими развалинами. И жрица указала рукой на остатки крепостных стен.

Девушка кивнула и для начала представилась:

— Меня зовут Раха. Есть еврейское имя «Рахиль», но я происхожу из другого племени, и мы сохранили древние имена. Когда-то наш народ пришел сюда из очень далекой страны. Это странствие длилось не один десяток лет. Сменилось, по крайней мере, два поколения людей, прежде чем народ обрел место, которое ему показалось домом. Предки мои жили в этом городе. Но теперь кто-то погиб в войне, а кто-то ушел еще до падения твердыни.

— Так, значит, город был построен вашими предками? — спросила Ариси.

— Да, наш народ его отстроил в незапамятные времена. И, как рассказывали наши старейшины, разрушен он был при помощи трубного голоса, который вызвал землетрясение, обрушившее одну из стен. Город стоял не одну тысячу лет и имел форму круга с четырьмя воротами. Так же шли и улицы. Если у вас есть время, я могу отвести вас туда.

— Мы, конечно, согласны. Но давайте и мы назовем свои имена. Меня зовут Ариси. Это Аскер, странствующий маг. А это Шабал бен Суффрем, друг царя.

Раха встрепенулась, как будто от удара.

— Друг царя? — переспросила она.

— Да, — ответила Ариси.

— Это тот, который совершил путешествие на север, в обитель Горного Духа, и остался жив?

— Да, это он. И Аскер участвовал в походе вместе с Шабалом, — сказала Ариси, указывая на молодого человека, бледного и худого до невозможности.

— Так это о вас говорил мой Учитель! Он предупредил, что придут трое из числа его последователей! — горячо заговорила Раха.

— Учитель? Кто ваш Учитель? — спросила Ариси.

— Я каждый день молюсь своим древним Богам, Белым Творцам Яви, и потому часто вижу наперед многие события и болезни людей, их мысли и чувства. Вначале я боялась этого дара, но потом, когда оказалось, что способна своим руконаложением и чтением молитв исцелять людей, стала помогать страждущим. А про вас мне было сказано, что явятся трое: один — переодетая женщина, а двое других — Братья того Ордена Огня, которому служу и я. «Пламя Вечной Ануры озаряет наши сердца!» — произнесла она условный пароль.

И Шам воскликнул:

— Наконец-то мы встретили Сестру и ученицу нашего Учителя!

Раха улыбнулась и протянула руки. Все обнялись. Сама собой рассеялась та скованность, которая возникает при первой встрече из-за опасения не понять друг друга.

Все четверо были людьми не от мира сего. Их разговор стал непринужденным и искренним. Они понимали друг друга с полуслова, показывая, что являются душами одного Великого Отца и детьми одного духовного круга.

Разговор о звездах и космосе, о стихиях и их материализованных формах продолжался долго. Друзья вместе слушали ветер и голос камней, а звезды, казалось, пели им свою нескончаемо прекрасную песню вечности.

Объединение молодых сердец усилило мощь их чувств и общего восприятия мира. Они словно знали друг друга тысячи лет и, встретившись после долгой разлуки, никак не могли наговориться — как о вещах серьезных, так и о пустяках.

Весь день прошел в обмене сердечной силой. А вечером Раха позвала их посетить древний храм в развалинах Иерихона. Это был Храм Триединого Бога, или Высшей Триады Богов Верхнего Мира. Раха утверждала, что была потомком жрецов северного культа и продолжателем традиции мистерии Матери Лады.

По сути дела, во временах меняются только имена Богов и Богинь, но во вселенной действует все та же энергия созидания, охранения и разрушения. И в разных культах на материках планеты и других космических землях фактически поклоняются одним и тем же персонифицированным Силам Творения.

———————————————

Разрушенный Иерихон поражал своими руинами. Невероятно огромные каменные блоки находились на том месте, куда их некогда поместили древние великаны. И, казалось, само время не способно сдвинуть их или уничтожить. Но, однако, оружие трубное сделало свое дело. Землетрясение, вызванное звучанием труб, разметало эти громадные кирпичи и заставило стены пасть.

Раха повела друзей к тому месту, где некогда совершались моления неведомым Богам. Их Имен уже никто не помнил. Но бабушка Рахи рассказывала ей легенды об Их рождении, о событиях Их жизни, о битвах и праздниках, о вечной силе добра, которая устанавливает порядок в мире. И хотя множество племен и народов минуло за века, город остался как напоминание о великом прошлом.

На круглом камне, где, по всей видимости, был Алтарь, Раха зажгла светильник и, сложив руки, обратилась к тем Силам, которые принимали молитву. Поднявшийся неизвестно откуда ветер принес странный звук, похожий на дальние голоса или песнопения. Смутная

мелодия небесного хора врывалась в круг земных вибраций. И над четырьмя людьми внезапно появилось серебряное облако, в глубине которого все увидели дивное женское лицо, а потом и руки, протянутые к ним в знак благословения. Большие синие глаза испытующе и с любовью смотрели на них, а затем постепенно спрятались в тонкой вуали облака.

— Это Великая Мать, которой молились жители Иерихона, — сказала Раха. — Она не оставила Свое святилище и иногда появляется здесь. Но до этого я видела лишь смутный силуэт. А сейчас Она открыла Свое Лицо и что-то вручила каждому из нас. Дар Ее нельзя распознать сразу, но он неминуемо проявится. Только чистым сердцам он посылается.

Тонкая, чистая благодать разлилась по камням. И неизвестно откуда появился запах тончайших курений. Четверица склонилась в поклоне, сложив руки. А Аскер упал на колени, залившись слезами. Что-то важное произошло в каждом из присутствующих. А наполнение сердец было таким значимым и весомым, что, казалось, они очнулись от долгого тяжелого сна и с удивлением вглядывались в мир вокруг себя. И, вроде бы, ничего не изменилось. Но во всех четверых зажглась неизъяснимая радость, оттого что они были не просто свидетелями, но и участниками какого-то важного духовного события.

Друзья долго еще сидели вокруг круглого Алтаря, испытывая протекающее через них восхищение, и не могли выйти из этого дивного оцепенения, которое наполняло их ангельским пламенем, тонким, легким и нежгучим. Оно не просто согревало душу, но давало тонкую полноту ощущений, богатство чувств и глубину переживаний.

———————————————

Благословение неожиданного явления стало возможным лишь тогда, когда четверица собралась вместе. И, как всякая кажущаяся случайность, оно вовсе не было случайным.

Раха знала о приходе двух молодых людей и юной жрицы, которая никогда не старела и которую в далеком Вавилоне считали воплощением Богини Иштар. Перед их приездом девушку не покидало волнение и предчувствие того, что должна произойти очень важная встреча. И потому, как человек, живущий в уединении, она ощутила привхождение волны новых, укрепляющих ее сил.

Раха ухаживала за своей больной матерью, которая могла вставать и ходить, но большую часть времени все же пребывала в забытье или во сне. Матушка обладала свойством сознательных сновидений и могла предугадать, кто может явиться и с какими намерениями. И это служило подсказкой для дочери и посильной помощью. При нападении разбойников они заблаговременно уходили в подземелья Иерихона, которые знали очень хорошо. По преданию, перед разрушением города жрецы вывели почти все население через лабиринт, оставив лишь небольшую горстку воинов, так как предвидели, что произойдет. И матушка Рахи знала от своих предков вход в необъятные подземные галереи, часть которых выходила к морю, а другие — даже в Сирию и страну ромеев.

Само упоминание о таинственном Старце и вовсе поставило все на свои места. Братья и Сестры одного Ордена теперь начинали понимать, что неведомая сила помогает отыскивать их и собирать вместе, чтобы создать мощный духовный магнит. И, скорее всего, все это делалось для насыщения энергией строившегося Храма Господа, который для Владыки был первостепенной задачей на ближайшее время. Судьбоносность встречи была очевидной.

———————————————

Долго не могли наговориться друзья, доверившись друг другу и открыв свои сердца, не опасаясь остаться непонятыми. И сама ночь не мешала их беседе, а наоборот, помогала скрыться от посторонних глаз, хотя бледный свет все-таки сочился из развалин храма в Иерихоне, словно души древних Богов отзывались на упоминание Их Имен.

Раха слушала Ариси не перебивая, а потом, с нескрываемым любопытством обращаясь к Шаму и Аскеру, вела разговор с ними. Быть в окружении людей, близких к царской особе, — это само по себе не рядовое событие. А тем более это были люди, обладающие глубочайшими познаниями в тайных науках.

Царило полное согласие. И интерес друг к другу возрастал. Усиливалось ощущение единения родственных душ, которые в таком составе собирались, возможно, только в прошлых существованиях. Но каждый ловил себя на мысли, что все они знакомы давным-давно и, когда началась их дружба, сказать трудно. И это духовное родство сближало их теснее кровных уз.

Ариси предложила Рахе переехать во дворец. Но та ответила, что останется с матушкой до тех пор, пока та жива, а потом сама судьба подскажет, как ей быть, хотя она, конечно, согласилась участвовать в совместных занятиях и освещать некоторые известные ей моменты мудрости. Шам, Ариси и Аскер, попрощавшись с ней, собрались в обратный путь. Они нашли то, что хотели, и оставаться в этих местах дольше не имело смысла.

———————————————

Явление Матери всех Миров у Алтаря Иерихона словно омыло в Шаме чувства, удалив ощущение привычности и скучной обыденности, а также развеяв пепел непонимания и неприятия великих истин, единых для всех посвященных планеты. С каждой новой встречей с людьми своего круга он открывал и расширял пространство понимания человеческой жизни, той неизмеримой задачи развития, которая способна вырастить из человека ангела, а вернее, вернуть ему утраченный статус.

В облике ангельского существа явился человек в овеществленный и персонифицированный мир. Но это не было первой формацией отделения зерен духа от единой Вселенной Света. До Ангелов были Власти, Разумы, Серафимы и Херувимы, представляющие уже Личности Единого. А еще ранее отделилась

Архангельская Иерархия, которая как огненная стена окружает Престол Господа.

Ангелы как небесные души — это представители высшего, или огненного, человечества, из числа которых восполнялся сонм душ земных в результате чьей-то воли, проклятий или же поручений свыше спуститься на землю для исполнения особых заданий. В числе душ последней категории были и Шам, Ариси, Аскер и Садр, составлявшие близкое окружение Владыки. А теперь к ним прибавилась Раха — Дева Иерихона, как ее окрестили между собой братья и друзья.

Аскер был особенно впечатлен встречей с Рахой и всем, что было связано с Иерихоном. Он был очарован, словно встретился с мечтой своей жизни и Богиней, облик которой не исчезал внутри него, словно он долго-долго смотрел на огонь. Похоже было, что он влюбился — чисто, нежно, без надежды на взаимность, как человек, не знающий плотских чувств. Это более напоминало обожание верного слуги, преданного своему Божеству. И это наполнило его жизнь новым содержанием и украсило мир его мечтаний, в котором женщин почти не было. Но как можно обходиться без энергий всеначальных, без их вдохновляющего полета, который превращает жизнь в нечто иное, чем унылое прожигание времени и бытование по принуждению рождения в этом мире? Жизнь Аскера озарил светильник тайны. И он связал в юноше не соединимые до того понятия.

Шам, иногда навещавший Раху и Алтарь Великой Матери, непременно брал Аскера с собой, зная, насколько тот не равнодушен к девушке. А когда матушка Рахи оставила этот мир, дочь согласилась переехать в женские покои дворца, где, по представлениям обывателей, находились наложницы царя, которыми управляла Ариси — великая жрица Вавилона.

Переезд Рахи обрадовал тайный круг близких сотрудников Сол-Амона. И сам он был необычайно доволен этим, так как считал главным для себя приумножение мудрости не только в Иудее, но и по всему миру. Контактируя со многими мудрецами из разных стран,

Сол-Амон впитывал жадно все их рассказы и обрывки новых фактов и явлений, жаждая знать все больше и больше. Дух вождя одного народа вырастал до уровня Великого Наставника планеты.

В те времена было гораздо проще удержать мир в гармоничном состоянии. Но и тогда проблема агрессивности разрешалась лишь войнами, так как увещевания мало кого убеждали. Сила оружия успокаивала на какое-то время невежественные толпы, но вскоре все начинало возрождаться в прежнем виде. Боги восстанавливали равновесие, а демоны жаждали реванша за проигранные битвы.

Перенос древнего Алтаря

Женская школа духа была одновременно и оккультной защитой Владыки — и не только его самого, но и дворца и государства. Сам факт возвышения женщины, не мыслимый в те времена, необычайно укреплял ткань пространства, открывая новые возможности для постижения его сил. Он пробуждал моменты творчества, искусства и предпринимательства, науки и архитектуры, изысканий геологических и морских и многие аспекты, связанные с природой и ее освоением.

Занятия в школе проходили под видом молений и проповедей. И Раха, обладающая многими знаниями, в течение короткого времени систематизировала их, четко разграничив на отдельные области, что необходимо было для их использования в нужный момент. Помимо направлений духовных и исторических, ее познания в целительстве и определении болезней у людей развились необычайно. Даже сам царь был удивлен ее познаниям в некоторых областях.

На общей встрече близкого круга Раха посоветовала царю перенести Алтарь Иерихона в новый Храм

в том же качестве. И Сол-Амон обещал подумать об этом. Владыка знал, что круг Алтаря состоит из громадного кристалла горного хрусталя, обработанного искусно и с такими точностью и изяществом, что он заподозрил здесь работу Шамира, который, наверняка, существует и существовал не в единственном числе.

Понимая, что работа по переносу Алтаря не обойдется без сил Шада и Шадайны, царь призвал однажды Горного Духа и изложил ему свой план, который был исполнен незамедлительно. Алтарь был установлен на том месте, где ему и положено было быть, усилив и без того присутствующую ади-шактическую силу.

А на вопрос Владыки о том, как происходило создание иерихонской святыни и кто выполнил эту работу, Шад ответил:

— Для духа земные года как мгновения для человека. Много эпох назад, когда еще царил на Земле Золотой Век, величайший из Богов, Имя которому Милостивый и Предвечный, приказал обработать кристалл, стоявший в центре древнего Храма. Конечно, и в то время были существа, способные сделать это. Они обрезали огромный шестигранный столб, оставив у основания природную основу, а возвышение превратив в ровную и круглую площадку, прозрачную, как горный лед. И ты, о мудрейший, совершенно справедливо и со свойственной тебе проницательностью посчитал, что земные руки не способны сотворить такое. Это сделал один из старших иерархии световых червей — фактически, энергия в чистом виде. Он украсил этот великий Алтарь надписями на неведомом языке и орнаментом, изображающим священные растения. Все было именно так, как ты предполагал. Но я хотел бы добавить, что каждое существо, и человек в том числе, до своего воплощения представляло собой такую же энергетическую спираль, которую одни называют солнечным змеем, а другие — серебряным червем, что в основе своей не так уж и различается.

Алтарь Великой Матери был перенесен Шадом из древнейшего из городов земных вместе с нижней частью хрусталя. А на том месте, где кристалл рос и стоял

невероятное количество лет, образовалась громадная яма, которую до сих пор почитают как место, куда по определенным дням сходит Небесный Огонь.

Алтарь сиял, как драгоценный камень. И Владыке казалось, что он всегда находился здесь. На кристалл страшно было ступить, ибо сама природная чистота светилась изнутри. Лучи светильников, освещающих Храм, отражались в центре Алтаря в дневное время. А по ночам синеватая магия лунного света наполняла его пространство.

———————————————

Храм Господа строился очень быстро. Самые тяжелые и неподъемные для людей конструкции устанавливались по ночам, чтобы строители не видели, как трудятся духи. А Сол-Амон, обращаясь к Шаду, всегда говорил ему: «И джины строят храмы», — что потом в разных вариациях вошло в поговорку в разных странах. Но изначально это относилось именно к данному моменту времени и месту строительства.

Наутро рабочие изумлялись тому, что стены в некоторых местах были выложены, а те блоки и камни, которые не могли сдвинуть даже сотни людей, стояли на положенном им месте. Кто-то удивлялся, а кто-то молча улыбался, зная о способностях царя, который не всех допускал к строительству святыни. Здесь нужен был не рабский труд, а лишь свободное желание и благоговейная торжественность, потому что Владыка знал о силе мысли и ее наслоениях на предметах и природных материалах.

Поскольку при изготовлении убранства храма не допускалось использование железных и металлических орудий, все делалось только руками и деревянными инструментами. Сложнее всего было установить балки для крыши. Но и здесь Шад помог, призвав к этому действию подчиненных ему духов, зная, что сознательный импульс в них не менее силен, чем инстинкт разрушения.

———————————————

Осуществляя самую великую стройку своего правления, царь Иудеи Сол-Амон привлек ресурсы и для сооружения храмов, пусть даже небольших, другим Богам, чьи адепты и миссионеры присутствовали в землях его. К радости Ариси был возведен храм Астарты-Иштар. Не были забыты и Боги индийские. Даже Шива-Лингам был возведен на окраине Русалима.

По мнению царя, любая религия требует к себе уважения, если такое громадное количество людей причастно к ней. Поначалу он хотел даже возвести святилище Молоху, но его ближайшие сподвижники в лице Шама, Ариси, Рахи, Аскера и Садра отговорили его от этой затеи, поведав ему о том, что этому зловещему божеству жители Карфагена приносили в жертву живых младенцев. И Владыка согласился с их суждениями. Но часовню во славу Белых Богов, в которых верила матушка Сол-Амона, возвести было решено.

Место искали долго и тщательно, но лучшего, чем Иерихон, где друзья имели видение чудесного образа Небесной Матери, не нашли. Хотя древний Алтарь был перенесен в строящийся Храм, что само по себе было полезным, место, которое было освящено многими молениями, несомненно, подходило для задуманного дела.

Часовню возвели чуть в стороне от развалин древнейшего из городов мира. Она была сделана из белого мрамора. А тонкая вязь молитв, зашифрованная в узорах, была выполнена Шамиром.

И то, что для этого построения выбрали север, ближний круг царя считал очень удачным. С этим соглашались и ученые-звездочеты. А в соединении с хрустальным Алтарем, перенесенным на Храмовую гору, образовывалась мощная энергетическая связь наследования от древнейших к современным культам. Хотя, по большому счету, атрибутика лишь настраивает своей торжественностью сознание, а все явления переносятся в сердце. Духу не нужны храмы. Они лишь напоминают о вечной силе почитания и преданности.

Царица Иялуру

Царь Сол-Амон был не одинок. Египетская принцесса Джарада являлась его официальной женой. Ее имя в египетском наречении, Иялуру, переводилось как «свет, или солнце, райских садов Иялу или Ялу». Но между собой все звали ее проще — Ия.

Иялуру была древнего и чистого рода. Конечно, для нее существовала огромная разница между египтянкой и иудеем, что определяло дистанцию в ее отношениях с Владыкой. Но Сол-Амон был рожден не от иудейки, и это сыграло решающую роль в ее согласии стать его женой. Но она поставила условием, что прибудет в Иерусалим только после помазания Сол-Амона на царство.

Царица обладала качествами великой жрицы. Но до времени она предпочитала оставаться в тени, так как в Иудее не было принято равенство мужского и женского начал. Она не могла переступить через свои принципы и воззрения, которые поддерживались и Владыкой, но изменить представление народа, особенно в Азии, было почти невозможно.

Иялуру знала о близком круге царя и присутствовала при встречах, но очень редко. Чаще она в простой одежде, чтобы быть незаметной, участвовала в занятиях Ариси и всей женской школы, не гнушаясь обществом наложниц и служанок. А в отдельные дни она сама рассказывала подданным о тайнах мира, потому что имела немалый опыт существования во многих странах и временах.

Во времена Сол-Амона наука не зависела от идеологии и не оглядывалась на власть в определении давности сроков событий. И разве что церковники предавали смелых исследователей анафеме и порицанию.

Назореи как самая сокровенная религиозная группа знали о перерождениях. И их Адепты могли определить, кем и когда воплощался человек. Но они старались избегать контакта с верховной властью, хотя через своих доверенных Владыка сообщался с наставниками этих отшельников, отличавшихся особой строгостью жизни.

Почти все великие пророки Иудеи являлись последователями этого Учения, в суровости своей превосходя все пределы человеческой плоти. Их пост мог длиться сорок дней без пищи и воды, часто на палящем солнце пустыни. Как наследники древних йогических традиций, они удерживали тело в такой узде, что это казалось невозможным. Оттого простые люди относились к пророкам как к существам неземным, тем более что Восток делает обитателей более суеверными, потому что пустыня и горы влияют на них особенностью своего климата.

———————————————

Иялуре нравились песни Шабала бен Суффрема, которые он исполнял под гусли. Этот инструмент когда-то был подарен ему царем. А Сол-Амону гусли достались от отца, царя Давида, который был очарован их музыкальным звучанием, когда Вирсавия пела ему под них свои родные песни. Гусли стали в Израиле киннорами, но их природа, как и многого другого, происходила от русичей, некогда живших в этих землях, от этой древнейшей в мире цивилизации.

Пение придворного поэта и Брата Царя очаровывало и привлекало большое количество народа, который под воздействием музыки стоял, словно остолбеневший. Прекращались ссоры и забывались обиды. Дурные мысли оставляли людей. А вражда растворялась в потоке ангельского голоса, который, казалось, опускается прямо с неба в страждущие человеческие души. И, действительно, голос Шама был высоким и проникновенным, а его звуки будто ввинчивались в самую глубину человеческой сути, вызывая у слушателей такие глубокие переживания, которые трудно пробудить чем-то другим. Казалось, что даже ветер затихал и потоки смиряли бег

своих волн, подпадая под магию звучащей песни. А люди и животные, слушая песнопевца, жили в каких-то иных пределах своей души.

И только князья веры, церковная знать, не одобряли увлечения царя такими концертами. Они понимали, какое влияние имеет звук на простых людей, и опасались, что казна храмов опустеет. Приватизировав Дома Господа, они всегда считали, что имеют право прежде других властей иметь доход от богослужения.

В Иудее, как и везде, государство не вмешивалось в церковные дела, оставляя для церкви послабления. Но в дни испытаний Владыка требовал открывать сокровищницы храмов для помощи обедневшему населению. Годы неурожая требовали благотворительности. Правда, при Сол-Амоне это случалось редко. Да и сама царская казна была богатейшей для своего времени. Но все же лукавым левитам необходимо было напоминать о том, кто в стране главный.

———————————————

Мгновения, когда человек видит реку времени, открывают на изломе волны потока, как на громадном экране, образы, оставленные нами вместе с телами в далеком прошлом. Экраном могут служить воздух и вода, огонь и эфир. Но для Джарады такой передающей стихией было небо. И когда Шам исполнял свои стихосложения под музыку гусельную, она даже с открытыми глазами могла видеть, как струнный инструмент и голос резонируют с пространством, вызывая в нем душевный отклик на человеческие чувства. И эти феномены не были чудесами, а, скорее, манифестациями стихий и самого первородного фохата, который и составляет ткань мира.

Звенящая мелодия голоса Шама умолкла, отзываясь эхом в дальних уголках дворца. И от воздействия музыки люди некоторое время молчали, парализованные чудесной красотой песни. Но потом шквал голосов восхищения и одобрения стал ответом на выступление.

Джарада, знающая толк в искусстве, прослезилась и разволновалась — настолько ее поразила песня этого странного человека с севера, высокого и худощавого.

Царю показалось, что во время концерта даже Ангелы спустились послушать дивный голос человеческого существа. И это стало событием государственного уровня. Ведь исполнялись не народные песни, что не всегда поощрялось, а молитвы, гимны и славословия Господину Миров.

———————————————

Царица Иялуру редко встречалась с Шамом. И причины для встречи чаще всего были государственного характера. Когда Шам отправлялся в какую-либо дальнюю или ближнюю страну, царица получала через него сведения или книги определенного содержания. Цари тоже не прекращали учиться и познавать поток знаний, доступный их времени.

Через начальника стражи своих покоев, тоже египтянина, Джарада пригласила Шабала к себе в комнату, где она обычно беседовала со знатными гостями. И Шам поспешил войти туда вслед за воином, преданным царице до самозабвения и тайно влюбленным в свою госпожу. У покоев не было дверей — только колеблющиеся от движения воздуха золотые занавеси, которые касались самого пола, а тот, кто стоял с другой стороны, мог слышать все, о чем шел разговор.

Шам вошел, после того как охранник доложил о его приходе, и низко поклонился.

— Ты меня удивил сегодня, северянин, — обратилась к нему царица. — Мне казалось, что само окружение Изиды помогало тебе исполнять этот проникновенный гимн. Но кому же он был посвящен? К кому относилась эта мольба? — спросила она на той ноте, на которой люди, превосходящие по своему статусу, разговаривают с подчиненными.

— Нет ничего проще ответа на этот вопрос, Владычица, — произнес Шам. — Поскольку наш царь признает поклонения всем Богам равнозначными, то я осмелился

обратиться к той Великой Богине Севера, которую почитала моя матушка, к Богородице Ладе Златоглавой. Предания древних времен утверждают, что некогда на этих землях жили люди с севера, огромные и красивые, и последнего из них победил в честном единоборстве царь Давид, отец Владыки Сол-Амона.

— Я слышала об этом. Даже в землях Кеми существует долина урусов, где некогда проживал северный народ, который потом частью ушел назад, но в большинстве остался жить в той стране, где Голубой Нил берет свое начало в горах Эритреи. Ты усладил мой слух, и я дарю тебе вот это, — царица подняла со столика драгоценную вещь, искусно сделанную из тонких кружевных нитей, переплетенных в узоры, едва заметные глазу. — Это символ пера птицы Маат, олицетворяющего легкость и чистоту души. Возьми его в знак моей признательности за твой талант и чистое сердце. И пусть это перо поможет тебе не потерять твой дар.

Царица протянула Шаму произведение искусства редчайшее и почти невесомое. Удивительно было, как вообще эта конструкция соединялась и удерживалась вместе.

— Я благодарна тебе за волну посетивших меня переживаний и полагаю, что в древние века мы уже были знакомы, — закончила Джарада.

Шам понял, что пора уходить. Приняв дар, который был положен в маленький ларец, похожий на пенал, он поблагодарил Владычицу и, поклонившись, вышел. Взгляд охранника, острый и пронзительный, на мгновение скользнул по нему. И Шам почувствовал сильный ток ревности, или даже ненависти, но сделал вид, что не понял и не обратил на это внимания.

———————————————

О царице ходило множество недобрых слухов — например о том, что она сама не подпускала к себе Владыку, но зорко следила за тем, чтобы ни одна из женщин не входила в опочивальню царя, а если такое случалось, то наложницы будто бы исчезали навсегда. Шабал в это

не верил, потому что кое-что понимал в людях. Скорее всего, малейшее недовольство царицы, или даже намек на него, воспринималось ее охраной как приказ к действию.

Египтянин, страж Джарады, был склонен к патологической ненависти к тем, кто приближался к царице или доставлял ей неприятности. Искусный в разного рода убийствах, он имел смертный глаз. И многие считали, что он способен убивать даже мысленно, не говоря уже об обычных способах уничтожения живущих. Потому Шам, покидая покои царицы, не стал сопровождать свой уход мысленными образами. Зная о магических способностях стража, он погрузился в безмыслие, окутав все умственные комментарии покровом тишины.

Еще наставник царя Амон советовал Шаму научиться этому приему для защиты во время опасности. Надо было не пугаться и не выражать агрессию, но переключать свое внимание на наблюдение. «Будто с башни считаешь стада овец», — говорил Амон. И Шам усвоил этот прием в совершенстве.

Но в свиту царицы Шаму входить не хотелось. Она и без него была окружена множеством знатных молодых людей — не только красивых, но и образованных. И при ее дворе был свой поэт, который несказанно завидовал положению Шабала бен Суффрема, понимая, что, как бы он ни старался, преодолеть уровень Друга Царя у него вряд ли получится. Но все же и у этого поэта сочинялись удачные вещи, хотя, в отличие от Шама, творчество его было преимущественно анемичным и малопродуктивным. Непомерная самовлюбленность не давала ему использовать что-то смелое, что могло бы оживить и украсить произведения.

Хави, так звали поэта, боялся быть осмеянным. Но Шама, прошедшего через множество испытаний разного рода, совсем не трогала такая возможность. В конце концов, опыт ошибок тоже необходим каждому человеку, ибо он учит сознание более полно и убедительно, вызывая глубокие переживания.

Наследник престола Кеми

В один визитов Шама ко двору царицы ей вдруг стало плохо. Она упала внезапно на пол, и так, что даже стража не успела ее поддержать. Шам, с которым она перед этим разговаривала, поднял ее и положил на скамью. В это время с его плеча соскочила накидка и обнажила под мышкой левой руки маленькую родинку в виде Анкха. Очнувшаяся Ия заметила ее и закричала: «Брат! Брат!» — и вновь впала в забытье.

Этот крик лекарь отнес к бредовому, лихорадочному состоянию. А Шам ушел к себе в башню, тоже не придав особого значения крику царицы, пусть даже такому эмоциональному, так как отнес его к титулу Брата Царя. Но через некоторое время к нему пришли от царицы и настоятельно потребовали, чтобы он явился в ее покои.

Шабал спустился вниз. С разрешения царя его впустили в опочивальню, где лежала побледневшая прекрасная женщина.

При появлении Шама царица сделала знак страже, чтобы их оставили одних, и, поднявшись с ложа, подошла и горячо обняла Шама, ничего не объясняя, крепко и с чувством найденной утраты, чем вызвала немалое удивление и смущение придворного поэта. Взгляд ее был совершенно лишен высокомерия и снобизма. Она взяла Шама за руку и тихо сказала:

— Я все объясню. Не нужно смущаться. Это совсем не то, о чем ты подумал. Когда ты меня поднял и положил на мраморную скамью, я увидела родинку под твоей мышкой. Точно такая же была у моего маленького брата, которого вместе с кормилицей жрецы продали в рабство, чтобы устранить наследника трона. Отец мой искал его долго, но так и умер, уступив место ставленнику жреческой касты. Я так рада, что нашла тебя. У меня давно не

было такого счастья. Владыке я пока ничего не говорила, но и для него это будет очень приятной новостью.

— Владычица! Но, может быть, вы ошибаетесь и это просто похожий знак?

— Нет, брат мой! Это совершенно точно. Здесь ошибок не может быть, потому что ты очень похож на нашего отца, а знак тау передается только членам царской династии.

Шам был ошеломлен от всего услышанного, от объятий и добрых слов. Он знал только, что его мать вместе с ним привез отец из дальнего путешествия. Он поделился этим с Ией, и та подтвердила это и горячо зашептала, чтобы стража не услышала:

— Да! Это было точно так! Кормилицу вместе с тобой продали купцу из далекой северной страны. Так доложили фараону. Но больше этот человек не появлялся в землях Кеми.

Радость от обретения близкого человека взволновала обоих. Они плакали и держались за руки, иногда обнимаясь, словно пытались использовать это короткое время для нежности. Они говорили и не могли наговориться, смеясь над чем-то пустяковым, как беседуют дети.

Шам никогда не видел Ию такой. Даже с царем она вела себя так, словно маска неприступности была приклеена к ее облику. Но сейчас разговор шел на равных. И это давало такое чувство восхищения и простоты, которое поражало.

Владыке доложили о странном поведении царицы и о том, что Шам находится в ее покоях больше часа. И царь решил узнать, в чем же дело. Он не ревновал, но по дворцовому этикету такое долгое нахождение в женских покоях приравнивалось к смерти.

Услышав шум за занавеской, Шам встал, потому что узнавал царя даже по шагам. Занавес открылся. И Сол-Амон, благоухающий и великолепный, вошел в покои. Увидев заплаканное лицо жены, он спросил у Шама:

— Брат мой, чем объясняется такой долгий визит к моей супруге? Ты читал ей псалмы и пытался облегчить болезнь?

Но Шам не нашелся, что ответить сразу.

— Я объясню причину нашей встречи, затянувшейся непомерно, — ответила за него Ия и рассказала, в чем дело.

И тогда Владыка обнял Шама и изрек:

— Я разделяю вашу радость. И теперь никто не скажет, что ты не Брат Царя. Я безмерно счастлив за вас обоих и по этому случаю, как только царица почувствует себя лучше, мы устроим праздник. Такой удивительный поворот в цепи многих других событий великолепен. Ведь ты теперь имеешь право занять трон царя Египта!

Праздник устроили не только во дворце. По всей Иудее по этому случаю раздавались подарки и угощения. Такое событие меняло расстановку сил в политике того времени. И роль Иудеи возрастала необычайно.

———————————————

Шам, ошеломленный вестью, реагировал отрицательно. Он не мог поверить тому, что из скромного юноши вдруг превратился в законного наследника престола Кеми, который занимать совсем не желал. И в один из вечеров он решил спросить у Горного Старца, своего Наставника, как ему относиться ко всему случившемуся.

В этот раз Шам решил испробовать новый способ разговора, вместо того тонкого обращения, которое требует погружения в особое безмятежное состояние и которое могут в любой момент нарушить вести, принесенные из дворца.

Достав из укромного хранилища изумруд, Шам прочитал соответствующую молитву, после чего камень должен был засветиться и послать лучи по своим граням. Но, вопреки привычной процедуре, Шам осознал, что изумруд нужно направить на стену тем местом, где сходятся шесть граней.

Через некоторое время в глубине камня зажглась яркая искорка и началось удивительное движение

световых переливов и вспышек разной интенсивности. Наконец, внутри появился образ Старца, после чего изумруд выбросил яркий луч в сторону стены. На ней Шам, как на экране, увидел изображение зала с вечным огнем и Старца в кругу учеников. Шам поприветствовал его, и тот ответил:

— Среди моих учеников есть как простые погонщики верблюдов, так и сильные мира сего. И, надо сказать, положение в обществе не всегда способствует просветлению духа. Но, следуя закону судьбы, если человек мечтает стать властелином, то мы идем навстречу и душа рождается в желаемом качестве.

О твоем случае скажу так: нам было известно о твоем происхождении. Но судьбе нельзя было мешать. Необходимо было появление живых свидетелей тайны твоего рождения. И они нашлись в лице царицы Ии. Не сомневайся, сын мой. Все, что ею сказано, истинно. Ведь и сам Владыка не просто так тебе заявил об этом. Он советовался на этот счет с высшими духами и держателями планеты.

Нужно принять то, что ты истинный наследник престола фараонов земли Кеми, а у власти находится твой троюродный брат, которого жрецы Сетха обманом возвели на трон, отстранив от него сестру твою, Иялуру, под тем предлогом, что она вышла замуж за врага государства — царя Сол-Амона. У тебя есть полное право вернуть себе власть. Но, насколько я понимаю, ты не очень этого жаждешь, поскольку в других жизнях желание власти было тобою полностью исчерпано. Тот, кто насытился вином власти, уже не может погрузиться в состояние опьянения ею, потому что понимает ответственность за свои действия. Только неопытные считают способность повелевать легкой, но разумные с трудом воспринимают бремя власти. Но сомнений по поводу подлинности случившегося у тебя быть не должно. Все истинно и законно.

Луч погас. Пропало изображение на стене. И Шам, надеявшийся втайне, что произошла какая-то невероятная ошибка, погрузился в глубокие раздумья о том, как

же это возможно. Его мать никогда, ни единым словом, не дала ему намека на то, что он не ее сын, точно так же как и отец, который вырастил его. Никому бы и в голову не пришло, что мать Шама — рабыня. Отец делил с ней свои покои, все радости и горести. Между ними никогда не было ссор или недомолвок.

Царь Египта! Это не укладывалось в голове Шама. Он не знал даже языка в достаточной мере. Были лишь зачатки понимания, поскольку купцам необходимо знание иных наречий для совершения сделок. И как через такие великие пустыни отец его, младенца, вместе с кормилицей привез в северные горы Сурьи?

Мысли роились. И привыкнуть к ним было очень сложно. И само по себе такое смятение сознания было тяжело. Но постепенно Шам погрузился в сон. Он увидел там свое раннее детство, о котором не должен был помнить. В величественном дворце, где было прохладно и светло, он лежал на чьих-то заботливых руках. А взглянув в лицо своего настоящего отца, Шам словно увидел себя.

Слух о таком событии быстро распространился по дворцу и всему Иерусалиму. И, соответственно, изменилось отношение к придворному поэту и самому Владыке, которому он служил. Многие удивлялись и радовались. Другие завидовали и злобствовали. Угадать человеческую реакцию бывает трудно в силу неоднозначности человеческого развития. Но, как бы там ни было, иметь в сестрах царицу Иудеи — это было уже не просто почетным титулом Друга и Брата Царя. Речь шла о людях, связанных кровными узами. А в дальних землях Кеми, когда весть дошла до них, одни весьма обеспокоились, а приверженцы старого фараона воспрянули духом, надеясь на восстановление истиной власти.

———————————————

Шам с трудом привыкал к своему положению, потому что его, который привык вести полумонашеский образ жизни, теперь приглашали к себе на трапезу то царь, то царица Иудеи, как совместно, так и порознь. Весь двор

царицы Ии, состоявший из египтян, относился к нему как к повелителю их родины. А среди старой прислуги нашлась нянька царицы, которая помнила маленького принца и подтвердила еще раз все сведения о родинке и о похожести Шама на отца-фараона. Она припомнила также, что мальчику при крещении в храме Изиды дали имя Секхем.

Теперь Шам чаще стал видеться с сестрой, и даже начал брать у нее уроки по изучению наречия своей страны. А жрец, находившийся при царице, пополнял его знания о религиозной египетской традиции. Шам уже знал кое-что о ней от наставника Владыки, жреца Амона, который так внезапно исчез после коронации Сол-Амона. Вот кого не хватало Шаму в период таких душевных смятений!

Власть не привлекала Шама в мирском смысле. Принуждать людей, отдавая им приказания, в том числе заставляя их при необходимости расстаться с собственной жизнью, — все это было трагедией для нежной души поэта. Но он понимал, что если долг призовет его, то он вынужден будет следовать ему. И хотя душа противилась, Шам знал, что нужно быть готовым во всеоружии встретить любые изменения судьбы.

Отец, услышав о произошедшем, написал Шаму, что был уверен, что когда-нибудь этот день настанет. Он воспитывал Шама как родного сына, ничем не напоминая о том, что некогда купил его и его молочную мать. Мало того, он сжег все расписки и купчую на женщину с грудным ребенком, чтобы при случае никто не посчитал их невольниками. И кормилица Шама стала Суффрему женой. О тайне старшего сына знали только они двое. И открывать ее они не собирались, потому что понимали, что обнародование будет открытием ящика Пандоры для земель Кеми и Иудеи.

Даже Шад, Владыка Горных Духов, поздравил поэта с такой вестью. Он, как всегда, находился в незримости, и лишь один голос был слышен:

— Дорогой Шам, духи лишены чувств, но мы оценили твое благородство. Мы знали, что ты не простой

человек и унаследовал качества своего отца и всего великого рода, который всегда весьма уважительно относился к нам, невидимым труженикам. Все белые фараоны были великими магами. И мы служили им и будем служить еще, потому что они всегда благодарили нас за каждую помощь, и даже приносили подношения. Уважение друг друга связало твой род с моим. Будь благословен, царь Секхем!

———————————————

Однажды Владыка обратился к Шаму:

— Брат мой! Теперь становится понятно, почему я выбрал тебя в друзья и воспринимал тебя как равного. Разве кому-то еще я мог бы доверить Перстень Власти? Ведь его сила меняет человека мгновенно, извлекая все его скрытые недостатки. Но по твоей реакции я понял, что долгий опыт пребывания в высшей власти у тебя есть. Это было заметно по тому, как ты вел себя после получения Перстня. Ведь он имеет неограниченные возможности в этом мире и способен подчинить себе все стихии. А поход был лишь испытанием души и мужества и обретением новых друзей.

Во время разговора вошел слуга и доложил, что пришла царица и просит дозволения войти. Владыка кивнул в знак одобрения.

В распахнутые двери ворвался аромат цветочных духов, словно подул ветер весны с Ливанских гор. Такой улыбающейся и искренней Сол-Амон давно не видел свою супругу. Обычную надменность и холодность растопило присутствие в покоях царя брата.

Стремительно поприветствовав Владыку, царица подошла к Шаму. Понимая, что в данном случае не нарушается дворцовый этикет, она обняла брата и незаметно вложила в его ладонь маленький золотой предмет на тонкой цепочке. Затем она легко и радостно обратилась к Сол-Амону, улыбаясь и волнуясь:

— Повелитель! Я пришла к тебе по очень важному делу. И оно не терпит отлагательства. Для моего брата, для меня, а также для челяди моего двора, необходимо

отправление религиозных нужд. Я прошу выстроить небольшой Храм Богини Изиды на территории дворца, чтобы он находился под его защитой. Я понимаю, что строительство Храма Всевышнего первостепенно. Но моя просьба не менее важна, поскольку Богиня Изида — Мать династии египетских царей и мы должны чтить Ее непрестанно, никогда о Ней не забывая.

———————————————

В связи с новыми обстоятельствами жизни Владыка выделил Шаму часть дворца со слугами и охраной. Но Шам по-прежнему жил в своей башне, которую не захотел покидать. Внизу он появлялся в основном на трапезу, на которую часто приглашал своих друзей, даже нисколько не удивившихся его возвышению. И, конечно, трапеза была поводом пригласить к себе сестру и поговорить с ней о делах государства, о сокровенных тайнах страны их рождения, о которых не было известно никому, кроме семьи. Сестра учила его произносить названия предметов, вещей и явлений на родном языке. А Шам обучал ее ивриту, и даже арамейскому, этой латыни Ближнего Востока.

После встречи у Владыки Ия, оставшись во время трапезы наедине с Шамом, тихо прошептала ему:

— То, что я тебе отдала, было твоим оберегом в младенчестве. Его сняли с твоей шеи и выбросили, чтобы тебя не узнал ни один шпион. Его нашли в пыли рыночной площади в Фивах и принесли отцу. А он перед смертью передал его мне в надежде, что я тебя найду.

Ия с непередаваемой любовью посмотрела на Шама и прибавила:

— Лицом, фигурой, всеми формами тела и повадками ты так напоминаешь молодого отца, что порой берет оторопь. Даже тембр голоса и манера произнесения слов схожи. И самое интересное то, что и наш отец-фараон сочинял неплохие стихи, но лучше всего у него получались гимны, славословящие наших Великих Богов, многие из которых еще живут или появляются перед людьми в своих земных телах.

Скарабей, которого я тебе вручила, помимо свойств оберега, имеет еще и значение ключа, открывающего вход в сокровищницу. Там множество золотых изображений Богов, разной утвари, инструментов и оружия нашей династии. Но ценнее всего царская библиотека, где, помимо книг нашего древнего предка, Тота Ибисоголового, Бога Мудрости, число которых насчитывает пятьдесят две тысячи свитков, есть книги со всего света. И самая древняя из них та, которую принесли с севера. Она сделана из тончайших золотых листов, на которые особым способом нанесены знаки и изображения. Только один друг отца, жрец Амон, мог читать их.

— Жрец Амон? — переспросил Шам. — Не тот ли, который воспитал Владыку и обучил его всем сокровенным наукам?

— Я не знала об этом. Но помню, что после ухода отца он покинул Фивы под тем предлогом, что хочет найти мне достойного мужа. И, скорее всего, так и случилось, потому что вскоре, хотя и не сразу, приехало посольство от царя Иудейского и наша мать-царица вынуждена была отправить меня сюда. С тех пор я не видела Амона, но нашла такое счастье в твоем лице.

Скарабей имеет силу заклятия, и если он попадет в чужие руки, то человек не сможет воспользоваться им. Потому я и передала его тебе тайком, незаметно для других. Но запомни, брат мой, что это самая великая тайна царей долины Нила. Возможно, когда-нибудь судьба приведет тебя к Фиванским горам. И именно там, на задворках дворца, находится гладкая стена с едва заметной выемкой, которая замаскирована под глаз Сокола Гора и к которой надо приложить этот ключ, чтобы открылся вход. Даже самым доверенным своим придворным отец не вручал эту государственную тайну. Только Амон, друг его детства, знал о ней. Еще мальчиками они случайно открыли дверь в святая святых, когда играли с амулетом, прикладывая скарабея то к одному, то к другому рисунку или надписи на стене. Но мне отец доверил тайну лишь потому, что больше из родных никого рядом не осталось. И он взял с меня клятву, что я передам ее только тебе.

А это означает, что и на наследника правителя земель Кеми ложится обязательство по ее сокрытию.

Брат с сестрой говорили о многом: о серьезном и смешном, о близком времени и о тех далеких днях, которые остались за чертой их недоступной родины. Там их жизнь была зачата и рождена, Первородной водой тех мест они были вспоены и первородным хлебом вскормлены. Но молоко времен скрыло, как белый экран, все образы прошлого.

———————————————

Шама так взволновали перемены в его жизни, что с ним приключилась лихорадка. Его бросало в озноб, и он не мог согреться даже у огня, разведенного в очаге. А через некоторое время ему становилось невыносимо жарко — до такой степени, что пот стекал с него крупными каплями.

Шам не мог понять причину своей болезни и решил, помимо царского лекаря, обратиться к Старцу через мысленный канал связи.

Старец появился в мысленном пространстве. И Шам ответил приветствием, привстав на постели.

— Сын мой! Понятно, что переполнение души огнем новых переживаний тебя как очень тонкую и чувствительную натуру перевозбудило. Но тебе важнее понять, что поток родовой энергии, открытый царицей и твоей сестрой, дал привхождение той космической мощи, которая идет от вашей царской звезды Сотис. Нужно привыкнуть к такой радиации энергий. А это еще и то новое знание, которое тебе передают далекие предки, насыщая твою ауру новым пониманием мира.

Могу посоветовать тебе если не голод, то легкое питание в течение сорока дней. Пей больше воды и ничего не страшись. Трансмутации такого рода очень редки. И то, что огненные токи идут вслед за охлаждающими, вполне понятно. Твое незнание о своем происхождении до времени бронировало родовые силы, создавая экран если не отторжения, то временного неприятия их.

А теперь нужно понять, что духовная власть повелителей Египта входит в тебя. И с этим ничего нельзя поделать.

Только Ариси в какой-то степени может облегчить твои недомогания. Она очень знающий человек. И пока она остается в теле женщины, мы вынуждены называть ее таким именем.

В определенное время тебе нужно будет совершить путешествие в Фивы, пока инкогнито, в свите царицы Иудеи, которая соберется посетить место своего рождения и могилы предков. Это будет хорошим поводом познакомиться поближе с твоей страной и наследием. Внешность можно будет изменить, отрастив бороду и волосы.

———————————————

Встречу с Ариси Шам решил провести в саду, за пределами городских стен. Этого требовала важность, и даже секретность, разговора. Во дворце везде были острые глаза и долгие уши, а штат соглядатаев был необычайно велик. Часто таковыми были слуги и повара, стражники и хранители покоев. Но иначе как можно было оставаться царской особе в курсе всех настроений и перемен? Чем выше власть, тем больше у нее врагов.

Шам и Ариси вышли через потайную дверь, пользоваться которой Владыка разрешил другу, оказывая ему неограниченное доверие. Снаружи вход зарос густым терном, и поэтому нужно было осторожно пробираться сквозь его колючки. И все же, несмотря на осторожность, они поцарапали себе руки и в некоторых местах порвали одежду. Но такие мелкие жертвы ничего не значили для них, ибо ценность общения подразумевала и еще большую отдачу.

Ариси начала разговор сама:

— Я давно знаю об исчезнувшем наследнике фараона Египта, но никак не предполагала увидеть его в твоем лице. Некоторые догадки были, особенно когда ты указал принцу в мою сторону на невольничьем рынке. По виду, манерам и осанке было понятно, что вы люди

одного уровня. Владыка велик и имеет массу достоинств, но и ты прошел немалый путь.

— Что ты можешь сказать об этом предмете? — спросил Шам, положив ей в ладонь скарабея, подаренного царицей, и зная о том, что у Ариси есть великие способности к психометрии.

Жрица зажала амулет в руке и, на мгновенье прикрыв глаза, произнесла:

— Этот предмет принадлежал еще первым царям Кеми, Белым Богам, и передавался вместе с жезлом преемникам. Обладание этими атрибутами означает подтверждение статуса истинного правителя. Жезл можно отлить заново. Но внутри него, под навершием с изображением Крылатой Матери, которое снимается поворотом на сто восемьдесят градусов, находится царская печать. И ею может обладать только наследник трона. У современного правителя Египта этот жезл поддельный. Твой отец, зная о твоей судьбе, спрятал настоящий артефакт в тайник, ключом к которому и является этот скарабей. Но, будучи ключом, он все же и амулет, на котором наслоено множество божественных заклятий. Его можно сравнить с Перстнем царя Сол-Амона. Когда-то они даже находились рядом — Камень Власти, Скарабей и Жезл с изображением Матери Нейт. Это изображение символизирует, что право управлять этой землей даровано фараону Небесными Силами.

Пусть тебя оставят сомнения по поводу того, что все это ошибка. Как жрица, я подтверждаю правду слов царицы. Ты скромен, терпелив и сдержан, потому что громадные накопления воплощений и странствий по земле выразились в этих качествах. Но я вижу и твои жизни в иных мирах, на планетах близ Сотис, Небесного Стража. Ты можешь посчитать воплощения на Земле падением, но это путь твоего служения.

— Но как же так? Разве это не падение? Ведь нам нужно восходить только ввысь?

— Падение — это лишь часть оборота спирали, связанная с нырянием духа. Оно нужно, чтобы понять простых людей земного плана. Не сомневайся и слушай

мысли, через тебя летящие. Не думай, что они никчемны только потому, что жизнь их мгновенна. Огонь их следов остается надолго.

Подготовка к путешествию

Царица Ия даже и не думала о таком дальнем путешествии. Оно было бы чрезвычайно утомительным как по длительности, так и по немалым тяготам пути. И Шам, конечно, не настаивал на таком походе, хотя предполагал, что рано или поздно он состоится. Для этого нужно было выбрать время не самое жаркое. Да и спешить спустя столько лет не следовало.

Было очевидно, что в свите царицы присутствует тайный соглядатай, который сообщает нынешнему правителю Египта о любых изменениях в политике двора Иудеи, и что все события становятся известными в Фивах незамедлительно. И в этот раз окружение фараона уже знало о том, что найден законный наследник царей Египта. Этим были немало обеспокоены, так как еще были живы вдохновители прежнего заговора. Опасаясь репрессий и мести в случае восстановления прежнего правления, они замыслили уничтожить обнаруженного наследника.

В то время ценность человеческой жизни была невелика. Люди продавались, как скот, а зверства рабовладельцев превосходили все допустимые пределы. Рабы были бесправны. И среди них имелись такие, которые ради обретения свободы готовы были убить кого угодно.

Одного из таких жестоких людей египетский жрец, состоявший при царице, купил на невольничьем рынке. Он объяснил ему суть дела и, взяв с раба клятву, предложил ему план уничтожения царского поэта, не посвящая в другие подробности. Раб внутренне ухмыльнулся, так как мог тысячу раз поклясться чем угодно и преступить

свои обещания — лишь бы получить то, ради чего он взялся за такое предприятие.

Постороннему человеку не позволено было странствовать по пределам царского дома. И потому решили исполнить зловещий замысел, дождавшись момента выхода Шама в город, где в толпе легче было это сделать.

А тем временем у царицы и Шама постепенно созревала решимость совершить путешествие. И Шам начал готовиться, изменяя свою внешность, но пока еще не выходя из своей башни, — до такой степени, что, кроме проверенных слуг, другие посчитали бы его при встрече совершенно другим человеком. Но такую секретность невозможно было сохранить долго.

———————————————

Скрывать изменения в своей внешности Шаму было бы трудно, и потому он решил повременить с этим, чтобы не вносить сложности в свою дворцовую жизнь. Но теперь он задумался о другом. Человека можно легко узнать по характерным движениям рук, по походке и поворотам головы. Нужно было научиться актерскому мастерству и искусству мимикрии, чтобы полностью убедить недругов.

Шам вновь обратился к Ариси. И она предложила ему освоить дисциплину быть не просто неузнаваемым, но незаметным. Надо было добиться внутреннего замирания сознания, чтобы люди начали воспринимать тебя как пустое место. Главное было не вызывать внутри никаких вибраций, особенно страха. И в комплексе с вызовом энергий невидимости это давало необходимый результат.

Экспедиция готовилась долго. Да и зависела она от желания не столько Шама, сколько царицы Ии. Иялуре, конечно, очень хотелось побывать на родине, где прошли ее детство и юность. Но ее смущало то, что, отставленная от власти своим троюродным братом, она будет принята при дворе не так, как положено. Правда, она была царицей Иудеи, и этот визит выглядел больше как государственный. Но Ия все же решила отложить визит, надеясь на то, что Шам свыкнется со своим положением.

И египетское наречие нужно было изучить основательно, вплоть до умения бегло изъясняться.

Тренируя актерское мастерство, Шам научился изменять голос и саму речь. Гримируясь, он проверял свою выучку, выходя в город. И это помогало ему избежать покушений со стороны нанятых убийц.

Однажды даже Владыка опешил, увидев во дворце незнакомого, странно одетого человека. Царь окликнул стражу. Но Шам тихо шепнул ему:

— Брат! Ты меня не признал?

Изумленный Владыка посмотрел ему в глаза и, рассмеявшись, отправил стражников прочь.

— Зачем тебе это фиглярство с переодеванием и изменением облика? — спросил Сол-Амон.

— А ты не догадываешься, о Великий? — ответил Шам вопросом на вопрос.

— Возможно, ты пожелал стать бродячим актером? Но это было бы слишком мелко для Секхема. Наверное, вы с царицей что-то задумали?

— Мы задумали посетить нашу родину и, может быть, изменить порядок в стране, хотя у меня совсем нет желания править. Пока я хочу появиться там незаметно, в свите своей сестры, под видом, не похожим на себя обычного.

— Тогда считай, что тебе удалось обмануть меня. Но мои шпионы доложили, что тебя попытаются убить еще до того, как ты соберешься в путь, а может быть, и по дороге к Фиванским горам.

Знай, мой друг, что путь власти нелегок. И венец царский не каждый способен удержать на голове. Всегда есть риск потерять как одно, так и другое. Правитель сталкивается с множеством трудностей. И учиться их преодолевать можно всю жизнь. Опыт вождя народа — это судьба той души, которая избрала такой удел. Душа выбирает этот путь, а путь открывается ей в своих радостях и горестях.

Считаю, что ты правильно поступил, овладев искусством перевоплощения. Это полезно даже для изживания недостатков. Погружаясь то в одну, то в другую роль,

очень возможно заразиться их энергией. Потому выбери одну благородную личину и следуй ей. Я советую тебе перевоплотиться в старого странствующего святого, который по пути пристанет к каравану царицы. И возьми с собой Аскера как помощника и вестового.

— Спасибо тебе, Владыка и Брат мой! — поклонился Шам. — Полностью согласен со всеми твоими доводами и предложениями. Караван еще не скоро будет готов, поэтому у меня будет время усовершенствовать образ, который ты предложил.

— Перед отбытием я еще кое-что вручу тебе, — ответил Сол-Амон. — То, что поможет тебе одолеть некоторые неудобства и, может быть, выручит из беды.

———————————————

Умение человека дождаться своего часа, чтобы попасть в нужное место в нужное время, и есть его удача. Зрелая карма может приготовить все возможности и удобства, которые дух заслужил, но он не должен пройти мимо сужденного, не удостоив дар своим вниманием.

Подготовка к поездке в Фивы подходила к концу. И Шам, заранее договорившись с Аскером и сестрой, разработал план своего как бы случайного присутствия в караване. Его должны были отвезти на расстояние однодневного перехода и оставить в караван-сарае, откуда он должен был выйти в пустыню до прихода каравана.

Аскер был безмерно счастлив участвовать в таком приключении. Как доверенное лицо Шама, он знал, что на него готовят покушение и что несколько убийц подкуплены агентом правящего в Египте фараона, одним из жрецов храма Изиды, который строился в Иерусалиме.

Шам продолжал перевоплощаться перед выходом в город — то в купца, то в воина, то в нищего и калеку. Но роль дервиша он приберег для пути в Египет.

Иялуру была очень взволнована таким поворотом событий: брат ехал с ней, пусть даже под прикрытием. Это вызывало как радость, так и опасение за его жизнь. Но Владыка успокоил царицу тем, что все меры

предосторожности приняты и караван отправится с большим отрядом воинов и штандартом царского двора.

— Препятствий не миновать, и тем более песчаных бурь, — сказал Владыка Шаму. — Для того и посылаю с вами Аскера, чтобы он усмирил стихийных духов. Я бы посоветовал взять и Раху как необычайно тонкого предсказателя событий. Трудностей будет немало. Но вся наша жизнь — это способность одолевать их и решать задуманное. И дело даже не в том, изменит ли ваш поход власть в Египте. До времени об этом не нужно и думать. При дворе египетском много сильных магов, имеющих длинное ухо. Старайтесь не упоминать об этом ни на словах, ни мысленно, потому что сгущение мыслеформ создает мощный способ оповещения.

— Владыка, я приму все твои советы очень близко к сердцу. Просто так ты не скажешь ни одного слова, — ответил Шам.

———————————————

Время выхода каравана было назначено. И Шаму надо было спешить опередить его, чтобы достоверность случайной встречи была соблюдена.

На правах Брата и Друга он испросил дозволения встретиться с Владыкой. И тот принял его в своей тайной комнате и долго наставлял. Напоследок Сол-Амон произнес:

— Доверие к тебе, друг мой, так велико, что я снова вручаю тебе свой Перстень. Он будет с тобой все то время, которое понадобится, чтобы уяснить все обстоятельства. Конечно, нам важен Египет как дружественная страна, но принуждать тебя к кровопролитию я не имею права. Решение остается за тобой. При случае Перстень тебя выручит из самых безысходных ситуаций. Путь до Фив нужно пройти ночами, а дальше будет видно. Предвижу многое, что поменяет твое отношение к власти.

Царь обнял Шама.

— И еще. Перстень держи камнем в глубь ладони. Он не для посторонних глаз. Будет выглядеть очень

странно, если чьи-то цепкие глаза увидят его на руке дервиша.

Растроганный Шам ощутил, какой поток любви укрыл его. А Перстень словно раздвинул завесу между мирами. Чувствования Шама стали тоньше, глубже и определеннее. Будущее становилось таким же очевидным, как и прошлое. Обиталища сфер земных и небесных обнаруживали существование разумных тварей, которые не были похожи на человеческий образ, но все же имели самосознание. Бестелесные духи обращали свой взор в его сторону и словно ждали приказа.

Теперь-то Шам знал, какой могущественной и невероятной силой повелевает Перстень Великого Владыки. Он мог быть доверен только чистому сердцу и неискушенной душе, потому что мог приказать любое действие — и целая армия мира в мгновение ока могла бы быть засыпана песком.

Шам выехал рано утром на юг на простой лошадке, нагрузив на нее нехитрый набор путника, запас еды и воды. Он решил, что, когда доберется до места, оставит коня у верных людей, переоденется в бедное платье и потихоньку пойдет пешком до первого оазиса или колодца. Путь его не страшил. В любой момент Шад и его слуги могли перенести его куда угодно, хоть на дальний край земли. Но для этого еще не настало время. А использовать силу стихий нужно было бережно.

Путешествие по пустыне

Одному ехать было совсем не опасно. Можно было спокойно поразмышлять о превратностях судьбы и о своем месте в мире.

Воспитанный в условиях простой жизни, Шам, по существу, был не искушен в делах мирских, и тем более политических, хотя жизнь при дворе многому его

научила. И, конечно, он был больше дипломатом и литератором, а теперь еще открыл в себе талант актера, изменяя до неузнаваемости голос, жестикуляцию и саму походку.

Одолевая дневной переход, Шам понял, для чего был нужен этот день. Он стал временем для анализа, для сопоставления причин и следствий, для размышлений об удивительной силе судьбы.

Даже сестре своей Шам не стал говорить о подробностях своего пути. Она знала только, что он будет в ее свите, но не представляла, в каком образе.

Время для путешествия было выбрано не самое жаркое. Это был конец зимы, и солнце светило не так нещадно. Потому и для лошадки было не так утомительно неспешно бежать вперед, тем более что Шам ее особенно не подстегивал, зная, что все равно придется дожидаться каравана на постоялом дворе, где он и намеревался оставить животное на попечение хозяев до своего возвращения.

К вечеру показалась небольшая деревня. А когда стемнело, Шам нашел постоялый двор, где его уже ждали и отвели в комнату с отдельным выходом в пустыню, откуда он мог уйти никем не замеченным в любое время. Хозяин знал, кто он, но понимал, что если человек такого уровня одет в простую одежду и путешествует один, то его прибытие имеет статус государственной тайны и чрезвычайной важности.

Еду хозяин принес сам и закрыл дверь во двор караван-сарая на замок, пристроив лошадку в общее стойло, где были и другие животные. Открытой оставалась лишь дверь в пустыню, в этот великий океан красных песков, которые словно впитали жар солнца, так нещадно раскаляющего их день за днем.

———————————————

Караван пришел поздно ночью. Шам слышал, как огромное количество народа заполнило постоялый двор. Свита царицы насчитывала вместе с охраной не менее пятисот человек.

Воины расположились вместе со слугами вокруг костров, на которых готовилась немудреная пища. Царице отвели апартаменты для особо важных гостей.

В свите иудейской царицы, многочисленной, разноцветной и многоголосой, Аскер и Раха были почти незаметны. Но было оговорено, что при любой возникшей необходимости им будет разрешена аудиенция с Ией. Двор есть двор. И его законы, правила и указы должны были исполняться даже во время похода. Отступать от них никто не имел права.

Царица знала, что эти двое — близкие друзья ее брата и будут держать связь с ним. А то, в каком обличье он будет в свите, не важно. Оно даже лучше, что брат останется никем не узнанным.

Жреца храма Изиды не было в караване. Он сослался на то, что у него есть важные дела. Но, на деле, его главная задача все еще не была выполнена. Убийцы до сих пор не смогли обнаружить царевича Секхема. Он словно исчез или растворился. Во дворце его не видели уже несколько дней.

Шам, вслушиваясь в голоса многочисленной свиты царицы, решил уйти ранним утром, переодевшись в наряд дервиша и не нагружая себя поклажей, но взяв лишь самое необходимое.

А Аскер и Раха, укрывшись одеялами, просто сидели, глядя в огонь, и тихо улыбались, переглядываясь. Для них это совместное путешествие было подарком судьбы. Они узнавали друг друга и взаимно пропитывались сердечной силой. А это давало ту огненную искру чистой любви, которая в конце концов приводит к созданию идеальной семьи. Конечно, в этом плаванье тоже бывают шторма и штили, ураганы и легкий ветерок. Но пока они жили в атмосфере предощущения любви, когда все еще только начинается и каждому взгляду и жесту придается особое значение. И это очень свойственно чистоте тех душ, которые впервые сталкиваются с подобными отношениями.

На востоке горела яркая звезда и весело подмигивала Шаму, когда он затворял дверь в комнату на

постоялом дворе. Было тревожно и любопытно: что же ждет его впереди и как закончится этот путь через великую пустыню? Сомнения были острыми и горячими. Но, благодаря действию Кольца Владыки, сквозь пространство в мысленном взоре Шаму открылось будущее. Вступив на дорогу и увидев благоприятные предзнаменования, он успокоился. Стихия пути понесла его в новое странствие и к новым превратностям судьбы. Но чистому человеку нечего страшиться, а неведомое влечет его с такой же силой, как и та мудрость, которую он еще не постиг.

———————————————

Пустынный ветер разгонял прохладу, по мере того как солнце поднималось выше. На мгновение Шаму показалось, что скарабей на груди — талисман, подаренный сестрой, — начал двигаться. Он снял его с шеи и заметил, что в зависимости от угла подъема солнца лапки талисмана выходят наружу все сильнее. Это озадачило Шама, но он знал о свойствах многих священных предметов, поэтому не впал в суеверный ужас, а постарался разобраться, последив за скарабеем. Похоже, что чем выше поднималось солнце, тем активнее становился талисман. Но для чего это было необходимо, еще нужно было узнать.

В полдень лапки скарабея вытянулись дальше обычного, словно обнимая какой-то недостающий предмет. Он должен был символизировать солнечный шар, который скарабей катит впереди себя. Шам подумал, что хорошо бы было расспросить об этом великого мудреца Амона. И стоило только вспомнить жреца, как в мысленном поле возник его улыбающийся образ.

— Сын мой, Шам! Ты вошел в пределы, где я властен отвечать тем, кто ко мне обращается. Я не исчез. Дела Братства позвали меня в подземный город. Я жив и знаю твою задачу. И очень рад буду оказать содействие в достижении той цели, к которой ведет тебя твоя судьба. Если сердце твое прожжет сострадание к своему народу и ты захочешь облегчить его участь, то я помогу тебе во

всем, как когда-то помог Владыке Сол-Амону, величайшему из царей.

Тайна скарабея открыта мною, как и значение настоящего скипетра Владыки Египта. Скарабей — это не магическая игрушка. Он действительно зависит от движения солнца, но это неудобство легко убирается, стоит только нажать на его головку.

Разговор длился долго. Бесценные наставления и рассказ о детстве отца Шама, другом которого был Амон, делали путь не таким утомительным.

Посох Шама из простой саксауловой палки, которую он подобрал по пути, придавал его имиджу подлинность. Иногда всего одна, почти незначительная, деталь способна довершить полноту образа. А Шам хорошо понимал, что ему нужно войти в роль настолько глубоко, чтобы ни у кого не возникло сомнения в истинности того, что перед ними стоит бедный дервиш.

Шам начал бормотать молитвы, петь псалмы и делать вид, что впадает в экстаз или видит нечто, не доступное остальным. Но, на самом деле, последнее было правдой. Перстень давал ему такую возможность. Но пока все это была репетицией или, скорее, импровизацией его поведения в будущем.

Шпионы донесли правящему фараону, что царица Иудеи решила посетить родной город. Договоренность была достигнута, ибо мало кто верил, что она собирается вернуть себе трон — тем более что она уже была владычицей. Правитель не был обеспокоен и ее многочисленной свитой и приказал встретить ее с почетом и пропустить беспрепятственно.

Пустыню нужно было пройти до берегов Нила. А дальше можно было идти берегом. Царица пожелала путешествовать по реке. И для нее уже был приготовлен корабль, который будут тянуть рабы.

Это был государственный визит. И ссориться с Владыкой Иудеи на пике его могущества, конечно же, никто не хотел.

А пока караван только выбирался в золотые пески.

———————————————

Солнце жгло немилосердно. Одинокий путник в сердце пустыни был серой точкой в море золотого песка.

Шам шел неспешно, пытаясь хоть на какое-то расстояние оторваться от каравана, чтобы все выглядело естественно и чтобы его приняли именно за того, кем он желает представиться миру. Посох оставлял ямки в песке. А следы были почти невидимыми на утоптанной караванной тропе.

Нужно было пройти этот путь ногами, несмотря на то, что была возможность обратиться к Горному Духу. Но злоупотреблять силами природы Шаму не хотелось. Лишь в случае крайней нужды он решится сделать такое.

Как бы ни был утомителен путь, все же отрыв от жилья и людей создавал атмосферу благодатного одиночества. Шам признался себе, что жизнь при дворе утомила его, и особенно в последнее время, когда статус его изменился. И потому этот путь надо было использовать для погружения в себя, для сопоставления причин и следствий. Вспоминалось многое. И даже жизненные мелочи, которые он давно, казалось бы, стер из памяти, выплывали во всех подробностях, словно этому способствовал простор великих песков.

Шам не спешил и иногда отдыхал, если попадался на пути большой камень или одинокая скала. Посидеть в их тени было блаженством. В его башне было всегда прохладно. Но, как человек, выросший в жарком климате, зной он переносил легко.

Беседы со Старцем продолжались в виде ментального обучения, для которого расстояние роли не играет. А воздействие Перстня поднимало сознание личности до планетного уровня. От этого было и тяжело, и легко. Ведь малейшая мысль создавала в Мире Мысли завихрение, а Камень усиливал его действие во множество раз. Казалось, что если Шам что-то пожелает, то все будет немедленно исполнено.

Владыки Пустыни — очень свирепые духи — знали, кто этот одинокий путник и каким могучим инструментом владеет. Но все же они не опасались порабощения с его стороны, потому что видели в этом человеке великое благородство и уважение к свободной воле каждого существа. Зная, что он никогда не заставит их признать себя рабами, как это делали другие маги, духи с готовностью готовы были выполнить каждый его приказ, если таковой последует.

У духов даже появилось некое подобие симпатии к Шаму. И они решили между собой оберегать его от всяческих напастей. Они внесли его в синодик своих друзей и благодетелей, так же как и Садра, великого их защитника, который добывал в подземельях дворца царя Иудеи золото алхимическим путем.

Опыты Садра

Попытки многих царей, фараонов и великих учителей вырвать мир из-под власти золота имели переменный успех. Там, где признавался закон кармы и дхармы, притяжение к богатству ослабевало. Но в среде атеистов и отступников от веры Белых Богов законы высшие заменила жажда властвовать над всеми мирами, составляя альтернативу Богам. Это привело к осквернению золота как Тела Богов и превращению его в средство наживы и эквивалент богатства. Темные подсознательно тянулись к этому металлу, даже не зная, что он символизирует бессмертие, так как не исчезает никуда и не пропадает, а при испепелении лишь принимает форму соли, которая и являет собой эликсир жизни.

Шам знал это. Об этом было ведомо всем Братьям и самому царю. И потому опыты Садра в подземельях дворца шли своим чередом и с нарастающим успехом.

Создание эликсира жизни, дающего бессмертие, не было первостепенным, как и получение золота из меди и ртути. Основная миссия Садра состояла в изучении лечебных свойств растений, металлов и камней, а также воды и насыщенного целебными парами воздуха.

Создание лекарств являло собой самую благородную цель, потому что люди не могли обходиться без целителей в условиях городской тесноты и отсутствия коммунальных удобств. Многие дома в Иерусалиме были оборудованы проточной водой и канализацией, построенной еще древними строителями Русской Осели, но узкие улочки с нависающими балконами представляли собой позднейшие пристройки. Боязливые люди старались не иметь широких улиц и больших площадей, отдавая предпочтение просторным храмам. За исключением знати, они ютились в одной или нескольких комнатах, а от быта древних обитателей остались только общественные бани.

———————————————

Некоторые алхимические эксперименты Садра требовали нагревания колб только огнем высокого разумного свойства. И для этого он привлекал духов огня — актиничей. Призывая силу их сознания, он следил, чтобы время реакции не было слишком длительным или коротким.

Включать и выключать огонь разума плазмоидов было нелегко. Но Садру это удавалось. Чтобы иметь такую связь с актиничами, необходимо было соединяться с ними в мысленном пространстве и сотрудничать на высоком уровне честности. Садр объяснял им, для чего нужна та или иная реакция и что будет создано в результате их совместной работы.

Конечно же, в основном создавались лекарства или препараты для предотвращения болезней. Но старый алхимик не гнушался и трансмутацией, получая золото из неблагородных металлов, если оно было необходимо Владыке в определенных количествах.

Во многих случаях духи сокровищ сами предлагали Садру указать тайники древнего хранения, до которых можно было легко добраться. Но таким исключительным способом Садр редко пользовался — и не оттого, что страшился подпасть под власть богатства, приводящую к безумию, но чтобы такой приток изобилия не отразился на стране. Он знал, что сам царь не жаден и золото нужно ему для содержания армии, общественных институтов, развития науки и помощи бедным. Но народу всегда нужна приемлемая мера для жизнеустройства, чтобы он не утратил заинтересованности и способности активно трудиться.

Избыточное благо развращает людей и делает их сознание неповоротливым, и даже ленивым. Конечно, это касается не всех, но большинства из простого и неискушенного народа. При появлении чрезмерного достатка люди, не подготовленные к такому повороту судьбы, просто не знают, что им делать и как себя вести. Вроде бы, и работать для обеспечения пропитания уже не нужно, но и, как занять время жизни чем-то другим, придумать трудно. И это тоже трагедия. В любом случае, следует соблюдать золотую середину.

К внезапному возвышению Шабала Садр отнесся спокойно. Глубоко зная человеческую природу, он понимал, что такое положение вещей не изменит его. Приняв посвящение огнем у Старца Горы — а это нужно было заслужить многими жизнями в непрестанном напряжении духа, — Шам так и останется тонким, умудренным и сострадательным учеником Вечности, в каком бы властном статусе ни оказался. И это было отрадно отметить, потому что многих власть изменяет до неузнаваемости и портит, как солнце — спелый фрукт. Но таких опасений у Садра не было ни в отношении Шама, ни по поводу Владыки.

Маленький оазис

Жар раскалил песок. Дышать было тяжело, несмотря на повязку на лице. Невыносимая духота висела в недвижном воздухе. И лишь иногда порывы живительного ветра облегчали состояние Шама.

Караванная тропа привела его к небольшим скалам, где можно было ненадолго укрыться и переждать дневное пекло. А вечером можно было идти до тех пор, пока не сядет солнце.

Одинокое путешествие обостряло все фибры души. И, конечно же, присутствовало чувство опасности, несмотря на Перстень и покровительство стихий.

Этот путь был Шаму не знаком. Но где-то в глубине своего сознания он понимал, что когда-то уже был здесь. Наверное, путешествие с кормилицей и названым отцом в младенческом возрасте позволило проявиться эффекту узнавания энергий местности.

Внезапно в уме Шама всплыла картина, как под сенью этих скал его кормила молочная мать, а отец старался укрыть их от наступающего ночного холода. Сами скалы могли поведать эту историю его обнажившимся чувствам. И не было ничего мистического в таком отслеживании сигналов Тонкого Мира. Ведь можно общаться с разумом земли и ветра. И огонь и вода тоже умеют говорить, стоит только признать это собеседование возможным.

Можно было ждать караван здесь, но Шам предположил, что к вечеру он должен достичь оазиса, потому что перед уходом из дворца он нашел в царской библиотеке карты караванных путей и приблизительно мог определить направление по памяти. Тревожить Старца или Владыку по такому поводу он не хотел, зная, что, кроме него, у них множество занятий в этом суетном мире.

Но Владыка всегда сам являл свой лик в нужный момент, ободряя и направляя. И в этот раз, появившись на мгновение, он только произнес: «Скоро!» И из этого Шам сделал вывод, что идти до благодатного места осталось недолго, часа два — три.

———————————————

В пустыне тьма наступает быстро. Лишь только солнце уходит за горизонт, как резко опускается пелена ночи.

Караванная тропа еще светилась, поблескивая искорками песчинок. А где-то вдали, за барханами, слышны были голоса, которые разносились очень далеко, отражаясь эхом от песчаных волн.

Поднявшись на бархан, Шам увидел дальние огни, по направлению к которым и устремил свой шаг. Спустя полчаса он вошел в маленький оазис и был встречен сторожевыми псами, которые отнеслись к нему весьма миролюбиво, помахивая хвостами, и даже поскуливая, словно встретили давно знакомого человека.

На этот шум из шатра вышел старый бедуин и поприветствовал гостя.

— Добро пожаловать! Мой дом открыт для всех: нищих и богатых, святых и грешных. А ты, я вижу, дервиш, и потому у моего очага для тебя найдется пиала чая и горсть фиников. Прошу, проходи в шатер.

Шам поставил посох у входа и, благословив дом, подошел к костру. Усталость навалилась, как только он принял угощение. Хозяин любезно пригласил его прилечь, а сам, задернув полог, ушел в другой, семейный, шатер, где жил с женой и детьми.

———————————————

Шабал знал, что караван не пройдет мимо этого чудесного уголка, зеленого, тенистого, с родниками чистой холодной воды, и решил подождать здесь посольство великой царицы Иудеи. Для хозяев оазиса он распевал чудесные гимны, которые они принимали за песни.

Временами Шам уходил к скалам, ограждающим оазис от самума и благодаря которым тот не был засыпан песком. Там он, погружаясь в свой мысленный мир, учился, призывая Наставника, или беседовал с Владыкой. Но все явственнее и мощнее он ощущал незримое присутствие Амона, учителя царя Иудеи. Энергия жреца просто настоятельно стучалась в подсознание Шама. И он решил не отказывать этой силе в общении, тем более что лучше этого мудрого и доброго человека вряд ли кто знал тайны земель Кеми.

Жрец Амон был знатоком в звездочтении, целительстве и дипломатии. Знания его распространялись, казалось, на все науки: историю, психологию, математику, механику. И, конечно же, превыше всех земных премудростей были его познания в магии. Он был Белым Магом высших степеней и членом Луксорского Братства.

Зная, что слуги Сетха, маги тьмы, могут быть осведомлены о посещении Кеми Секхемом, Амон придумал целый комплекс психической защиты, прикрывающей Шама и оставляющей в безвестности его наставления ему. Покрыв Шама легендой психической достоверности, чтобы все верили в то, что он странствующий святой человек, Амон погрузил его в кокон защитного психополя величайшей магнитной мощи, чему способствовал и Перстень. И даже умелым астральным шпионам невозможно было подслушать то, о чем общаются мысленно эти существа.

Сами Владыки Братства принимали участие в миссии прихода царевича в Египет. Она была важна и необходима для избавления людей от страха и зависимости от власти черных жрецов и отвечала устремлению египтян-коптов к свету.

———————————————

Шам не терял времени понапрасну, но впадал в состояние молитвенного экстаза. Он мог часами петь молитвы и гимны, сам не понимая, откуда берется поток музыки и слов, неиссякаемая волна вдохновенного состояния, повторить которую невозможно. Каждый раз

он мог насыщать мелодию новыми словами, как и слова — новыми мелодиями.

Для жителей оазиса, которые перевидали немало путников, такой странник был самым необычным на их веку. Но пение его поражало слух такой влекущей, непонятной благодатью, что хотелось слушать и слушать, не замечая времени суток и откладывая другие занятия на потом. Даже животные: верблюды, овечки и громадные пустынные псы, похожие на львов, — слушая блаженного дервиша, вели себя не свойственно их природе. Собаки, заслышав высокий голос Шама, возбуждались до такой степени, что начинали подвывать, словно вспоминая или сожалея о чем-то своем.

Но по вечерам Шам уходил за границу оазиса и у скальной стены молился и продолжал обучение в той ментальной школе, которая никогда в мире ни для одного мудреца не имеет окончания. Бесконечная учеба является великим счастьем для того, кто желает получить не просто знание, но доступ к бесконечной мудрости, и для кого постижение одного предмета является только импульсом к открытию других сторон истины.

В ментальной школе могло быть несколько учителей. Одни являли себя, а другие присутствовали лишь голосами, что совсем не обедняло такой вид преподавания. По задаваемым вопросам учитель мог определить степень продвижения ученика и усвоения им предмета. И, конечно, уровень возрастал вместе с жаждой узнать новое.

В основе обучения лежал один принцип — от простого к сложному. И таким образом вырабатывался опыт постижения, для которого расширение сознания является основной формой вмещения.

———————————————

Накануне прихода каравана в оазис Шабал все же решил уйти вперед, чтобы достовернее было его внедрение в общую свиту царицы Иудеи.

Он постоянно что-то напевал и поэтому научился слушать мелодию. А вслед за музыкой рождались слова.

Иногда все это происходило одновременно, в одном поле восприятия. Начинал работать феномен вычленения из звуков слов, потому что это был родственный процесс. Ведь поэзия потому и очаровывает, что в ней уже заложен ритм, который получает полное развитие, сопровождаясь музыкальными инструментами.

А киннoры были ничем иным, как гуслями, на которых отца Владыки научила играть Вирсавия. В то время в Араиле еще проживали многие представители славянских народов. И их культура не могла не влиять на пришлых сюда захватчиков.

Сотни тысяч лет вдоль побережья Средиземноморья стояли города ариев, которые пришли сюда с наступлением холодов на севере. Исход их на юг отмечался повсеместно. И не будь такой климатической катастрофы, арктоpуссы никогда не решились бы оставить тот благодатный край, в котором они проживали не одну эпоху.

Основав вдоль северных и южных берегов теплого моря свои неприступные города-крепости, арктоpуссы и Иерусалим, который в писаниях древних народов значился как Араил, или город ариев, укрепили тщательно, никак не слабее Иерихона. Но и здесь они вынуждены были уступить небывалой плодовитости агрессивного пришлого народа, для которого ничего не стоило положить на поле боя бесчисленное множество жизней.

Со смертью Господа Кришны было уничтожено и племя яду, как он и предсказывал. Атаки асуров, вечных врагов ядавов, разрушили города этого гордого народа. Или же они были захвачены вместе с землями этой достойнейшей в истории Индии нации, небольшая горстка которой была изгнана еще ранее из ее среды за неверие в великих индусских Богов.

Но насилие и смешение с представителями других племен по пути следования из Индии почти целиком стерли у изгнанных родовую память, доставшуюся им от прародителей. А забыв свою историю, эти несчастные люди начали формировать ее из мифов и легенд тех стран, через которые проходили в поисках безопасного места. Их эпос сложился из шумеро-вавилонского,

хетто-египетского и финикийского фольклора и был приспособлен под нужды модифицированного народа.

Великий Учитель Моисей хотел возродить в полной мере то, что увидел в этих потомках некогда великих племен. Но души, отравленные властью стяжания, уже не могли жить по-другому. Лишь будущие левиты сохранили прежние основы, и даже чистоту крови арийцев, потому что происходили из касты браминов племени яду. Именно они и попытались вернуть народ в русло исконной религиозности и восстановить любыми способами связь с иерархическим началом. И казалось, что эта попытка удалась. Но стоило Пророку удалиться на Святую Гору, чтобы получить Наставления и Скрижали Завета для избранного народа, как вера тьмы, вера жрецов Сетха, восторжествовала. Золотой телец возобладал над здравым смыслом иудейского народа. И лишь в имени своем он сохранил корень того самоназвания, под которым его когда-то знали в истории. «Яду», «юде», «иду» идентичны.

Размышляя о той среде, в которой ему пришлось жить, Шам не вдавался в обширные этнографические экскурсы. И исторические глубины ему не приходили в голову, поскольку в те времена мало кто знал о древних народах. Но, шествуя по пустыне, по этому великому безмолвию песка, нельзя было оставлять свой ум без работы. Терять время понапрасну значило упускать возможность самопросвещения и самопознания. И потому он направлял течение мыслей, непростое и стремительное, в определенное русло, озаряясь и делая открытия в результате размышлений, сравнений и аналогий.

Дервиш

Путь от оазиса к величественному городу близ Нила был не простым для того, кто добровольно взвалил на себя одиночество, надев соответствующий театральный

костюм. Но польза от такой игры была неоценимая, тем более что к роли дервиша Шам был вполне подготовлен.

Люди заблуждаются, считая эту категорию людей малограмотными шарлатанами, ничего не смыслящими не то что в богословии, но даже в начертании слов. Многие искренне верят, что дервишами или аскетами становятся те, кто не желает трудиться и для кого вымаливать милостыню — основное занятие. О нуждах духа, по примитивности своего мышления, никто даже не думает. А ведь дервиши как бродячие проповедники и исполнители религиозных песнопений еще и обладают знанием полезных ритуалов на все случаи жизни.

Пустыня изобиловала скалами. И это спасало путников от зноя, который в это время был не таким сильным, но все же очень утомлял.

Но Шам шел, не опасаясь ничего. Шад обещал ему помощь в перемещении на любые расстояния. Горному Духу было бы лестно оказать услугу тому, кому, пусть даже на время, было доверено Кольцо мирового могущества. Но законный наследник египетского престола и брат царя и царицы Иудеи должен был до конца исполнить роль, к которой привела его судьба.

Любое знание, даже самое высокое, остается бесполезным, если им пренебрегают. Оно может забыться без повторения и умереть без применения. Поэтому Шам воспроизводил в уме молитвы и гимны, и даже представлял, что его высшая часть читает ему лекцию. Это нужно было для того, чтобы процесс познавания не останавливался.

Старец Горы являлся регулярно для наставлений и бесед, давая ответы на мучающие дух бродячего поэта вопросы. И порой Шаму казалось, что его Наставник и он сам — это одно целое и что его собственная суть выступает в роли и преподавателя, и ученика. На эту мысль, озарившую сознание Шама, Старец улыбнулся и сказал:

— Наконец мы добились такой степени слияния духа, когда ты можешь спрашивать у самого себя и получать достойный ответ. Соединение личностей не

отменяет их персональной значимости. Но мы настолько срослись сердцами, что стали едиными, несмотря на разные тела. Теперь мои наставления тебе уже не нужны. И чтобы не загружать мысленное поле посторонним вмешательством, я ухожу. Но если возникнут сложности, я явлюсь незамедлительно.

———————————————

Встречный караван на пути Шама был небольшим. Всего десяток верблюдов и пять человек, которые везли в Иудею свой товар.

Путники были скупы на слова, но по наречию Шам понял, что это копты. Они избегали разговоров о том, как им живется в своей стране, но в интонациях проскальзывала некая обреченность и горечь.

Копты шли издалека, из тех мест, где от слияния Белого Нила с Голубым начинался основной Нил. И это было благословением — шествовать вдоль великой реки, не обременяя себя изнуряющим походом под пустынным солнцем. Можно было идти и берегом моря, но этот путь был намного дольше, хотя и комфортнее.

Караванщиков удивило, что Шам идет в одиночестве по пустыне. Им встречались отдельные путешественники, но, как правило, их было двое — трое и они были на конях или ослах. Шам ответил, что он бедный дервиш и, странствуя в одиночестве, воздает хвалу Всевышнему, желая людям благополучия, для чего не нужны караваны и особые удобства.

Караван-баши не стал задерживаться, так как до конца дня нужно было дойти до очередной стоянки. Поэтому Шам спел на прощание короткий псалом с благопожеланием, и они разошлись.

Шам надеялся, что скоро караван царицы Иялуры достигнет этих мест. Но открываться сестре он пока не собирался, предполагая, что может сделать это в последний момент, когда они достигнут Фиванских гор.

———————————————

Одинокий путник не объект для грабежа. И тем более, если он одет почти в лохмотья и идет пешком с тощей переметной сумой. Зоркий глаз пустыни всегда следит за богатыми караванами. Но то, что увидели разбойники в свите великой царицы, их удивило и испугало. Это была небольшая армия, со всеми ее структурами, включая конный отряд разведчиков, часть которого все время находилась впереди каравана, а другая — замыкала его.

И атаман разбойников решил не обнаруживать себя до времени перед воинами, полагая, что, может быть, идет подготовка к войне или отправляется на юг какое-то очень важное посольство. Но, выяснив через своих соглядатаев, которые умели быть незаметными в камнях, и даже зарываться в песок, что это процессия царицы Иудеи, он отдал приказ уйти в глубь пустыни. Нрав у Владыки Сол-Амона был мягким, но атаман знал, что тот не пожалел даже своего брата и казнил его за предательство. Шутить с такой силой не стоило. А караванов и добычи будет еще много. Лучше даже не показывать свое присутствие.

И такое решение было мудрым, потому что у начальника стражи двора царицы имелся прибор, позволяющий видеть на расстоянии. Это был граненый камень, через который дальний горизонт был виден так, будто находился совсем рядом. Глянув в него, страж царицы обнаружил удаляющихся всадников, которые, наверняка, были братьями пустыни, как себя именовали разбойники. Но он не стал отдавать приказ преследовать небольшую группу, так как ни к чему было оставлять караван без разведывательного подразделения.

Караван постепенно нагонял Шама. И в какой-то момент он услышал за спиной топот копыт и окрик стражи: «Посторонись!» Одинокий путник не опасен, а обращать внимание на нищего только напрасная трата времени.

———————————————

Когда группа охраны проскакала вперед, Шам увидел идущих впереди свиты воинов и отошел в сторону. Караван был громаден. Казалось, что целая армия отправилась завоевывать мир.

Шам стоял, не вызывая никаких подозрений, пока случайный взгляд, брошенный Ией, не остановился на нем. Что-то взволновало ее, а своему внутреннему чутью она привыкла доверять. Позвав слугу, царица повелела привести к ней нищего дервиша. И тот с готовностью исполнил ее распоряжение.

Караван остановился. Находившиеся рядом с паланкином расступились. А Раха и Аскер, бывшие совсем невдалеке, наблюдали за тем, как Шам подходит к царице, благоухающей и сияющей роскошью даже в таком утомительном походе.

Движения дервиша показались Иялуре знакомыми, несмотря на его бедную одежду. Она проницательно заглянула в глубину его глаз и вспыхнула: «Не может быть! Ведь брат остался в Иудее!»

Царица не подала вида или посчитала, что ошиблась.

— Кто ты? — спросила она у Шама. — Ведь в пустыне встретить одинокого путника — это целое событие, как увидеть что-то необычное на базаре. Одолевать пустыню в одиночку дано не каждому.

— Я бедный аскет, странствующий по всем сторонам света. Для меня нет границ. Я пою бедным и богатым, восхваляя Бога. А иногда и любовные песни исполняю, если попросят. Любовь не осуждается Всевышним.

— Хорошо! Мы примем тебя в караван. И во время отдыха ты нам покажешь свое искусство. Можешь присоединиться. Ты скрасишь наш путь.

Царица отдала распоряжение слуге принять дервиша, поить его и кормить. И слуга привел Шама в группу сопровождения, в которой тот взглядом поздоровался с Аскером и Рахой.

Караван тронулся. А у царицы не выходила из головы догадка: «Неужели брат решил инкогнито добраться до Фив?» Проверить это было легко.

На стоянке, когда запылали костры и повара начали готовить ужин, Иялуру через приближенного пригласила дервиша к себе и попросила спеть гимн Всевышнему. Дервиш запел очень нежно и вдохновенно. Но подделать или скрыть истинное звучание и мастерство песнопения, которым обладал Шам, было невозможно. Получив удар в сердце, царица убедилась, что это ее брат.

Закончив пение, Шам склонился перед царицей и встал перед ней на колени, чтобы поблагодарить. Тихий голос ответил ему:

— Я рада видеть тебя, брат! Пусть все останется так, как есть, до определенного времени. Я готова тебя обнять, но пусть прикрытие останется прежним.

Шам поднял глаза и увидел улыбающиеся и любящие глаза сестры.

— Ты пел превосходно — продолжила она очень громко, чтобы слышали все. — На долгом пути ты иногда будешь развлекать нас. Я принимаю тебя в свиту приближенных.

— Благодарю тебя, госпожа. И, поверь, я оправдаю твое доверие, — ответил Шам.

Встреча в пустыне

Шам, Аскер и Раха доверяли друг другу всецело. Они были Братьями и Сестрой одного Ордена, который не имел судей и палачей. Но все же выдача тайны каралась лишением жизни. Сама судьба решала единолично, кому жить, а кому умирать.

Во время ночных бесед, чтобы никто не мог подслушать, трое друзей, уединившись, делились своими впечатлениями о путешествии. Аскер рассказывал, что

были попытки джинов пустыни вызвать самум, но он договорился с ними о том, чтобы караван прошел спокойно, и даже пригрозил силами Сол-Амона Великого. Джины прекрасно знали Владыку как мага и чародея, ибо сам Горный Дух служил ему и помогал строить Храм Господа.

Приключений было не так много. Но одно обстоятельство Аскер и Раха не могли не отметить. Перед сборами каравана в толпе крутились какие-то посторонние люди, выспрашивая, нет ли здесь брата царицы и друга царя. Все ответили, что нет, так как он, видимо, выполняет какое-то секретное поручение Владыки. В настойчивости расспросов слышалось разочарование. А кого-то из числа высматривающих даже наняли погонщиком верблюдов, на которого он мало был похож, так как дела своего совсем не знал. Очевидно, что его включили в караван через египтянина — начальника стражи царицы.

———————————————

Совместные медитации создавали тесную связь между тремя людьми. Но однажды, когда они молились в пустыне, к ним почти незаметно подошла женщина, будто возникла из воздуха. Одежда ее соответствовала бедуинской, а лицо было прикрыто так, что видны были лишь одни глаза.

Шам, первым заметивший женщину, встал, чтобы поприветствовать ее. Но неожиданно она обняла его, и повязка упала, обнажив лицо. Это была царица Иялуру.

— Я так хотела тебя увидеть и обнять! — в волнении проговорила Ия. — Роднее тебя у меня никого не осталось на целом свете! Я так скучала по тебе, брат!

Шам был растроган. Он еще не совсем привык к таким выявлениям родственных отношений, но они были ему приятны.

— Я оставила за себя двойницу, очень на меня похожую, и незаметно ушла, предупредив верных людей.

Шам указал на Аскера и Раху и подробно объяснил Ие, кто они такие, представив как близких друзей

и духовных братьев. И царица попросила в данный момент относиться к ней безо всяких церемоний, так как ей хотелось побыть в кругу простых людей и почувствовать себя наравне с ними. Она решила, что можно довериться брату и его друзьям, так как ей, окруженной соглядатаями и служанками, которые порой утомляли ее и чрезвычайно надоедали, не хватало простой человеческой дружбы и искренних отношений.

Иялуру знала, что гарем Владыки вовсе не является таким, каким его представляют. Здесь собирались самые красивые и умные девушки с целью создать духовный и интеллектуальный багаж нации, которая в течение будущих двух тысяч лет, в эпоху Рыб, будет играть ведущую роль на планете.

Поначалу царица не желала опускаться до уровня одалисок и наложниц. Но когда до нее дошли сведения, вполне подтвердившиеся, что Ариси имеет царское происхождение и являлась одной из верховных жриц Вавилона, она тайно назначила встречу с этой девушкой, которая, по слухам, жила в одном теле почти тысячу лет. Ия знала историю Шама и ту ее часть, которая была связана с покупкой Ариси на невольничьем рынке. И все это, конечно, интриговало ее. К тому же царица хорошо понимала, что если на ступенях Храма Богини Иштар народ в определенный день предается ритуальному соитию с низшими жрицами, то верховные жрицы соединяют сердца свои и души с Божествами Вселенной Света, в которой они пребывают.

Гордыня и высокомерие служили царице лишь защитой своего статуса. В узком кругу она была человеком искренним, сердечным и прекрасно воспитанным.

Царица задыхалась от одиночества среди множества дворцовых условностей, поэтому, когда появился Шам, она словно обрела полное дыхание — будто подул свежий северный ветер и над Нилом поднялась звезда Сотис, переполнившая его воды, разлив которых сулил хороший урожай и благополучие Египту. Для народа, в котором Иялуру получила рождение, Нил был отражением Небесного Пути, Млечного Изобилия. Считалось,

что молоко звезд передается Луне, а от нее — земным коровам, чьи рога считались ее символом.

Как и Шам, Ия имела видения и беседы с Учителями и обладала телепатическими способностями. Но обретенный брат стал для нее тем человеком, на которого можно было излить накопившуюся сердечную силу.

Поиски царевича

Разведка правящего фараона не дремала. Она не могла доложить своему правителю, что потеряла из виду царевича Секхема, неожиданно объявившегося в Иудее. Обшарив все уголки страны, шпионы сделали вывод, что здесь его нет. И куда он подевался, мог знать только Владыка Иудеи. Но, как говорится, у него не спросишь.

Жрец Храма Изиды предполагал, что царь послал Шама куда-то с секретным поручением, с дипломатической или иной миссией. Но, конечно, никто не мог и предположить, что Шам отправился в Фивы.

До жреца доходили слухи, что во дворце появлялся дервиш. Но значения этому он не придал, потому что святых людей или считающихся таковыми при дворе бывало много. Царь любил беседовать с перехожими людьми, часто получая от них полезные сведения и информацию такого рода, о которой они даже сами не догадывались. Сол-Амон умел читать все, что было превыше разговора. Даже если человек лгал, Владыка видел истинное событие, которое собеседник пытался скрыть или недосказать.

Следы Шама потерялись. Но была надежда на соглядатая в свите царицы. Но и оттуда не было никаких вестей, кроме того, что караван одолел пустыню и достиг берегов Нила, вернее его дельты, распадавшейся на множество рукавов.

В условленном месте, в тайнике, которым разведчики пользовались многие тысячи лет, было оставлено сообщение, что царица достигла Нила и пересела на корабль. Было передано также, что по дороге караван нагнал странника, которого с разрешения царицы взяли под опеку, позволив ему развлекать владычицу исполнением псалмов. Сопоставив полученные данные с продолжающимся отсутствием Шама во дворце, жрец предположил, что тот мог присоединиться к каравану под видом дервиша.

———————————————

Шпиону правящего фараона, который был послан в караван под видом погонщика, поручено было понаблюдать за дервишем. Но ничего серьезного он не заметил, кроме того, что тот впадал в состояние безумия, бормотал какие-то невразумительные речи, иногда пел и кружился. Шпион посчитал, что странник просто клоун, которого владычица Иудеи приняла в свое окружение для развлечения, и не более того. Дервиш недурно исполнял псалмы, когда был в разуме, но, по большей части, дурачился и совершал неподобающие вещи. Но ведь дураку позволено все.

Никаких серьезных подозрений у шпиона не возникло. Он лишь сожалел о своем положении: стоило ли пускаться в такой трудный путь, когда результат нулевой? Некоторое опасение у него вызвал лишь один факт: часто дервиш уединялся с посланниками царя, людьми, близкими Шаму. Они уходили в пустыню и долго отсутствовали. Но мало ли какие дела могли быть у них с дервишем? Может быть, им просто хотелось посмеяться над его выходками и глупыми шутками.

В конце концов, все зависело от того, какие аргументы будут им представлены в донесении. И мнимый погонщик решил просто подождать, не проявится ли каким-то образом иная сторона подозреваемого. Шпиону даже в голову не могло прийти, что законный наследник трона царей Египта может быть таким естественным

в этой роли. По его мнению, власть была не совместима с фиглярством, а достоинство — с переодеванием.

———————————————

Царицу забавляло то, как Шам, кружась и кривляясь, выделывал разные штучки, изображая юродивого. Но лучшего прикрытия и нельзя было придумать. Под видом дурака можно делать самые невероятные вещи. Дервиш мог падать под ноги в поклоне, мог хватать кого угодно, даже царицу, за руки. И все это сходило ему с рук. Но во время всех этих безумств Шам внимательно следил за сестрой и ее реакцией: не слишком ли он переусердствовал?

Иялуру понимала всю серьезность затеи и то, что если Шам допустит малейшую оплошность и неестественность в игре, особенно при дворе фараона, то это будет стоить ему жизни. Но она не подозревала, что миссия брата не только хорошо подготовлена политически, но и поддерживается разумными природными силами, а значит, арест и заключение в подземелье ему не страшны.

Ходили слухи, что у фараона есть тюрьма, выдолбленная в скалах, оттуда никто никогда не возвращался, даже мертвым. Внутри было свое кладбище и все коммуникации, необходимые для учреждения такого рода. А рабы, которыми становились заключенные, пробивали все новые и новые штольни в вечной темноте при тусклом свете. И только однажды, по ошибке маркшейдера, они пробили отверстие, выходящее на волю, но оно было на такой высоте, что те, кто пытался бежать, просто падали со скал и разбивались. Позднее лабиринты стали уходить вниз, но там не хватало воздуха.

———————————————

Родная страна Шама и Иялуры была для них до поры вредоносной, потому что под видом их троюродного брата здесь правил враг, сильный и осведомленный в тех областях, которые касались власти и попыток свергнуть

его с трона. И сейчас он ощущал волну опасности, которая шла с севера.

В магическом зеркале из крови черного быка фараон видел караван и людей. Но что-то не давало ему определить конкретного человека, от которого исходит опасность, хотя он предполагал, что это законный наследник трона. Фараон пытался разглядеть лицо дервиша, но слышал только безумное бормотание и хохот и видел прикрывающую его тонкую серебристую пелену света. А потом возникал образ сурового старика с огненным взором и происходило кружение увиденного. Видение сужалось в точку и уходило в глубь зеркала, словно камешек, брошенный в воду.

Призывая духов глубин, фараон испрашивал у них, но они молчали, ссылаясь на то, что сроки еще не позволяют ответить. И тревога нарастала, так как из Иерусалима дошли вести о пропаже брата царицы. По предположению жреца, он был послан царем Иудеи в дальние земли, и, по всей видимости, инкогнито. Фараон предположил, что такой землей может быть Египет.

Посещение подземного храма

Процессия вступила в Гизу вечером. И эта деревушка, лежащая у подножия великих пирамид, была лишь началом пути по землям обширной империи Кеми.

Царицу встретили со всеми подобающими ей почестями. А народ ликовал, приветствуя законную дочь предыдущего фараона. Но власти, исполняя протокол, были спокойны, зная, что Иялуру не будет претендовать на престол Египта, поскольку уже является царицей богатейшего на Ближнем Востоке государства.

Верблюдов оставили на постоялом дворе вместе с погонщиками. С ними вынужден был остаться и шпион царствующего фараона, так и не разрешивший загадку.

Сама судьба освободила Шама от преследования. Но все равно нужно было быть очень осторожным.

Ночное время было для кого-то отдыхом, но только не для Шама и его друзей. Они решили подняться к пирамидам, к маленькому храму, внутри которого шла служба и где при тусклом освещении можно было легко смешаться с толпой. Однако у входа в храм, откуда звучали песнопения, прекрасные и невообразимо дивные, их остановил человек, преградив им путь.

— Остановитесь! — произнес незнакомец тихим, но очень властным голосом, который Шаму показался поразительно знакомым. — Вам туда нельзя ради вашей же безопасности.

В полутьме Шам пытался разглядеть лицо неизвестного. И, обладая острым зрением, он увидел перед собой наставника Владыки Иудеи, жреца Амона.

— Учитель! — радостно воскликнул Шам. — Ты здесь?!

— Тише, сын мой, тише. У этого храма, как и у других, тысяча ушей.

— Но куда же ты так внезапно исчез после коронации Владыки?

— Я исчез, чтобы не мешать царю вести свою политику. А иначе Сол-Амона обвинили бы в симпатии к Египту, поскольку Иялуру и я представляем эту землю. А это лишний и весьма неудобный момент для отношений с другими государствами.

— Но как ты узнал меня в этом обличье? — спросил Шам.

— Я тебя узнал бы, даже если бы ты обрядился в шкуру льва. Перстень Владыки дает такое сияние, которое посвященные видят воочию. Я знал о твоей судьбе, но до времени никому не говорил о том, кто ты. Ведь я лечил и осматривал тебя на корабле. Нельзя было даже заикнуться о том, что ты пропавший без вести в младенческом возрасте принц Секхем.

В Кеми осталось множество людей, верных твоему отцу. И если желание твое состоит в том, чтобы вернуть истинную власть и благоденствие нашей родине, то я

помогу тебе, хотя это весьма непросто. Враг не спит. И не думай, что он не знает о тебе. В своем кровавом зеркале он видит наши помыслы. И то, что ты пока не проявляешь интереса к восстановлению справедливости, его не успокаивает, а пугает. Он потерял твой след в Иерусалиме, Ты настолько вошел в роль странствующего отшельника, что это стало твоим прикрытием. Не все мысли читаются врагом, но только те, которые угрожают его положению.

Кивнув в сторону Аскера и Рахи, Амон спросил:

— Это твои друзья?

Шам ответил:

— Это мои Брат и Сестра по Ордену. Горный Старец поручился за них. А с Аскером мы вместе принимали посвящение в Зале Вечного Огня. Им можно доверять.

— Хорошо. Я знаю Мудреца, пробудившего твою древнюю память, и часто с ним общаюсь. Но для исполнения нашего плана мы должны спуститься в лабиринт.

— В лабиринт?! — переспросил Шам. — Я слышал о нем, но думал, что это легенда.

— Легенда, да не совсем. Там живут святые и бессмертные души, обладающие силой планетного могущества. Лабиринт — это сеть подземных дорог и поселений, находящихся не только под всем Египтом. По нему можно пройти в такие дальние края, что это удивительно. Убеждать там тебя никто не будет. Но даже временное ношение Перстня Власти отмечается обитателями лабиринта как замечательное событие. И они прекрасно понимают, что в нашем мире для любого действия есть своя причина. А доверие Владыки Иудеи к тебе весьма значительно, раз он вновь надел на твой палец этот знак величайшей магической власти.

Мы пойдем к Сфинксу, к тайному камню. Это будет испытанием духа. Без должной психической подготовки там можно потерять сознание. Но вы, я так считаю, выдержите давление энергий святости.

И жрец повел друзей узкими улочками к темнеющему впереди Сфинксу.

———————————————

Темнота южной ночи была такой густой и непроницаемой, что, только глядя в чистое небо, можно было различить громаду пирамид, которые застилали часть звездного свода.

Амон и его спутники спустились в узкую траншею, выложенную по обеим сторонам каменной кладкой. Дорожка была узкая, не более метра шириной, и уходила вниз, к храму, над которым высилась громада величественной скульптуры.

Подойдя к высокой каменной стене, Амон долго, словно слепой, шарил рукой по камню, ощупывая поверхность и пытаясь найти что-то. Наконец, дотронувшись до небольшого выступа и слегка надавив на него и повернув вправо, жрец открыл узкую толстую дверь куда-то в глубину, откуда сочился тихий, едва заметный свет, напоминающий лунный. Аромат невиданных курений тонко-тонко напитывал воздух.

Друзья спустились на небольшую площадку, на которой едва можно было поместиться вчетвером. Они даже не заметили, как за ними неслышно затворилась дверь.

Откуда-то снизу донесся звук шагов. Приближавшаяся фигура в белом была окутана ореолом света, повторяющим все ее очертания. Это был жрец-привратник.

Амон поклонился ему. То же самое повторили Братья и Раха. Привратник ответил поклоном и произнес:

— Вас ждут для встречи Наставники. Если вы готовы, то мы пройдем прямо к ним. Но если кому-то необходимо, то здесь есть комната для отдыха.

Амон оглядел друзей и сказал, обращаясь к Шаму:

— Аскер и Раха слишком утомлены. Пусть они пока отдохнут, а мы с тобой войдем в Зал Встреч. Так будет правильно. Ночь еще впереди, и мы успеем осуществить задуманное.

Шам кивнул. Аскер и Раха действительно были не в лучшей форме. Проводив их до покоев, они пошли вслед за привратником на зыбкий сумеречный свет.

Шам пребывал в волнении и ожидал неизвестного. Он не знал, что судьба приготовила ему. Но груз короны царей Египта он пока еще не готов был принять на себя.

———————————————

Громадный зал, в который вошли Амон и Шам, был расписан цветными картинами, иллюстрирующими жизнь Богов, их подвиги и деяния. А освещен он был каким-то ровным белым светом, исходящим от вытянутых вдоль стен и по потолку светильников, словно в них был пойман свет луны или ярких звезд.

Около изображения крылатой женщины с воздетыми вверх руками сидели несколько человек в белых льняных одеждах, от тел которых исходило сияние, более мощное и значительное по плотности, чем от привратника. Взглянув на Амона, Шам заметил это истечение энергии и у него.

— Приветствуем тебя, Брат наш, Амон! Мы ждали тебя и твоего ученика, царевича Секхема. Приветствуем и приглашаем присоединиться к нам, — произнес Глава Наставников и обратился к Шаму, указывая на его Перстень:

— Дыхание Камня Силы мы ощущаем как благодать наших Богов. И здесь, в святилище Озириса, его сила особенно мощна, потому что внутрь каждой из статуй вложен магнит, посланный сердцем Ориона.

Мы принимаем в ученики очень немногих людей. За столетие их может быть всего пять — шесть человек. Но твой случай особый, так как ты можешь противостоять слуге Сетха, врага рода человеческого, который правит благословенными землями Кеми, используя магию крови и полагая, что его власть нерушима во веки веков. И сколько еще продлится боль народа Египта, зависит от твоей воли — воли законного наследника.

Ты, царевич Секхем познал многое и прошел через множество посвящений и испытаний, а посему доверие наше к тебе неоспоримо. Для глупцов и невежд власть сладка, но для разумных людей она жертва, на которую человек обрекает себя, принимая место на троне. Все

привилегии и благополучие фараона никогда не окупят его усилий по управлению государством, для чего нужна подготовка в искусстве духовной власти. Ложный путь и упоение владычеством всегда приводят к гибели как царя, так и народ, поскольку все пороки правителя усиливаются в людях, ему подвластных. Но сейчас нет времени наблюдать, как разрушается истина и попираются святыни.

Наше Братство управляет судьбами мира. И его святилища есть в разных местах. Но в Египте оно сокровенно и вечно пребывает со времен древнейших. Сеть подземных путей связывает нас с Великой Обителью Света. И ее благословение позволяет нам предложить тебе занять законное место на троне. Огонь твоей чистой души виден нам. Ведь в твою плоть вложена сила Отца твоего, Бога Ра, и Матери Сотис Великой, которые и были основателями Белой династии.

Каждый из наших Братьев в свое время был царем. И мы берем на себя бремя власти, потому что знаем ее возможности.

Знай, что на весах твоего сомнения лежит судьба Египта. Не обольщаем тебя силой владычества, но призываем восстановить справедливость. Ведь после смерти фараона сестра твоя была отстранена от трона, хотя имела на него право. Погибло много преданных твоему отцу людей, но немало и осталось.

Твое решение может изменить судьбу державы, но принуждать тебя никто не будет. Пусть путь твой до Фив станет временем размышлений. Я как Глава Братства благословляю тебя. И совместные силы Братьев — с тобой. Волны судьбы принесли тебя к нашему берегу. И ты Светом Мудрости освещен.

Глава Мудрецов смолк. И Шам склонился в поклоне.

— У нас есть и короткие пути до Фив и к царскому чертогу, — добавил Мудрец.

— Благодарю, Владыка! — еще раз поклонился Шам. — Но, как известно, нужно пройти ногой человеческой свой путь, а рукой человеческой — отметить

плод созидания. Я провожу сестру. Ее нужно оберегать от многого.

Глава Братства вошел в комнату, где спали Аскер и Раха, и, благословив их, дал знак привратнику, что пора разбудить их. Привратник исполнил приказ.

Смущенные юноша и девушка поклонились Мудрецу и промолвили почти вместе:

— Мы сильно устали. Простите нас. Мы так мечтали вас увидеть.

— Дети мои! Мы с вами увидимся еще не раз. И в прошлом мы уже встречались — иногда на мгновение, а бывало, что и надолго. Вы связаны с нашим Братством и всегда будете в сердце моем.

———————————————

Ночь кончалась. Пришло время возвращаться. И старый жрец вывел друзей к месту, где они встретились, к воротам старого храма около большой пирамиды. На прощанье Амон обнял Шама и на правах одного из наставников шепнул:

— Решение — за тобой. Время пути до столицы вручено тебе для раздумий. Братья будут ждать. Против воли твоей никто не поступит. И я всегда буду рядом при необходимости. Перстень Владыки Сол-Амона — это редкая возможность сразить самозванца. Но мысли об этом не стоит выражать громко. Узурпатор осведомлен о твоем исчезновении из столицы Иудеи, но не предполагает, что твой путь проходит инкогнито. Для тебя же это повод потренировать память, вспомнить все молитвы и заклинания стихий. Незаметно для себя ты становишься Магом Света. В наше время это дает возможность войти в великое Братство Белого Хлеба, которым окормляются души верующих.

———————————————

Лагерь отдыхал в ночной прохладе. И даже часовые, его охраняющие, под утро дремали. В эти предутренние часы сон всегда так крепок, что трудно с ним совладать без применения особых снадобий. И друзья,

пережившие столько впечатлений, уснули, едва прикоснувшись к ложу.

Путешествие вдоль Нила

Дальше по Нилу царице предстояло плыть на корабле с гребцами, который предоставила египетская власть. До великих порогов Абу-Симбела Нил был судоходен. На быстрой волне корабль тянули против течения слуги, а при попутном ветре он шел на парусах. Но царица часто сходила на берег. По хорошей дороге можно было передвигаться и на повозке, которая была высокой и просторной, задернутой шелковыми занавесями и устроенной так, что в ней почти не трясло.

По берегу реки идти было легче. Прохлада, которую источала вода, освежала. И даже легкий ветерок овевал лица. Зелень убаюкивала путников. А Нил шумел и что-то говорил, особенно по ночам, когда звезды купались в волнах тихого потока.

Корабль был связан из тростника. Он был легким и комфортным, оборудованным для царицы со всевозможными удобствами. Иногда и Шаму позволялось выступать на палубе этого судна.

Однажды Ия, позвав Шама к себе, обняла его и поцеловала, не говоря лишних слов. Соглядатаев можно было пока не опасаться, хотя начальник личной охраны, конечно же, следил за всеми приходящими. Но брат и сестра не знали, что ждет их впереди, и пока наслаждались мигом настоящего.

Лишенная близких семейных отношений, царица благодарила судьбу за найденного брата, на которого можно было излить всю любовь и нежность. Она наблюдала за его игрой и думала о том, какой великий артист в нем живет. Но, может быть, это была великая игра, которую затевают Боги?

Египтяне знали о реинкарнации и верили в нее. Великие души по-прежнему приходили для воплощения в Кеми, некогда ведущую державу мира, которая и сейчас еще не потеряла своего могущества. И даже само Великое Братство пребывало здесь в тайных городах, скрытых в глубине песков, вход в которые начинался под пирамидами.

Шам давал фантазию своим способностям. Он имел при себе подобие маленьких гуслей, которые обладали таким редким звучанием, что, даже просто касаясь струн, можно было вызвать глубокие душевные волнения. Но Шам любил исполнять и чувственные песни, отражающие любовные переживания. А гимны рождались в нем и лились с его языка так, словно были сочинены заранее. Воздействие их было необъяснимым. Глубиной своей они будоражили воображение и, казалось, преодолевали запрет входить в сферы чистых чувств и сияющих мыслеформ.

Во время исполнения одного из таких гимнов Иялуре явилась в пространстве Сама Матерь Изида, Царица Богов, которой она поклонялась. После долгой беседы Великая Богиня начертала в воздухе знак благословения и вошла в ее сердце. От такого события Ия не смогла справиться с собой и зарыдала. Она отослала прочь охрану и прислугу и оставила около себя только Шама, который понял причину ее переживаний, потому что сам не раз испытывал подобные состояния.

Иялуру открылась брату и начала расспрашивать его о значении происшедшего. Но Шам, улыбаясь и немного смущаясь в обществе сестры, царственно прекрасной женщины, прошептал только одно: «Богиня тебя избрала».

Открывшееся сердце царицы предвещало великую судьбу и откровение многих тайн. Это не было следствием усталости от долгой дороги. Таким образом Мать Изида приветствовала Свою дочь на землях, Ей подвластных, и указала, что очень близки перемены в судьбе великих стран, некогда воевавших между собой, но теперь живущих бок о бок в мире и согласии.

———————————————

Храмы Египта поражали воображение. Как возможно было возвести такие громадные сооружения руками человеческими? На ум приходила мысль о том, что и здесь трудились великие духи, которые обладали невероятной силой, позволяющей возводить такие монументальные построения.

Среди колонн можно было бродить часами, теряя счет времени и удивляясь красоте знаков, начертанных на них. Но внутрь святилищ жрецы впускали не каждого.

Задача упрощалась тем, что было известно о поклонении царицы Иудеи Богине Изиде и признании ею всех Богов египетского пантеона. А спорить с женщиной царского рода было не только бесполезно, но и опасно. Охрана царицы, вышколенная и выученная, состояла из испытанных воинов, имеющих боевой опыт. И возглавлял ее очень известный прежде в стране военачальник. Он вынужден был отправиться в Иерусалим вслед за царевной, чтобы не впасть в немилость и не подвергнуться репрессиям, потому что переворот по отстранению дочери фараона от власти мог отразиться и на его карьере.

Начальника стражи утешило то, что его назначили в Иудейском государстве смотрящим за агентурой правящего фараона. Но он не спешил исполнять какие-либо поручения. Более того, он надеялся, что когда-нибудь его судьба изменится и он, боевой генерал, возвратится в войска. Он мечтал о дальних походах. И визит царицы Иалуры на родину некоторым образом разрядил его застоявшуюся силу, присущую темпераменту воина.

Начальник стражи имел большой опыт в своем деле. Но, помимо этого, он был почитателем Изиды, а также грамотным и образованным для своего времени человеком. Поэтому, когда Иалуру выдали замуж за царя Иудеи, именно его кандидатуру выбрали из многих, чтобы он возглавил личную охрану и стал тенью царицы. Он боготворил Ию и разделял ее пристрастия и интересы. Так и не женившись, он видел в царице идеал любимой

женщины и ради нее мог лишить жизни кого угодно, даже себя самого.

Личный телохранитель был обязан оценивать каждого, кто близко подходил к Иялуре. А у нее было множество служанок, портних и поварих. Для мужчин вход в ее покои был ограничен. И лишь в исключительных случаях им позволялась аудиенция.

Наблюдая за дервишем и его друзьями, главный стражник легко догадался, что они знакомы давно. Это было видно по выражению их лиц и той симпатии, которую они излучали по отношению друг к другу. А то, что дервиш, бедный и безродный, обратил на себя внимание царской особы, было если не подозрительно, то любопытно.

Царица часто приглашала дервиша к себе и беседовала с ним без свидетелей. И после этого она на какое-то время из капризной женщины превращалась в самое совершенное существо. Наблюдаемое в ней при этом волнение можно было отнести к действиям святого человека и исполненным им гимнам, в том числе и египетским Богам, но все же это больше походило на проявление любви. Но разве могла царица позволить себе снизойти до дервиша? Нет, здесь скрывалось что-то иное. Страж, размыслив, все-таки отнес все к пению святого. И это его успокоило. А по своей реакции он знал, что внутренняя правота для человека самая правильная.

Но и возможность того, что под видом дервиша идет Шам, порадовала главного стражника. Пусть будет так — и он посмотрит, в какую сторону повернется судьба. Ведь он прекрасно знал историю Секхема, царевича египетского. А близость к Иялуре, его сестре, может сыграть значительную роль.

Все знали об исключительной проницательности Иялуры. Ей было бесполезно лгать или как-то иначе кривить душой. Она умела распознавать малейшие оттенки фальши как в людях, так и в драгоценных камнях, которые оживали в ее руках и начинали источать естественный блеск. И, конечно, она могла распознать и оценить искреннюю преданность.

Имея значительные духовные накопления, обретенные в прошлых воплощениях, Иялуру не раз сталкивалась как с искренним почитанием, так и с откровенными ненавистью и насилием. И последним эпизодом, омрачившим существование дочери фараона в Египте, было отстранение ее от власти. Ее выдали замуж против воли, и она не знала, что найдет во дворце царя Иудеи. Но, безусловно, все происшедшее не лучшим образом повлияло на ее отношение к Владыке.

Караван двигался вслед за кораблем. И половина пути была уже пройдена. Начальники близлежащих номов, административных единиц Египта, обустраивали встречу и размещение царской особы. И, если это было необходимо, они встречали караван лично, отдавая распоряжения в отношении бытовых мелочей.

Время наблюдений и раздумий

Был ли тайный смысл в том, чтобы царевич Секхем проделал пешком путь от дельты Нила до столицы, ведали только Учителя. Но, конечно, ему нужно было время для ознакомления с родиной, с той страной, которая напитала его своими соками и откуда кровь его получила драгоценность первородной воды, чья формула у людей не меняется в течение всей жизни.

Наблюдение за жизнью простых людей в обличье человека, близкого им, давало такой неоценимый жизненный опыт, который не получишь даже из тысячи рассказов. А рождение правителя всегда начинается с обучения и воспитания. Не имея опыта суровых переживаний и не пройдя путь тяжелого труда, обездоленности и бедности, разве можно понять человеческие нужды? Надо увидеть своими глазами, как люди живут и трудятся, и получить собственные впечатления, неподдельные и не заменимые ничем другим.

Переход по берегу Нила был совсем не прост. Это была не банальная прогулка. Острый глаз Шама подмечал многое. А обращение с рабами, даже на примере гребцов, неустанно работавших веслами под свистящими бичами надсмотрщиков или перетаскивавших корабль через пороги, наполняло его сердце несмываемым драматизмом.

———————————————

Наблюдения за жизнью с позиции претендента на престол, имеющего законное на это право, были совершенно иного рода, чем в то время, когда Шаму еще не открылось его происхождение. Впитывая случайные разговоры о бедах и неурядицах, горькие слова о голоде, связанном с неурожаем, а также слухи о мздоимстве и произволе властей, Шам начинал сознавать необходимость помочь людям и изменить их жизнь к лучшему. Надо было устранить всеобщее озлобление и зависть, которые являлись следствием несправедливости, и оказать помощь такого уровня, чтобы она дошла до каждого жителя пустыни и города. Сострадание заставляло внимательнее посмотреть на мир людей, чей быт был несложен и состоял из незатейливых потребностей.

Наставники мудро поступили, предоставив Шаму самому решить, будет ли он пытаться возвратить корону или останется в стороне. Ведь безграмотные и убогие существа, пребывающие в нищенском состоянии, не могли оставить равнодушным человека с живым сердцем. Царская власть грабила народ, отбирая у него все — разве что кроме права дышать и молиться. И в связи с таким отношением росло неверие в существование Сил Небесных.

Жители прибрежного Нила и окрестных деревень, прослышавшие, что царица Иудеи плывет на корабле, и помнящие о том, чья она дочь, выстраивались по двум противоположным берегам, приветствуя ее, и протягивали руки, моля о помощи. Иялуру приказывала причалить то к одной, то к другой стороне и, чем могла, оказывала помощь, вплоть до раздачи хлеба. Но обоз

был не безграничным и обязан был кормить войско, ее сопровождающее.

Шам все видел и слышал. И его решимость исправить положение многих тысяч людей постепенно возрастала.

———————————————

Вызревание окончательной стадии выбора, как и творческие муки, всегда вызывает страдание. Любая воля должна объяснить себе, своему уму и чувствам, своей сердечной силе, что приговор необходим и его нельзя обжаловать, а лишь подтвердить окончательным актом.

Все рождается в уме, в мысленном поле. Здесь собраны энергии планирования и способы достижения цели. Но Шам цели не искал. Она сама, с самого раннего детства, вела его к высокой миссии. И посещение круглого подземного зала с вечным огнем, по соседству с которым находился его дом в Сирии, конечно же, не было случайным.

Здравые мысли в Шаме сменялись сомнениями. Одно решение отменяло другое. Но вдруг, лишь на короткий миг, мелькнуло лицо Горного Старца. И Шам только и смог услышать: «Успокой сердце!»

И Шам последовал этому указу. Его сердце не замолчало, но настроилось на излучения Перстня Власти. Он увидел всю планету в необозримом небе. Она плыла среди созвездий. И на ней были тысячи городов и стран, вождей и правителей, войн и примирений, а также множество горя и несчастий, которые совершались по воле правящей власти. Вожди даже не замечали, что в войнах был один победитель — смерть, собирающая бесконечную жатву. И стать царем означало подвергать людей опасности во имя государства. Но без этого не может осуществляться защита людей и их благополучия.

Корабль сестры плыл по Нилу. А Шаму, глядящему на пробегающие потоки воды, казалось, что это река его мыслей несет навстречу ему его жребий. И эта участь имела вид двух подхваченных течением травинок, мыслящих совершенно по-разному. Одна из них плыла

спокойно, думая, что это она направляет течение реки и указывает ей путь к морю. А другая постоянно тонула и захлебывалась в воде в попытке остановить поток, но в конце концов должна была смириться, принимая закон жизни. Преградить поток судьбы и действовать ему наперекор не мудро, хотя можно, конечно, прибиться к тихому берегу и доживать свои дни в зарослях тростниковых.

Судьба, цель, долг, обязанность начали сопрягаться в размышлениях Шама с желанием облегчить участь страждущего народа. И это стало преобладать в нем над жаждой той свободой, с которой ему предстояло расстаться.

———————————————

Несмотря на то, что Шам становился все серьезнее и молчаливее, он не переставал удивлять сестру и ее свиту своим мастерством, от выступления к выступлению совершенствуя свое искусство. Наравне с пением гимнов в его способностях появилось новое направление — имитация голоса. Он мог говорить так же, как другой человек, со всеми его речевыми оборотами и словарным запасом.

Почему открылся этот талант, Шам не знал. Но он полагал, что здесь сыграли роль его занятия актерским мастерством. Но был еще и Перстень, который был способен и не на такое. Ведь Камень-Отец, из которого был взят кусочек для него, приводил целые страны к процветанию и расширению сфер влияния.

Камень-Отец был магнитом благоденствия для людей разных социальных слоев. Он умиротворял их не ленивым обывательством, сытым и скучным, а возможностью приложения способностей в тех делах, которые необходимы для общественной пользы. Камень творил дело космической гармонии, оставляя только благой след в истории Земли. Времена проявления Камня были связаны с расцветом самых высоких и духовных свойств человечества, на которое его излучения оказывали самое благотворное влияние.

Творчество Шама нарастало в своем качестве стремительно, потому что излучения Камня высвобождали из его Чаши спящие до времени способности и таланты. А у каждой души их имеется с избытком. Ведь наш опыт накапливался не только в материальных существованиях, но и в светоносной форме ангелов, видьядхаров или гандхарвов. У каждого существа есть свои предрасположения. Так, видьядхары владели секретом различных специальных знаний. А гандхарвы обладали певческими и музыкальными талантами, имея способность сочинять гимны и песнопения, а также перевоплощаться в того персонажа, которого играли, вплоть до принятия физического облика, не отличимого от этого существа, будь оно даже Богом или Богиней.

Шам не стремился отождествиться с тем аскетом, которого так искусно играл, но понимал, что персонаж начинает влиять на его характер. Плохо это было или хорошо, могло прояснить лишь время. Впрочем, особого беспокойства по этому поводу у него не возникало, так как черты аскетического поведения и так всегда присутствовали в нем.

———————————————

Аскер и Раха глубоко опечалились тем, что не смогли выдержать поток чистой энергии лабиринта под пирамидами. Они знали об этой святыне и жаждали побывать там. Но Шам успокоил их, объяснив, что даже одно то, что их троих допустили в такое место, — это уже знак величайшего доверия Братства к ним.

Союз между друзьями становился все крепче. А юноша и девушка все более находили друг в друге опору и были признательны Шаму за это путешествие, в котором их души срослись неразрывно.

Шам почти решился принять предложение Братьев. Оставалась малая неуверенность: а сможет ли он управлять такой громадой людской или станет марионеткой в чьих-то руках?

Шам прекрасно понимал, что ему, не имеющему опыта политических игр, будет трудно. Но все же такой

образ был для него не совсем нов, так как он уже выступал переговорщиком, исполняя поручения Владыки. Один только поход к Горному Духу оставил у него множество впечатлений и накоплений в способах поведения. К тому же Амон, являясь представителем Великого Иерофанта Света, обещал ему свою помощь. Еще не поздно было отступить и остаться не обремененным ничем, кроме творчества и друзей, но высший долг уже повелевал явить себя землям Кеми. И сама просьба Великих Братьев склоняла весы решимости к окончательному выбору.

Веление Иерархии не всегда совпадает с собственными желаниями. Но ведь и судьба не всегда дает шанс утвердить себя одним из Владык Мира. Египет был еще достаточно силен, владел громадными землями, и до заката его эпохи было еще далеко. Его правители не всегда были равноценными и искушенными в делах государственных, но на то и существовали мудрецы и советники, чтобы найти ответы на возникающие проблемы.

Борьба предстояла непростая. Было ясно, что, как только Шам примет окончательное решение, сделав необратимый и неотступный шаг со своей стороны, в пространстве обнаружится уже сформированный облик нового фараона и отразится как в Зеркале Времен, так и в кровавой гуще видений врага, занимавшего трон сейчас. Потому, зная законы магического искусства, Шам решил принять обет мысленного молчания до той минуты, когда река судьбоносности укажет ему ту безопасную пристань, куда можно будет причалить.

Он знал о существовании еще живых сподвижников отца, о чем ему говорила Иялуру, и потому успокоился, создав атмосферу затишья перед таким важным событием.

А пока безвестный и полунищий аскет шел по берегу Нила в общей свите царицы Иудеи. И его никто не узнавал, кроме нее.

Монстры

Безлунная египетская ночь была насыщена густой тьмой. И только свет факелов создавал очаги освещенных мест.

Пение нильской воды убаюкивало даже стражу. Но под утро весь караван был разбужен криками людей из рыбацкой деревни. Кто-то взывал о помощи, кто-то невидимый бежал во тьме.

Царица срочно отправила отряд в сторону беспокойных криков. Воины быстро домчались на конях и увидели около костров страшную картину. Люди были не просто убиты — они были перекушены каким-то гигантским зверем. От некоторых остались лишь части тел. И в этом кровавом месиве невозможно было найти живого человека. А если такой и обнаруживался, то оказывался невменяемым от страха.

Одного из оставшихся в живых, который непрестанно рыдал и сидел, обхватив голову руками, доставили в лагерь, где стоял караван. Но от него не могли ничего добиться. Он с упреком и просьбой взывал к Богам и впадал в невыразимое отчаяние и душевное волнение. Царский лекарь отпаивал его каким-то снадобьем, но, так и не получив вразумительного ответа, его уложили в шатер и решили подождать до утра.

———————————————

Рассказ пришедшего в себя очевидца события ошеломил и ужаснул всех, его слушавших. Прошедшей ночью из-под земли внезапно появилось гигантское существо в виде громадного червя или змея, которое стало пожирать людей. И делало оно это до тех пор, пока не насытилось. А отогнать его удалось, лишь разведя громадный костер, которого чудовище испугалось.

Обследовав деревню, стражи царицы не нашли отверстий в земле или тоннелей, куда бы чудовище могло уползти. И это означало, что оно передвигалось в глубине песка, как любое пустынное создание.

Оставшиеся в живых жители были настолько испуганы, что не желали возвращаться к своим хижинам. Собрав свои скудные пожитки, они попросились пойти вместе с караваном. Что их ожидало, они не знали, но оставаться на месте кровавой трагедии совсем не хотели, сколько бы их ни уговаривали воины.

Но присоединиться к свите царицы было не так просто. Требовалось высочайшее дозволение. Но, выслушав историю о нападении змееподобного существа, царица согласилась принять под свое крыло бедных людей, но с условием, что они дойдут только до границ столицы Египетского царства и останутся там, не следуя дальше, до дворца фараона.

———————————————

Подземные черви и змеи посылались в пустыню для устрашения людей царствующим самозванцем, захватившим власть в Египте. Сея страх, он укреплял свое темное могущество, выпивая энергию страданий и смерти.

Незаконный правитель был уверен в своей незыблемости. И совесть его не мучила совсем. Управление Египтом ставленником Сетха считалось платой за унижение отвергнутого даже родителями младшего брата, создавшего подземную империю монстров. Выход чудовищ на поверхность удерживали Братья Света. Но те из них, которые прорывались наверх, уничтожали целые поселения, питаясь человеческой плотью. И правящий фараон был спокоен, имея такую армию глубинных демонов, полагая, что справиться с ними не способен ни один человек. И эта уверенность переросла в устойчивую безоглядную самонадеянность и невежество темного бесстрашия, для которого люди ничего не значили и были нужны лишь для того, чтобы распространять среди них страх перед уродливыми порождениями. А этот страх питал Владыку Тьмы.

Странствующий пророк

— Ты стоишь у порога исполнения своей задачи, ради которой пришел на землю. Моя задача по приведению тебя к нынешнему положению закончена, — сказал Шаму в одном из сонных видений Горный Старец. — Я с тобой не прощаюсь, но с этого момента непосредственно наставлять тебя будет Амон, один из близких учеников Великого Иерофанта Белого Братства.

А Шам мирно спал в одном из шатров для слуг. И это его нисколько не смущало. То сословие, в котором он сейчас пребывал, считало себя существами, добившимися высокого положения собственными усилиями. Но, на самом деле, эти люди завидовали друг другу, пытаясь добиться расположения царицы. И потому для них было удивительно, что она приняла бродячего дервиша в их круг с такой легкостью.

Но свое неприятие к дервишу слуги опасались выражать открыто, искренне полагая, что он обладает качествами колдуна и способен навести на них порчу или наслать болезнь и полосу неудач. Потому они терпели его, кормили и, скрепя сердце, оказывали знаки внимания, которые полагаются в отношении святого человека.

Несмотря ни на что, в этих людях вера была еще достаточно сильна. И никто не мог разуверить их в том, что Высшие Силы управляют миром природы и миром людей. И то, что без велений судьбы никто шагу не может ступить, им не нужно было объяснять. Но в невежественном сознании вера и суеверие занимали равное место, а молитвы светлой Богине или Богу Гору не отменяли просьб о нанесении вреда ближнему, который уж очень сильно досадил. Шам все это видел, но не пытался кого-либо поучать или делать замечания. Он просто следовал амплуа своей роли.

———————————————

Шам делал вид, что впадает в божественное безумие. И многие из свиты царицы принимали всерьез его выкрики, обвинения и слова, обращенные в будущее. Сам Шам знал, что освобожденная душа человека, изображающего из себя дурака, часто оказывается правой, даже произнося что-то шуточное. Во всех странах блаженные, кликуши и юродивые считались пророками, через которых, в припадке их безумия, говорит Сам Господь. Как правило, непривязанность к мирским ценностям давала этим людям необъятную свободу и отсекала ту мысленно-чувственную часть, через которую действовали искушения, страсти и пороки.

Порой игра Шама доходила до того, что он падал на землю, закатывая глаза, и бился в конвульсиях, а из его рта шла пена. Однажды увидев это, начальник стражи царицы твердо убедился в том, что этот безумец вовсе не Шабал бен Суффрем. Он больше не тратил время на свои подозрения и не вспоминал о дервише, поверив в его искренность бесповоротно. Но для Шама такая игра была вершиной его актерского мастерства. Ведь редко кому было под силу без вспомогательных средств, используя только мощь воображения, вызывать поток слез или пену, исторгающуюся изо рта. За ним закрепилась слава святого безумца. И теперь, даже если у кого-то ранее и возникали сомнения в его подноготной, все подозрения развеялись.

Слава об удивительном странствующем пророке почти мгновенно разлетелась по окраинам Египта и дошла до самых Фив. Все желали увидеть дервиша, которого караван подобрал в пустыне. Молва приукрасила детали событий, передавая, что сама царица, выйдя в пустыню, обнаружила едва живого человека. И люди, сами того не зная, повторяли историю, которая произошла с Шамом лет за пятнадцать — двадцать до этого времени. И все эти обстоятельства были весьма полезными для Братьев Света.

Сам того не ведая, Шам отвел от себя все подозрения. И даже самозванец, которому доложили о дервише, подумывал, не пригласить ли его на аудиенцию. Ведь интересно, что ему скажет этот сумасшедший, не обремененный лестью придворных астрологов, гадателей и магов, страшащихся испугать правителя. И, может быть, от него можно будет получить точные ответы на те вопросы, разрешение которых осталось за пределами возможностей красной магии и духов недр, общавшихся с фараоном.

И, действительно, с некоторых пор духи недр стали более осторожными в своих ответах, зная, какими силами способен управлять нищий дервиш. Ведь некогда сам Шад поклялся служить великому Камню Власти, почуяв присутствие и мощь божественной силы. Духи знали, что в Египет пришел будущий владыка земель Сфинкса. И даже подземные твари затаились глубоко в своих норах, не пытаясь нанести ему вред, так как знали, что могут погибнуть от того ослепительного синего луча, который его сопровождает.

Мир застыл в ожидании, как это бывает перед великими потрясениями, когда кажется, что все хорошо и никаких перемен не будет, а благоденствие настолько стабильно и устойчиво, что не может изменить себе и людям, доверившим ему свои жизни. Но затишье перед бурей, которое большинству кажется благостным и ничего не предвещающим, видится зловещим тому мизерному числу знающих, которые с тревогой ожидают перемен, будучи не в силах остановить или каким-то образом предотвратить нарастающий ком событий. Так, набирая обороты, катится с высокой горы снежная лавина, сметая с пути все, что мешает ей.

———————————————

Иялуру, прослышав о делах дервиша, изумилась способностям своего брата, которые он совершенствовал даже в таком трудном походе. Ей было проще. Она была окружена комфортом, и малейшее желание ее исполнялось. Но каково же было Шаму переносить тяготы пути

в кругу простых и невежественных людей? Но таковы были правила игры. И с этим ничего нельзя было поделать. Но Аскер и Раха заботились о Шаме, стараясь всячески облегчить бытовые мелочи и неудобства походной жизни.

Казалось, что сама судьба ведет дервиша во дворец фараона, который возжелал увидеть этого чудесного человека, способного в приступе безумия изрекать веления Богов. И степень интереса правителя в какой-то момент стала настолько велика, что он приказал при первой возможности выкрасть дервиша и привести его в свои покои. Но сделать это, пока караван не прибыл в место назначения, было бы весьма неосмотрительно. Фараон опасался охраны царицы, состоящей из сильных воинов. Нужно было подождать. Когда свита царицы прибудет во дворец и почувствует себя расслабленной, можно будет под видом приглашения на аудиенцию взять бродячего пророка в плен. Его можно арестовать как шпиона царя Иудеи или какого-то другого государства. Кто будет искать и проверять, жив он или нет?

Правителя, конечно, интересовала собственная судьба, поскольку положение властителя Египта было очень уж сладким. И об этом он хотел расспросить пророка. А поскольку дервишу не привыкать к скромным условиям жизни, камера в подземелье дворца будет для него вполне приемлемым местом существования.

Братья знали о замысле темного владыки. И на этом был основан план внедрения Шама в царское окружение, что должно было стать началом важных перемен в землях Кеми. Но ни одна из сторон пока не решалась сделать ход в этой игре. Конечно, силы, стоящие на стороне Шама, предпринимали упреждающие шаги, среди которых и магическое искусство было не последним средством.

Магия была чудом лишь для простых людей. Но для тех, кто ступил на путь знания, это была обычная научная работа, в действенности методов которой никто не сомневался. Магией было как получение света без помощи свеч и дров, так и выращивание искусственных кристаллов, а также использование знания о фазах луны

и сроках солнечных и лунных затмений. Все то, что не вмещал невежественный разум, было магией.

———————————————

Применяемая тактика давала свои результаты. Ведь иногда то, что на первый взгляд кажется неприемлемым и невыносимым, в конечном счете приводит к благим последствиям. Теперь люди, встречая караван, приходили смотреть не только на царицу и ее раззолоченную свиту, хотя и это было весьма любопытно, но и на нищего дервиша, которого трудно было угадать в громадной толпе слуг и общего сопровождения.

А Великий Иерофант лишь улыбался, зная причину событий, которые вихрем собирались вокруг визита дочери бывшего фараона. Все это было лишь прикрытием для приближающихся значительных перемен в мире Ближнего Востока.

И царица Ия после очередной встречи с Шамом сказала ему, что все события приняли такой оборот, о котором она сама и не мечтала.

Сам Шам играл, но не переигрывал. И улыбка, которую он прятал в бороде, была не насмешкой над людьми, а грустной усмешкой человека, внезапно оказавшегося в гуще событий и неожиданно для себя ставшего их средоточием.

До Фив оставался один переход. Будучи предупрежденным об опасности насильственного заключения и следуя совету своих Наставников, Шам решил уйти вперед. Накинув на плечи легкую суму, он вышел в темноту, чтобы опередить караван и приютиться где-нибудь в скрытом месте. Одному легче затеряться в пространстве южной ночи.

Фивы

Царствующий фараон был дальним родственником Иялуры. И приближение каравана вынуждало его отдать распоряжение принять царицу Иудеи достойным образом, потому что это был визит доброй воли и, по всем дипломатическим канонам, его нельзя было проигнорировать.

Ничто не смущало в этом визите темного властелина. И только однажды в окружении царицы он увидел яркий синий луч, который ослеплял его и не давал четко увидеть подробности личных встреч и услышать разговор. Обычно за всем можно было следить на расстоянии.

Фараон послал своего тайного слугу, духа низшего царства, все разузнать на месте. Но тот, по совету Шада, ничего ценного не принес. Из общих сведений было доложено о многочисленном окружении: воинах, советниках, лекарях, музыкантах и фиглярах.

Но что же могло быть причиной такой мощной и чистой энергии? Ведь только сердце и ум святого человека способны источать такой светоч, уходящий далеко в пределы Неба. Или, быть может, это реликвия или древний артефакт, собравший и хранящий в себе небывалую мощь святости. И этот свет не астральное блистание пульсации вселенной, а разумная исцеляющая субстанция, которой сознательный хаос чрезвычайно опасается. Стало быть, причина может быть как в человеке, так и в предмете. Но что если эти два понятия слиты воедино? И что может означать появление на землях Египта таких феноменов? Так думал самозванец. Но Братья усиленно психологировали присутствие аскета в караване, поэтому больше подобных обнаружений не происходило.

———————————————

Во дворце готовилась пышная встреча, невиданная по всем меркам. Строилась арка с цветочными гирляндами и разного рода украшения и скульптуры Богов устанавливались при въезде в город Фивы. Ставились палатки для раздачи бесплатного угощения народу. Возводился помост для фараона и царицы Иудеи. Приветствующая толпа должна была стоять на солнце и размахивать цветами на протяжении всего проезда царицы до покоев, ей отведенных.

Государственный визит обставлялся с необычайной пышностью отчасти для того, чтобы показать, что Египет переживает расцвет своего могущества. Но, на самом деле, все было не так. Народ угнетал жестокий и самолюбивый правитель, собравший в своем окружении подобных себе негодяев, которые, собирая налоги, не забывали и о собственном обогащении. И кто мог проверить честность людей, поставленных служить государству? Никто даже не думал о нуждах бедноты, прозябающей в глубокой нищете. А если кто-то из простых людей пытался вырастить для себя овец или верблюдов, то все это сразу же отбиралось под предлогом налоговых недоимок.

Фараон купался в немыслимой роскоши. Чиновники высшего и мелкого плана подражали правителю, не задумываясь ни о просвещении детей, ни о том, что ждет их в будущем. Бремя несчастий опустилось на страну покровом печали. И казалось, что выхода из этого не будет никогда.

Подобное разрушение сверху пережила не одна нация. И исправление ситуации в народе всегда увязывалось с появлением достойного, добросердечного и умного пастыря. Вера в доброго царя жила в душах простых людей вместе с надеждой, что он, наконец, выправит все искажения великого закона справедливости и даст то, что необходимо каждому. Но даже если и случалась благоприятная смена власти, то оставшиеся царедворцы бывшего правителя саботировали прогрессивные указы

и искажали их до неузнаваемости. И новому правителю, не опытному в делах управления, всегда было трудно разгребать завалы закоренелой бюрократии.

Но всего этого Шам пока не знал. Он шел вперед под видом одинокого дервиша, обогнавшего свой караван.

Участь истинного правителя состоит в том, что он приносит в жертву народу свою жизнь, забывая о развитии собственных предпочтений и талантов и отдаваясь иному виду деятельности. Но Шам меньше всего думал об этом, пока еще был одет в рубище дервиша. Он просто слушал, о чем поет вода, хотя берег был не так безопасен. Множество крокодилов водилось в Ниле, и люди гибли, приходя за водой для полива. Жрецы запрещали убивать этих животных, обожествив их. Но и эту проблему с расплодившимися чудовищами нужно было решать.

Правящему фараону массовая гибель была на руку, потому что его демоны питались страхом людей и эмоциями страданий. Для него люди были теми же животными. И зачем делать трагедию из естественной пищевой цепочки? Так полагал самозванец, забывая, что труд простых людей кормит царский двор, армию и чиновников, а также его самого.

Процессия приближалась к столице. Но дервиш куда-то пропал. Он словно растворился в море народа. И нигде его не могли найти, несмотря на настоятельный приказ царицы привести его к ней. Иялуру понимала, что все это странно и опасно, но необходимо было смириться с таким положением вещей.

———————————————

Всадники проскакали почти в темноте, когда сумерки уже сгустились и время близилось к ночи. Они не заметили Шама, который сидел между пальмами, невдалеке от дороги. Всадники спешили передать начальнику стражи царицы и церемониальным вельможам, как будет организована встреча. А заодно им было поручено увидеть святого безумца, пророка-дервиша, чтобы знать его приметы и при случае арестовать на улицах Фив. Ведь трудно обнаружить неизвестного человека среди

толп бедного и нищего народа, хлынувшего в столицу со всей страны.

Когда посланцы прибыли в лагерь, их приняли высшие чиновники из свиты царицы. Были обсуждены все детали протокола. Но на вопрос о дервише им ответили, что тот исчез. Посланцы были весьма опечалены этим известием, так как был вариант не только увидеть его, но и выкрасть и привезти к фараону. Но делать было нечего. Пришлось возвращаться ни с чем, предположив, что нищий пророк все равно появится в столице вместе со свитой царицы.

Но один из шпионов предложил поймать на дороге первого встречного и выдать его за дервиша. Это было лучше, чем возвращаться с пустыми руками, вызвав недовольство фараона. А там, пока расследуют что да как и что это совсем не тот человек, пройдет время.

На обратном пути к столице всадники накинули на голову мешок проходившему мимо человеку, предварительно засунув ему кляп в рот, и, взвалив связанного на коня, поскакали в Фивы. Они понимали, что, узнав все, начальство будет недовольно, но ответ у них был готов: ошибок никто не может избежать. Судьба пойманного человека никого не интересовала: ведь сам фараон кормит монстров преисподней живыми людьми, не щадя ни малого, ни старого. А этого бедолагу в лучшем случае выпустят, если только он под пытками не признается, что он и есть пророк: ведь его крайняя изможденность и нищенская одежда очень подходят для предполагаемого персонажа.

———————————————

Шам, конечно же, обо всем этом не знал и мирно предавался своим размышлениям. Но в его умных видениях промелькнула вся эта сцена, и он предположил, что она как-то касается его и с ним могут поступить подобным образом. Но Шам знал об оберегающей силе Перстня Власти и помнил, что помощь ему оказывается с двух сторон: Белыми Братьями и Шадом

Великолепным, который постепенно менял аспидно-дымный окрас своего вихря-тела на более светлый.

Шад искренне считал себя преданным Брату Царя. Во время молений Шама он наблюдал за тем, как тело его наполняется чистым и ярким сиянием, а из сердца, через голову, уходит вверх, к Престолу Господина Миров, ослепительный синий луч.

Шад учился молиться. Шад учился говорить сердцем с Тем Высочайшим Существом, которое являло собой источник всех сил на планете, всех созданий и тварей. И когда у демона это получалось, он радовался безмерно.

Размышляя о Шаме, слабом, на первый взгляд, человеке, каковыми Шад считал всех людей, он все же оценил его духовную мощь, растущую безмерно. Шаду было странно, что, владея Перстнем Власти и Силы, Шам не пользуется своими преимуществами, а обрекает себя на испытания, лишения и страдания. Ведь он мог бы попросить его, Шада, и он в мгновение ока перенес бы его в любое царство Земли и обратно, пусть это был бы даже подземный мир. И это было бы для Горного Духа не труднее, чем укладывать громадные каменные блоки в основание и стены Храма Господа в Иерусалиме.

Мощь Перстня Силы подчиняла себе Шада. Но он не чувствовал угнетения и оскорбления своего достоинства со стороны этого человека. Но не так бывало в давние эпохи. Тогда один из черных магов просто унижал Шада, заставляя его повторять, что он раб и греховный дух, которого этот маг может заточить в свинцовый сосуд и запечатать своей печатью. Подобный вид заточения применял и Владыка Иудеи, но только к тем злобным духам, которые приносили немало бед человечеству и отказывались подчиниться благой воле.

Находясь в ауре Шама, Шад заражался святостью и чувствовал необходимость в таком вдохновении. Ведь сила двух Перстней на руке Шама переплеталась с мощью древнего артефакта, священного скарабея, который он носил на своей груди. Три луча свивались воедино. И Шад дышал этой силой благодати, источаемой

во время молитв. И Горный Дух решил идти с этим чистым человеком неотступно, оберегая его от смерти и, если будет угодно судьбе, то и за ее чертой.

———————————————

Об охранительном барьере, как и о многом другом, Шам даже не догадывался. Но каким-то непонятным, глубинным чувством он сознавал, что его берегут для какой-то высокой цели.

Никто не знает, каким образом происходит избрание человека. И у обывателей естественно возникает недоумение по поводу того, что некто, вчера занимавшийся самой тяжелой и черной работой, сегодня вдруг становится светочем народа или влиятельнейшим во многих восточных землях вельможей. Но, конечно, набирающий силу магнит духа нельзя не принимать во внимание. И как бы просто ни выглядел человек внешне, великое очищение ауры приводит к тому, что у нее появляется светоносное окружение, которое курирует весь внутренний спектр изменения сознания. Это те Ангелы Господни, которые держат над чистыми людьми охраняющий покров.

Но теперь в отношении Шама происходил обратный процесс. Ни у кого не могло уместиться в голове, что блестящий поэт и дипломат, друг царя и брат царицы может надеть на себя рубище и начать кривляться. Но только простолюдин может посчитать фиглярство падением, так как не знает о том, сколько разных чувств и состояний сознания переживает носитель актерского таланта. Древняя актерская среда в ее высших проявлениях дарила людям искусство мистерий. Она разыгрывала сцены из жизни Богов и многообразие тех ситуаций, с которыми Высшие Существа сталкивались во все эпохи, применяя необъятные возможности энергии для создания необходимых эволюционных напряжений.

Шам все это не просто понимал. Он знал, что священное безумие ни для кого не оскорбительно. В отдельные моменты экстаза его не покидало чувство, что кто-то высший входит в него или же он сам

поднимается вверх на огненной колеснице. И, пребывая в таком измененном состоянии сознания, Шам познал, что рядом с ним присутствуют и Братья Вечного Огня, и сам Горный Старец, и жрица вавилонская Ариси, и жрец Амон, и Владыка Сол-Амон. Но это было еще не все. Он познал также, что огромный сонм существ в форме разных кристаллов составляет его сияющую оборону и огненную крепость духа и что эти существа и есть те самые бессмертные сущности, которые уносят его душу в мир сновидений.

Шам стал часто ощущать, что его видят, но не замечают. И эту незаметность можно было объяснить лишь тем, что покров защиты приводится в действие. Его тело словно растворялось среди множества других. И только опытный духовидец мог бы найти его по сигналам, излучаемым энергетическими структурами.

Шама могли теперь не только не замечать, но и не узнавать. И это невероятно облегчало ему подробности данного отрезка земного пути, на котором ему без сожалений и мучений предстояло уяснить до конца принцип: «Ногой человеческой и рукой человеческой».

———————————————

Процессию посольства царицы Иудеи встречали невероятно пышно. Гремели трубы, и лилась торжественная музыка. Люди размахивали пальмовыми ветвями и бросали их к ногам проезжающих, что было принято на Востоке как знак мира и благожелательности. Восторженные крики звучали необычайно правдоподобно.

В конце процессии, затерявшись в толпе слуг, шли Аскер и Раха, к которым в великой суете и разноголосице присоединился Шам, появившийся неизвестно откуда. Он стоял в толпе и при удобном случае смешался со свитой, когда внимание солдат отвлеклось на возгласы ревущей толпы. Гирлянды и приветственные транспаранты, приготовленные с великим тщанием, были настолько красочны, что можно было легко увлечься их созерцанием и потерять бдительность.

Процессия направилась к дворцу для гостей, где все уже было приготовлено к встрече знатоками церемоний. Туда пускали только личную охрану царицы, часть из которой уже была на месте и приняла все меры безопасности для своей владычицы.

Как только официальная встреча была завершена и отгремели кимвалы и трубы, утомленная Ия поспешила уединиться, поручив найти дервиша и привести его к себе. Поскольку Шама уже видели в свите, эту задачу было выполнить несложно.

Царица Иялуру успокоилась, как только увидела Шама. Отправив служанок, она крепко обняла его и прослезилась.

— Я так по тебе скучала, брат, и желала бы, чтобы ты был рядом всегда, — прошептала она.

Шам нежно погладил ее волосы и поцеловал руку.

— Это было бы прекрасно. Но ведь и в будущем мы будем разделены, если замысел Братьев исполнится, — ответил он после некоторой паузы.

— Мне кажется, что за время пути ты вырос, — осмотрела Шама Ия.

— Нет, сестра, я просто похудел. Но не исключено, что воздух Египта подействовал на меня благотворно. Сейчас предстоит большая битва умов. Внешне ее вряд ли кто распознает, но напряжение духовное будет таково, что это может повлечь смену государственного строя.

Брат с сестрой говорили на арамейском языке и так тихо, чтобы ни стража, ни слуги, а тем более подслушивающие устройства во дворце, не могли уловить что-то опасное для правителя. Со стороны их можно было принять за любовников — по манере поведения и жестикуляции. Но это играло свою положительную роль, потому что было понятно большинству людей. Пусть уж лучше думают о подобном, чем узнают принца Египта в нищем дервише.

Нагмануш

— Сам самозванец хоть и силен как черный маг, но недостаточно искусен в делах иллюзии и колдовства, — говорила Ия. — Самый опасный в его окружении — это Нагмануш, старый жрец Бога Тьмы, которого никто не видел и не знает, но к советам которого правитель прислушивается как к ничьим другим. Похоже, именно по его приказу подземные черви выходят наружу и пожирают людей.

В Египте ходят слухи, что этот жрец — человек лишь наполовину и происходит из нагов, первых людей, чье тело внизу змеиное, а выше пояса человеческое. Кто-то считает его одним из Падших Ангелов, ставшим бессмертным во зле. А кто-то полагает, что он есть воплощение в физическом теле Бога Сетха, противника самого Тота Трижды Великого, и, кроме плотного, имеет также тело иное — огненно-дымное.

Ия замолчала, но тут же продолжила:

— Я все это слышала от жреца Храма Изиды в Иерусалиме. Он говорил об этом существе с много большим упоением и восторгом, чем о Богине Изиде и Матери Нейт. А ведь Мать Нейт есть воплощение Великой Беспредельности, дающей защиту как грандиозным образованиям космоса, галактикам, звездам и планетам, так и народам мира и отдельным людям, которые признают Ее власть.

Тебе нужно быть осмотрительным. Наверняка, Нагмануш знает о твоем присутствии здесь и будет стараться навредить. Ведь для него даже малая щель в стене, полу или потолке — это возможность проникнуть туда, где ты будешь находиться. Я очень хотела бы, чтобы ты был рядом. Но дворец — это не только крепость, но и тюрьма, откуда не так просто выйти.

Ия с волнением посмотрела на брата.

— Не тревожься об этом, сестра. — успокоил ее Шам. — Я не один в этом путешествии. И тот, кто помогает мне, знает тайну лабиринтов любого дворца в Египте. Даже отсюда, из твоих покоев, мы могли бы уйти незамеченными, если бы у тебя был двойник. И мой Учитель знает, как сделать путь к достижению цели наиболее успешным.

———————————————

Шама не задержали во дворце. Стража выпустила его за пределы каменных стен, охраняющих временную резиденцию царицы. Правда, это не были стены в обычном понимании. Это был энергетический круг, который без разрешения нельзя было переступить.

Фивы выглядели просторным городом, в котором людям можно перемещаться свободно и безбоязненно. Но спокойствие этого места было обманчивым. В скрытых помещениях располагались сотни людей, наблюдающих как за одинокими путниками, так и за процессиями. В целях предотвращения восстаний и грабежей невидимая стража несла свою службу постоянно. И только по великим праздникам, когда площади переполнялись бесчисленными толпами народа, уследить за всем было трудно.

Шаму не нужен был постоялый двор. За время пути он так привык к походной жизни, что ночевать где-то, кроме как на земле, он уже не хотел. Место, защищенное от опасностей, всегда можно было найти. А поскольку Аскер и Раха оставались в свите, он мог знать, что происходит вокруг царицы в его отсутствие. И это было чрезвычайно важно.

———————————————

Но все же астральная стража Нагмануша, прислуживающая самому правителю, внезапно забеспокоилась, потому что в тонкий климат Луксора, который существовал в режиме устойчивых и давно знакомых энергий, вторглось нечто иное, пронзительно-чистое и прожигающее своим присутствием самые глубокие

недра подземелий. Такое случалось и ранее — когда Великие Иерофанты Света появлялись в этих краях.

Опасения терзали древнего мага не напрасно: ведь выдерживать энергию Камня Силы мог далеко не каждый. Незримый поток огня жег его сердце, слепил глаза и вынуждал забраться еще глубже в недра земли, где воздействие святости не ощущалось. Но для него и его червей необходимо было найти источник этой радиации.

Имея в запасе арсенал магических животных, в которых он мог переселяться, маг решил не доверять это дело никому другому, а разведать все самому, так как ничто не заменит своих ушей и глаз. Форма степного шакала вполне подходила для этой цели. Шакалы шныряли повсюду в поисках пищи и не привлекали особого внимания, часто располагаясь совсем рядом с поселениями людей. Они сопровождали быт скотоводов и землепашцев, и удивить кого-то их появлением было бы трудно.

В одну из ночей дух мага переместился в тело пустынной собаки и начал поиск источника незримого света, который не давал ему покоя. Ноги животного были легки и быстры. За ночь оно могло обежать вокруг такой большой город, как Фивы, вместе с его храмами и подворьями, и мало кто заподозрил бы в таком существе разведчика.

Перебегая от дома к дому, от храма к храму, ничего достойного внимания маг не заметил. Но чувствовать себя в новом обличье было необычайно интересно. Какой-то новый опыт пребывания себя на земле переживал Нагмануш. Сидя в темноте подземелий, он даже не предполагал, что жизнь наверху так интересна. Она увлекла его настолько, что на некоторое время он даже забыл, для чего принял форму животного, оставив сознание не подверженным влиянию тела. Но все же что-то от шакала он перенял. Его глаза видели острее, и чутье и слух соответственно усилились.

На краю города маг увидел человека, спящего между двух камней. Ничего необычного в этом не было. Но тонкое зрение мага увидело густой светлый кокон,

накинутый на ауру спящего, и сияние, идущее через эту сетку, которое он не мог выдерживать. Подобные явления маг наблюдал при встрече со святыми людьми и отшельниками. Поэтому о том, кто этот человек, нетрудно было догадаться. Скорее всего, это и есть тот самый дервиш, о котором несется молва.

Но внезапно свет погас и больше не повторился. И маг решил, что это было мгновенное заблуждение. Однако сомнения остались в нем даже тогда, когда он вернулся в глубину своего обиталища. Нужно было все обдумать и посоветоваться со своим наставником, живущим в окружении огня Пекла.

———————————————

Шама как будто кто-то окликнул. Он даже почувствовал ощутимый толчок в бок. Голос Старца произнес:

— Проснись и сойди с этого места.

Очнувшись, Шам в темноте южной ночи заметил странное движение какого-то существа. По виду это была собака или шакал, но за ним змеился аспидно-черный след, который по своей темноте превосходил ночной мрак.

— Они заметили огненную сеть, которой Братство тебя укрывает, — продолжал голос Старца. — Нужно найти другое прибежище, а иначе слуги Пекла явятся сюда незамедлительно. Страшиться нечего, но время вступать в сражение еще не пришло. Ты еще не узнал всех тайн дворцовых лабиринтов и подземных дорог. Да и не всегда полезно уничтожать врага, не выяснив его намерений.

Шам легко и почти незаметно переместился за скалы, наблюдая за темным существом, которое замешкалось, решив, что произошла какая-то ошибка. На глазах у Шама, который в темноте видел очень хорошо, шакал принял форму странного создания, получеловека-полузмея, и скрылся в какой-то земляной щели.

Что это за неведомый монстр, блуждающий по ночам? И что ему нужно в этом месте и в это время? Не сам ли он является причиной такого события? Нужно

обязательно узнать об этом у Учителя или Владыки. Так думал Шам, ища нового укрытия.

Поиски привели его к большой лодке, стоящей на причале. Он ловко забрался в трюм, где лежали какие-то вещи, и крепко заснул.

Священный остров

Проснулся Шам оттого, что наверху кто-то громко говорил, а лодка, покачиваясь на волнах, плыла в неизвестном направлении. Через некоторое время, вслушиваясь в разговор, Шам понял, что баркас идет к какому-то острову с множеством храмов, где будет проходить большой праздник.

Шам не стал прятаться и поднялся на палубу, вызвав немалое удивление. Но его вид и сами объяснения удовлетворили моряков. А поскольку в народе ходили слухи о святом дервише, творящем чудеса, то все присутствующие предположили, что это именно он и есть. Пригласив Шама к скудной трапезе, люди попросили его не отказать разделить ее с ними. Для них было очень важно поделиться хлебом со святым человеком.

Празднество на острове намечалось грандиозное. Это была Мистерия Изиды и Озириса, которая всегда заканчивалась явлением народу Великих Богов Египта. Она проходила вопреки воле властей, которые запрещали поклоняться старым Богам, а придумали новых, олицетворявших не духовное, а материальное богатство, таких как Бык Апис, символ земного благополучия, и некоторые другие. Новый пантеон исключал Высших Богов — Мать Нейт, Бога Ра, Гора и Озириса, а также Мать Изиду.

Древние храмы не разрушались, но было запрещено служить в них. Но все же люди собирались на великие моления, надеясь, что Высшие Боги помогут им

сбросить ненавистный гнет темной веры, следовать которой не хотел никто, а лишь делали вид, что поклоняются ее проявлениям. Да и сами власти боялись проклятия Небес, поэтому остров как территорию древней веры никто не трогал. Но нынешний правитель не появлялся здесь никогда.

В благодарность за гостеприимство Шам исполнил для людей, присутствующих на лодке древний гимн Богине Изиде, который выучил еще в Иерусалиме. Он подумал, что, возможно, ему придется исполнить его еще раз, при большом скоплении народа. Поэтому выступление на лодке можно было считать репетицией и улучшением каких-то моментов исполнения.

———————————————

Лодка вошла в небольшую бухту, где уже стояло множество больших и малых судов. А на берегу толпились люди, наблюдая за тем, кто прибывает. Предчувствие праздника ощущалось в воздухе. Общее приподнятое и вдохновенное настроение электризовало само пространство.

Шам вместе со всеми, кто был на баркасе, сошел на берег. Будучи приглашенным, он последовал за этими людьми, так как было очевидно, что они знают, зачем и куда идут.

Громадный храм, казалось, был построен великанами — настолько ничтожным выглядел человек под его кровлей. Капитан баркаса, оставив остальных, повел Шама в глубь храмовых помещений, будто заранее знал, что это нужно сделать.

В полумраке храмовых коридоров, где горели светильники, Шам увидел людей в белых одеждах и почувствовал на себе чей-то пронзительно-знакомый взгляд. Даже еще не увидев лица, он уже почувствовал, кто это. Наставник царя и его учитель, жрец Амон, шел по направлению к нему в числе встречающих.

— Сын мой, — сказал Амон радостно бросившемуся к нему Шаму, — судьба опять привела нас друг к другу. И это не случайно. Праздник Изиды и Озириса — это

то время, когда наши Небесные Владыки открывают нам свое присутствие среди нас. И это может стать поводом испросить повеления восстановить законную власть в Египте. Готовься принять это.

———————————————

Перстень Силы и Власти позволял Шаму угадывать наперед многие события. Но во встрече с Амоном для него был элемент неожиданности, хотя сам жрец говорил о такой возможности, и даже помощи, если это будет необходимо. Но Шам не думал, что все произойдет так скоро и он станет лицом к лицу с необходимостью взять на себя величайшую ответственность за Египет.

Амон повел Шама по длинному коридору, с множеством поворотов и ответвлений, в которых легко было заблудиться. Похоже, это был один из лабиринтов древнейшего храмового комплекса.

Они вошли в помещение, где не было факелов, но все освещалось бело-голубым светом такой интенсивной яркости, что после полумрака коридора было больно смотреть. Шам даже вначале прикрыл глаза рукой.

— Это одна из великих библиотек Египта, хранилище мудрости, которое не может быть ни разграблено, ни захвачено никем. Ее помещение построено задолго до пирамид и создано так, чтобы книги мудрости, будь то драгоценные или пергаментные, хранились вечно. Даже если наверху произойдет катастрофа, что случалось уже не раз, библиотека уцелеет.

Амон подробно объяснил Шаму устройство отделений этого огромного зала. Он указал на громадные свитки, которые писали мудрецы-великаны, и поведал о том, что такое хранилище — это самое драгоценное, что есть у цивилизации, потому что в этих книгах можно найти сведения обо всем. Здесь есть информация о том, как строить дома и сооружать колодцы, и вообще, как обеспечивать все повседневные нужды для нормального жизнеустроения. Но, помимо этого, в хранилище собраны труды по астрологии, музыке и стихосложению.

И, конечно же, книги по магии и алхимии, а также по созданию механизмов и приборов, тоже имеются здесь.

У Шама загорелись глаза. Но он не мог себе представить, как можно усвоить всю эту мудрость, которая собиралась миллионами лет.

Амон успокоил его:

— При необходимости требуемая книга будет тебе предоставлена. Знать все невозможно. Но нужную информацию можно вызвать из Хроники Матери Нейт. Кстати, тот египетский гимн, который ты так красиво исполнял, был посвящен именно Ей, Великой Матери Миров. Она есть Сущность Пространства Вселенной, Душа Космоса.

Разговор был долгим и предметным. А затем Амон отвел Шама в комнату для отдыха, где он мог привести себя в порядок и постепенно выйти из состояния бродячего дервиша. Настало время вернуться в цивилизованный мир.

———————————————

Царица Ия потеряла след своего брата, чем была очень обеспокоена, так как его могли выкрасть и заключить в горную тюрьму, откуда никто никогда не возвращался. Но начальник ее стражи через верных людей и знакомых в окружении фараона выяснил, что шпионы правителя схватили какого-то бродягу, который не был похож на дервиша, хотя под пытками признал себя им. Последний раз дервиша видели выходящим за пределы города в сторону пристани, где стояла и царская лодка.

Исполнив все дипломатические ритуалы и тонкости с вручением и получением подарков, царица не стала долго мешкать, оставаясь в покоях, ей отведенных, и решила возвращаться в Иудею. Но, прослышав от советников, что на священном острове, чуть ниже Фив, готовится великое празднество Изиды и Озириса, она приказала направиться туда.

Лодка царицы спешно снялась с якоря. Часть слуг и охраны пошла по берегу, едва поспевая за ней. Но основная группа охраны и разведчики были обе-

спечены конями и передвигались легко, порой даже опережая лодку.

Царица торопила команду, так как чувствовала, что этот праздник принесет что-то важное. Нужно было успеть хотя бы к третьему дню Мистерии, когда наступает кульминация для всех молящихся и происходит явление Божеств, дающих Провозвестие народу.

Это событие невозможно было подделать даже хитроумным египетским жрецам, хотя к тому времени они уже пользовались волшебными фонарями и владели световыми технологиями, зная даже электричество. Иногда они плутовали, создавая статуи, пророчествующие о будущем, но сотворить голограмму им было не под силу. А народ знал и верил, что Боги не оставят его.

Мистерия

После омовения Шам принял приличествующий облик дворцового вельможи, зная прекрасно, что здесь он находится под защитой Братьев и что церемония поклонения Великим Богам будет проходить под их присмотром. Силы тьмы просто не смогут присутствовать в такой атмосфере высочайшего напряжения веры и концентрации света, огненной торжественности и восхищения, хотя соглядатаев, конечно, не избежать.

В предощущении праздника Шам заметил, что вибрации медальона у него на груди необычайно усилились. Скарабей ожил и пульсировал, проникая своими излучениями в тело. Даже родинка под мышкой начала дрожать с определенной периодичностью. Но Перстень своей силой словно управлял этими возросшими чувствованиями. И его сияние уже невозможно было скрыть от посторонних глаз, как это было в одежде дервиша.

Начало Мистерии приближалось. Все ждали какого-то знака. И когда луч Солнца прошел сквозь отверстие

на восточной стене и осветил стоящую в центре главного храма скульптуру Изиды, держащей на руках младенца Гора, глаза Богини засверкали изумрудными зрачками и послышался порыв ветра, словно статуя ожила и начала дышать. Вслед за этим тонкими серебряными бубенцами зазвучало само пространство.

Вибрации восторженного трепета распространились на многотысячную толпу. А уходящий луч из отверстия в стене, соединившись со светом, исходящим из глаз Богини, указал на Шама, которого перед этим подвели Братья. Луч очертил круг на его груди с центром в талисмане и остановился на сердце, после чего медленно, будто нехотя, погас. Это было указанием на избранника Небес и истинного фараона.

Многие были изумлены этим явлением. А подоспевшая к тому времени царица Ия испытала такую невыносимую радость, что от избытка счастья потеряла сознание. Но служанки вовремя поддержали ее, и обморок прошел почти мгновенно.

———————————————

Вслед за произошедшим зазвучал голос, идущий как бы ниоткуда и наполняющий все пространство. Вначале толпе было трудно понять, о чем он вещает. Но потом, когда волнение и перешептывания утихли, четко стали слышны слова:

— Сын Озириса пришел, чтобы занять трон, ему принадлежащий.

Голос был женский и настолько пронзительный, что проникал в каждое сердце, в каждую клеточку тела. И люди, услышавшие его, были потрясены произошедшим чудом.

Над островом собрались тучи. И дождь, с грозой и молнией, не виданный доселе в этих местах, послужил знаком благословения и избрания нового Владыки Кеми. Шам становился Секхемом. И это уже нельзя было скрывать.

Стоявший до того в окружении жрецов, рядом с Великим Иерофантом Египта, царевич, одетый в белые

одежды, склонился перед скульптурой Изиды. Ливень промочил его насквозь, и струйки воды непрерывно текли по его лицу. Он протянул к алтарю Богини подношение в виде лотосов, лежащих на блюде. И окружающие увидели, как подношение исчезло с глаз. Это считалось знаком принятия жертвы.

Подняв руки к небу, Шам запел гимн, посвященный Великой Богине. И мелодия его, звучавшая под аккомпанемент дождя, зачаровывала людей, словно каждый из них сам возносил хвалу Небесам. Из просвета на небе, который был похож на глаз со зрачком в виде солнца, на верующих хлынул яркий свет. А царевич оказался в круге сияющего луча.

Царица Ия, прикрытая от дождя зонтом, волновалась больше брата, понимая, что именно она послужила толчком к этим событиям и несет ответственность за все, что здесь происходит.

Гимн Матери Изиде отдавался эхом в стенах храма и усиливался. Его чудесные звуки разносились далеко за пределы острова.

Радость вселилась в сердца. Ее волна окружила всех до такой степени, что многие, не зная, как иначе выразить свои чувства, стали кружиться и приплясывать. Начинался настоящий праздник, которого люди не испытывали долгие годы.

Когда день подошел к концу, по берегу зажглись многочисленные костры. Но люди никак не могли успокоиться и продолжали обсуждать увиденное и услышанное.

———————————————

Многие видели, как вокруг царевича образовался светящийся кокон. Но Великий Иерофант приказал Братьям увести Секхема в храмовые покои, чтобы не вызывать излишних толков среди простого народа. Кроме того, благословение Богов такой мощи было опасно для обычных людей, потому что могло причинить вред физическому телу.

Сам Секхем изнывал от этого божественного огня, который спустился на него. Но Амон сказал ему, что это

явление продержится не больше трех дней. Оно необходимо, для того чтобы опыт предыдущих фараонов вошел в его сознание и напитал ауру мощью власти. А синий луч над головой означает благословение Космической Иерархии при помощи Перстня Сол-Амона.

В умном пространстве Шам видел Владыку и Великого Старца. Владыка сказал, что после воцарения необходимо будет незамедлительно вернуть Перстень Силы. О том, как это сделать, он пока не сообщил, но вариантов было немного.

Отдых в храмовых покоях не дал должного успокоения. Тело Шама горело, словно подогревалось тайным огнем. Напряжение было таково, что ему трудно было даже задремать. Впрочем, этого и не хотелось. Испытание нужно было выдержать. От этого зависела его безопасность.

Царица Ия, пожелала встретиться с братом, но ей не позволили сделать это, опасаясь за ее здоровье. Будущий правитель Египта представлял собой живой духовный реактор, способный сжечь кого угодно мощью силы своей.

На второй день праздника был вынесен коронационный трон, на который Братья приказали воссесть царевичу. Великий Иерофант водрузил корону на голову Секхема ровно в полдень, когда Бог Солнца Ра занимает свою высшую точку на небе. Вслед за этим последовал ритуал принесения клятвы и подношений от представителей племен и народов, населяющих великое царство Кеми. И не обязательным было, чтобы это были вожди. Достаточно было делегаций простых людей, посланных на праздник и даже не подозревавших, что они будут присутствовать при таком значимом событии.

Тяжесть венца правителя давала о себе знать. Помимо того, что корона имела приличный вес, по ней пробегал какой-то тонкий ток, входящий в затылочную часть головы. Носить постоянно такое устройство было невозможно. Оно применялось только для церемоний.

В момент коронации темный Нагмануш почувствовал удар такой силы, что ему ничего не оставалось, как приказать своим монстрам скрыться в глубочайшие норы

под землей, ниже городов асуров и людей, живущих там. Магия его не могла противиться силе Солнечного Огня и объединенной энергии Сонма Богов.

Второй день праздника оказался напряженным до предела и закончился раздачей угощений из храмовых хранилищ. А на третий день, который объявили первым днем царствования фараона Секхема, были проведены назначения государственных министров. Аскеру поручили ведать наукой, а Рахе — сферой образования, которое в Кеми было отброшено далеко назад.

Жар огненного кокона постепенно начал спадать. И Великий Иерофант сказал новому правителю:

— Отныне ты можешь вызывать этот божественный доспех в любое время. Он тебя защитит даже от физических нападений. Правь справедливо!

———————————————

Волнение возникло среди праздничной толпы внезапно. Люди расступались по какой-то неведомой причине. Но она стала очевидной, когда к Великому Иерофанту и Братьям подошел сам Владыка Иудеи, великолепный царь Сол-Амон, взявшийся неизвестно откуда. Поклонившись Иерофанту и Братьям, он стремительно направился к Секхему, обнял его и тихо произнес:

— Радуйся, Брат, и печалься! Тяжела участь царей, и не всякая голова способна удержать венец. Но я верю, что ты станешь достойным правителем. Долго я не смогу находиться здесь, но до ночи разделю твою трапезу.

Все произошло очень быстро. И многие недоумевали: что это за человек появился? И лишь единицы знали, кто это на самом деле.

В зале для трапез Владыка сидел рядом с Секхемом и своим наставником Амоном. В разговорах время прошло быстро. И Сол-Амон встал, чтобы попрощаться. Секхем поднялся вслед за ним и, сняв с пальца Перстень, подал ему со словами:

— Благодарю тебя, Брат мой! Перстень помог мне ощутить безопасность странствия на родину, а его синий луч распугал гигантских червей, пожирающих людей.

Я сердечно признателен тебе за все, что ты сделал для меня, и за то, что спас саму мою жизнь.

Секхем говорил, и в его речи стали проявляться ноты твердости и осознания ценности каждого сказанного слова.

— Я знал, что ты чистый человек, — ответил Сол-Амон, — и потому не спрашивал о Перстне Власти. Каждый должен помнить о своих долгах. Судьба подарила мне встречу с таким удивительным человеком, как ты. Пустыня была местом нашей встречи. Пустыня стала твоей вотчиной. А сейчас мне надо спешить.

— Но, может быть, спросить сестру, не желает ли она совершить с тобой полет?

— Вряд ли твоя сестра готова к такому сюрпризу. Пусть возвращается обычным способом. Заодно она пообщается с тобой. Ведь она так тебя любит. Прощай, Брат! Царствуй справедливо!

Сол-Амон обнял Секхема, и тот проводил его до выхода. На фоне вечереющего неба к горам уходила высокая одинокая фигура. И вокруг нее Секхем заметил тонкое голубоватое сияние.

Заканчивалась история придворного поэта и Брата царя Иудеи Шабала бен Суффрема. Начиналось правление фараона Секхема.

Секхем

Колдун

Старый правитель не спешил расставаться с властью. Он был человеком не робкого десятка. Да и вообще, был ли он человеком? Ведь у него было больше связей с Миром Пекла, чем с земными предпочтениями. Магические силы еще не оставили его. И он был чрезвычайно могущественным врагом, обладающим невиданными способностями по причинению вреда людям, в каком бы виде ни происходили эти действия. Черви были лишь эпизодом в целой палитре разнообразных средств. Насылание смерчей, ураганов и песчаных бурь, кровавых дождей и мора среди людей и животных было тем магическим оружием, которое этот колдун мог применить в любой момент.

Он уже знал о том, что в земли Кеми вернулся законный наследник и был возведен на престол, а также то, что армия решила ему присягнуть. И последнее было неудивительно. Жалования военным почти не платили, а заниматься грабежами, изымая у населения последнее из того, что оно имело, они не хотели. Старшие военачальники, находившиеся в оппозиции к правящей элите, тайно присутствовали на церемонии. Но они постарались придержать информацию, чтобы двор фараона пока оставался в неведении. Но чутье колдуна и его кровавое зеркало знали о произошедшем событии и без докладов разведки.

———————————————

Силы Пекла могли расколоть землю Кеми на множество островов, затопив ее водой океана или лавой погубив все население. Но сколько колдун ни взывал к силам зла, они молчали, потому что новый фараон был не просто отпрыском законной династии древних царей, но и представлял Великое Братство Света, с которым тягаться не под силу было даже самому воплощенному Сетху, Богу Тьмы. К возведению на престол и коронации были привлечены такие великие силы Иерархии, что противостоять им было невозможно. Сам Податель Благ, Бог Ра, благословил царя. А Мать Изида послала луч с Родины Богов, Сириуса, и с самого Ориона, откуда пришла духовная традиция почитания Неба, Солнца и Звезд.

Но колдун уступать не хотел и пытался действовать на свой страх и риск. Он не желал так просто отказаться от сладкого для него места правителя. Царедворцы пока еще оставались при нем. Но, понимая, что при новом фараоне им не будет места, они постепенно готовили себе пути для отступления. Даже дворцовая стража, прослышав о событиях на священном острове Нила, решила для себя, что нужно менять свои предпочтения.

Но и Братья знали, что нападения можно ждать в любое мгновение. У колдуна была своя паства. И ее объединенная энергия могла стать острием удара.

Конечно же, в первую очередь будут стараться уничтожить царя Секхема. И необходимые меры защиты были приняты. Но нужно было понимать, что одного мига рассеянного внимания хватит, чтобы проникнуть за доспех, если в нем окажется слабое место, известное врагу.

Пока новый фараон находился в святилище, ему ничто не грозило. Поэтому правление можно было начать отсюда. А там отстроят новую столицу, которая тоже будет находиться здесь.

———————————————

Провозглашение Секхема фараоном еще не означало полной власти над страной. Пока еще колдун был почти неуязвим. Он попытался отравить воды Нила, чтобы вся страна перестала существовать, используя редкий яд, от которого люди не умирали, а либо становились монстрами, либо лишались воли. И это поветрие стало распространяться, потому что без воды жить не мог никто. Оно было опасным вызовом всем Богам земель Кеми. И Братья ответили на эту дерзость. Через нового фараона они начали применять меры оздоровления. И постепенно атака была отбита. Даже заболевшие люди вернулись в нормальное состояние. Но каких трудов это стоило, никто не знал. Внешне это выглядело как обычные усилия врачей и спасательных служб, но, на деле, давались вещества, нейтрализующие разрушительное действие яда. Но новых напастей долго ждать не пришлось.

Под рукой колдуна находились полчища демонов, которые лишь внешне походили на людей. Они изгнали свои души, заменив их свирепой злобой, которая жила только ненавистью. Такие отряды грабили и убивали население, нанося небывалый урон. Нужно было сплотить людей и убедить их в том, что в них самих покоится великая сила. Вооружая отряды самообороны, Братья учитывали и то, что демонов уничтожить не так просто из-за их колдовской силы, бороться с которой можно, лишь имея жрецов, владеющих контрмерами.

Порядок в стране восстанавливался с большим трудом. Но тлеющий очаг, источающий постоянный негатив, оставался постоянной угрозой благоденствию. Его нужно было нейтрализовать. Но только применение синей стрелы могло испепелить колдуна. А она возникала лишь на конце Копья Озириса, которое хранилось в тайниках дворца, где и находился бывший правитель.

Амон, теперь уже главный советник Секхема, напомнил ему о висевшем у него на шее амулете в виде скарабея и подробнее рассказал о том случае из детства, когда он, сын верховного жреца Египта, и его друг,

будущий фараон, прикладывая этот амулет к стене, открыли вход в огромное помещение. Там было множество золотых скульптур, разной утвари и оружия. Сами того не подозревая, мальчики попали в сокровищницу, золотой фонд Египта, о котором знал только правящий фараон. И в числе многих вещей они увидели очень красивый жезл из золота с сапфирами, который, как потом узнал Амон, и был Копьем Озириса. Жезл мог удлиняться почти в два раза и использовал силу самоцветов для фокусировки луча.

Секхем еще раз внимательно рассмотрел свой амулет. На нем был изображен крылатый скарабей, который катил шар Солнца выше своей головы. Украшение было не очень большим, но рельефным, выступавшим на половину своего размера вовне. Работа была очень древняя и выполненная искусно.

Прощание с сестрой

В суматохе празднеств у Секхема не было времени для разговора с сестрой. А ведь она могла рассказать много полезного. Она жила во дворце до тех пор, пока был жив отец, то есть до своего замужества, которое было для нее вынужденным. Но отец позаботился о будущем дочери, зная, что, оставшейся без покровительства, ей будет трудно жить здесь дальше.

Секхем хотел расспросить сестру не только об отце, но и вообще о подробностях жизни царей. Ему было это очень интересно как человеку, выросшему далеко от царского обихода.

Ия откликнулась на приглашение брата немедленно. Прекрасная, радостная и благоухающая она вошла в библиотеку, где Секхем решил с ней встретиться. Подбежав к брату, она обняла его так трогательно и горячо, как это может сделать только мать или старшая сестра,

осыпая поцелуями и утирая слезы. Секхем был растроган. И перед его глазами внезапно мелькнул эпизод из дворцовой жизни, который он, вроде бы, не должен был помнить. Он увидел, как его, младенца, унесли из дворца, а сестра рыдала, узнав, что брат пропал без вести.

Секхем стал расспрашивать Ию о подробностях жизни в Фивах, об общем расположении комнат, о сценах из их детства. Но больше всего его интересовало то, каким образом троюродный брат Владыки Египта смог занять престол.

Ия рассказала, что, по всей видимости, отец был убит особым способом, называемым в магии «Черная стрела». При встрече ему был нанесен энергетический удар, вследствие чего сердце его остановилось. Ведь обряд возобновления жизни был проведен для фараона совсем незадолго до этого и он мог царствовать еще тридцать лет. Но родственник не захотел ждать. Ию выдали замуж за царя Иудеи, а других претендентов на престол не было.

Из разговора с сестрой Секхем понял, что отомстить за смерть отца и избавить народ от злого гения она считает делом святым. Расспросив ее о тайниках и удивительных местах, он получил ответ, что под дворцом находятся громадные помещения и лабиринты, о которых ей рассказывала нянька. Девочкой она очень боялась этого, особенно когда засыпала.

Перед расставанием погрустневшая Ия оповестила брата, что возвращается в Иудею и что теперь они, возможно, никогда не увидятся. У Секхема екнуло сердце. Он вспомнил дворец Сол-Амона, свою комнату и спрятанный в тайнике изумруд, названный Светом Мудрости. Но он сделал свой выбор, и возврата назад быть не могло.

Секхем обнял сестру на прощанье и пообещал, что если это будет дозволено Судьбой, то он обязательно побывает в Иерусалиме.

Путешествие в Фивы

Вопрос о том, каким образом справиться с кровавым магом, нужно было решать срочно, потому что число жертв множилось. Колдун убивал молодых девушек, незамужних девственниц, чтобы выпустить из них кровь в медное блюдо, и через это кровавое зеркало следил за тем, что происходит вокруг него.

Амон как жрец высшего порядка предложил план, откровенно опасный, но наиболее действенный. Колдун искал бродячего дервиша, который в приступе падучей изрекает пророчества. И только в этом облике и рубище нищего можно было попытаться проникнуть во дворец. Сам жрец будет сопровождать Секхема, а в случае чего и Владыка Сол-Амон поможет.

Такой план мог показаться чистым безумием, но другого выхода не было. Помимо всего прочего, важно было и то, чтобы черный маг был сражен самим Секхемом.

———————————————

Буря поднялась над большей частью Египетской пустыни — страшная черная буря, готовая засыпать все водоемы и колодцы, да и сам Нил. Зрелище прекращения жизни на Земле могло бы быть явлено таким образом. Ведь стало темно днем. И сквозь взбитые ураганом песчинки не видно было самого могущественного и царственного Ра. Это колдун и его тьма отреагировали на решение уничтожить его, переполнившего меру скорби.

Черный маг нанес удар первым. И к нему Секхем и его советник еще не были готовы. Но Аскер уже стоял на плоской крыше храма и взывал к ветрам и повелителям их, уговаривая смирить свой гнев, поскольку люди не нанесли им никакого зла. Он рассказал ветрам, что это происки подземных сил и самого Сетха,

древнего человека-змея. И ветры прислушались к Аскеру. В последней вспышке ярости они показали Нагмануша, свернутого кольцом. И внутри него из песка, взбитого бурей, образовалось перекошенное злобой лицо колдуна, который в неимоверном усилии пытался засыпать храм песчаными волнами.

Караван царицы Иялуры буря застала в пути. И он укрылся в одном из оазисов, которые Братья создавали в защиту людей.

После такого урагана добраться со священного острова до Фив возможно было лишь по подземным дорогам и лабиринтам. По ним можно было достичь даже Вавилона и Сирии — впрочем, как и любой другой географической точки планеты. Безусловно, и на этом пути могли ждать сущности тьмы. Но доспех Бога Ра как родовая принадлежность Секхема никуда не пропал. И старый Амон тоже имел средства для своей защиты.

———————————————

Можно было зажечь факел, ступая по темным коридорам, но жрец сказал, что в подземельях не так много воздуха и, пока они идут, по пути их следования будут зажигаться маленькие искусственные светлячки. Это были фосфоресцирующие образования, загорающиеся от присутствия живого человека и потухающие, если рядом не было излучений ауры. Их можно было назвать драгоценными камнями, реагирующими на тепло человеческого тела. Но яркость их света зависела от духовного потенциала идущего.

Секхем отметил, что путь они с Амоном видят хорошо. И, как это ни странно, в глубине не было даже запаха сырости, а по лабиринту обозначалось легкое движение воздуха.

За поворотом к Фиванскому дворцу, откуда до него был почти день пути, перед путниками внезапно возникла коричневая тень, загородившая проход. Неодолимая сила не позволяла им идти дальше. Но Секхем произнес имя Уроил Зена — и тень растворилась. Больше ни одного стража пока не было видно.

Секхем и Амон продвигались, наблюдая физическими глазами только стены лабиринта. Но астральное зрение обоих, способное видеть через самые плотные предметы, было развито достаточно сильно, как и их чутье. Как опытные рудознатцы видят все сокровища внизу, так и они видели те места, под которыми проходили.

Возникший над ними громадный Карнакский храм был построен в те времена, когда в Египте правили фараоны-гиганты и подданные были соответствующего роста. Возвести такую махину современным людям было бы не под силу, если, конечно, не применять магическое искусство в виде мантр или особой храмовой музыки.

Дворец фараона находился поблизости. Но оба решили вначале найти то хранилище артефактов, которое обнаружили в детстве отец Секхема и его друг Амон, названный именем Бога своими родителями. В этом месте лабиринт менял направление и разделялся на множество ответвлений. И в каком направлении нужно идти, определить было трудно.

Призвав имя Великого Иерофанта и соединив обращение воедино, Амон и Секхем стали молиться. И перед ними в сумрачном свете возникла карта подземелий с обозначением правильного пути. Держа ее в памяти, они последовали в указанном направлении и спустя некоторое время уперлись в глухую стену с начертанными на ней иероглифами. Амон начал читать и обнаружил знак скарабея в одном из слов. Обратившись к Секхему, он произнес:

— Друг мой и повелитель! Вот и наступил момент силы амулета, оставленного тебе отцом. Ты был первенцем, а он передается только старшему сыну. Приложи его к обозначению скарабея на стене — и посмотрим, что произойдет.

Секхем достал амулет на длинной цепочке и, не снимая его с шеи, приложил к иероглифу. Но замок не открылся, и стены остались незыблемыми.

Амон задумался, а Секхем сказал ему:

— Постарайся вспомнить подробности. Что вы с отцом повторяли или кричали, когда играли? Может, это и есть дополнение к ритуалу открытия?

— Помню, что твой отец говорил, что хорошо быть всемогущим и крылатым, как Матерь Небес Нейт.

И не успел Амон произнести Имя Великой Богини, как часть стены в виде двери ушла вглубь и открылся вход в помещение.

Сокровищница правителей Кеми

За дверью было светло. Горели какие-то светильники, свет от которых сочился золотом. А может быть, это было отражением от золотых предметов и статуй, которых здесь было немыслимое количество. Большие и малые скульптуры; золотые столы и кресла; колесницы и ритуальные жезлы; груды посуды и столовых принадлежностей; немыслимо красивые украшения: перстни, диадемы, броши и цепи — чего только не было в этой сокровищнице. Даже книги с золотыми листами покоились на полках, покрытые слоем тысячелетней пыли.

Пространство, занимаемое артефактами, было настолько обширно, что человек просто терялся в этом золотом лесу сокровищ, которые собирались сотнями тысяч лет. Каждый правитель вносил сюда свою лепту. И этот золотой фонд был доступен лишь законным фараонам, продолжавшим свою династию.

В сокровищнице не было серебряных вещей, а если они и были, то в очень небольшом количестве и находились особняком. Но Секхему и Амону в этом великолепии предметов, от которых, как и от радиации золота, можно было потерять рассудок, нужно было найти ритуальное оружие — мечи, копья и наручи, а также магические перстни.

Долго они ходили среди этих развалов, пытаясь обнаружить Копье Озириса, которое называли Копьем Судьбы. И им, наступающим на россыпи монет и иногда поскальзывающимся на этих немыслимых по цене драгоценностях, все острее приходила на ум мысль о бренности земного богатства. Тысячи поколений ушли, а золото все оставалось здесь. И никто не мог взять его с собой за черту жизни — разве что на прощание вдохнуть его запах и уйти с легким сердцем, ни о чем не жалея.

Ритуальное оружие было сложено аккуратно, как и полагается. И казалось, что к нему, как и к книгам, было самое бережное отношение. Мечи, ритуальные кинжалы, стилеты, перстни, нагрудные изображения древних вождей, золотые пояса и доспехи, наплечья и короны, и даже женские заколки, заговоренные охранительными мантрами, лежали здесь.

Амон указал Секхему на перстень с изображением Глаза Гора.

— Этот перстень принадлежал твоему деду. Я советую тебе взять его с собой. Сапфировый Глаз видит куда дальше нас с тобой. Только необходимо до времени скрыть его — может быть, в переметной суме. Но нам нужно Копье Озириса. Внешне оно может быть похоже на небольшой жезл или трость, но имеет способность удлиняться и трансформироваться. К тому же, в навершии его находится настоящая печать Царей Египта.

———————————————

В желании уничтожить колдуна не было ожесточения со стороны Секхема, Но теперь он знал, кто был виновником смерти его отца.

Колдун научился преднамеренно останавливать чужие сердца. И причину такой смерти могли установить только ясновидящие. Сначала он опробовал эту негативную практику на самом себе. Ему было смешно видеть, как, прекращая биение своего сердца, он вызывает суматоху среди врачей. А потом он заново запускал сердцебиение. Как бы там ни было, но технология была

отработана. И таким способом колдун лишил жизни не одного человека, мешавшего ему в достижении власти. Этого и опасался отец Секхема — не за себя, а за дочь.

Копье нужно было искать. Но перед этим необходимо было передохнуть в каком-нибудь укромном месте. Радиация золота начинала воздействовать на сознание даже таких психически устойчивых людей, как Секхем и Амон. Они это ощущали и принимали меры противодействия, которыми были молитвы. Хотя золото и считалось телом Богов, а его соли продлевали жизнь, давая бессмертие, но оно имело и налет стяжания.

В многочисленных залах и закоулках, отходящих от общего помещения, Секхем и Амон нашли приличную комнату, обставленную драгоценными вещами. Было видно, что она служила кому-то именно для этой цели. В комнате стояли золотая кровать, стол и широкая длинная лавка со спинкой, наподобие дивана. Ничего лишнего.

После отдыха поиски артефакта продолжились. Копье Озириса было, пожалуй, самым ценным экспонатом в этой горе золота и самоцветов. Оно было разумно и само решало, поразить человека или оставить его в живых. Его действия были неотвратимы, но невинных оно не карало. И если в сознании человека присутствовала хотя бы малая искра раскаяния, оно давало шанс на исправление. Ведь многие темные души после своих злодейств надолго лишаются возможности родиться заново на земле, блуждая после смерти в лабиринте чистилища. А это не всегда способствует положительной коррекции.

Хранители сокровищ

Поле для поисков было необъятно. Чтобы найти Копье Озириса среди таких барханов золота, требовалось много времени. И тогда Секхем, с дозволения Амона,

решил спросить об этом артефакте у Шада, Горного Духа, который помогал царю Сол-Амону в самой трудной его работе.

Шад явился, как только Шам-Секхем обратился к нему мысленно. Поприветствовав обоих искателей, Горный Дух сообщил:

— Эти дворцы, как и сам Карнак, святое и чистое место, строил я и мои слуги. И потому мне известно здесь почти все. Но нужно спросить духов — хранителей сокровищ. Я вам помогу установить с ними связь.

— Я и забыл, что у каждого клада есть свой страж, — усмехнулся Амон. — А мы посчитали, что все это принадлежит Египту в лице фараона.

— Так оно и есть, — ответил Шад. — Но в этих россыпях золота есть священные предметы и вещи, на которые наложено заклятие сокрытия. Они должны храниться особенно тщательно. И за каждым из таких артефактов кто-то присматривает.

— Я позову духов-хранителей, — продолжил Шад и воззвал: — О братья, явитесь!

И перед Секхемом обозначились прекрасные создания пронзительно золотого цвета, хотя и тяготеющего к шоколадному.

— Слушаем тебя, Владыка Гор! Чем помочь тебе и твоим друзьям? — спросил один из пяти Хранителей.

Шад ответил:

— Я представляю вам земного хозяина этих сокровищ и нового царя земель Кеми, Секхема Первого. Теперь вы будете служить ему и его скарабею — амулету, созданному не на Земле. Он одарен многими достоинствами, в числе которых — уважение к нам, работникам низших сфер. Он не порабощает духов, но сотрудничает с ними. Примите его власть над вами, которую я передаю ему.

Духи склонились перед Шадом, чья фигура стала гораздо светлее прежнего после участия в строительстве Твердыни Господа, и в его присутствии принесли клятву на верность Секхему. Старший из духов-хранителей вручил фараону тонкое золотое колечко с выгравированными на нем иероглифами и сопроводил это комментарием:

— Стоит тебе повернуть кольцо так, чтобы знак с символом Сокола-Гора оказался вверху, как мы явимся немедленно. Мы принесем все, что ты пожелаешь, из того, что здесь есть. И если тебе это интересно, то я именуюсь Ай.

— Для меня это очень важно, — ответил Секхем. — Все мои подданные должны иметь имена.

— Что же тебе понадобилось в этом море богатства, по которому плыть невероятно трудно? — спросил Ай. — Ведь на нем могут быть, помимо штиля, и шторма.

— Я отвечу тебе, Ай, — отозвался Секхем, — но прежде попрощаюсь с Шадом, который ждет слов добрых.

И, обратившись к Горному Духу, он произнес:

— Благодарю тебя, Шад Великолепный, за все твои труды, за твою помощь и за то, что оставил меня живым, когда я вторгся в твои покои. А иначе бы мне здесь и не бывать.

И Шад ответил:

— Все было определено Судьбой. Носивший Перстень Силы и Власти даже короткое время не может погибнуть от руки духов и черных магов, ими управляющих. Будь благословен, великий Сын Сурьи! Прощай и зови, если буду нужен!

Шад растворился. А Ай со своими сподвижниками ждал приказаний.

— Мне нужно Копье Озириса, — сказал Секхем твердо.

— Хорошо, господин, но к нему прилагаются священная плеть и древняя корона царей Кеми.

— Принесите Копье. Остальное я у вас попрошу позже, когда потребуется.

Ай и его спутники исчезли из поля зрения. И перед Амоном и Секхемом возник предмет, похожий на короткую трость. Амон приподнял его и, подав Секхему, сказал:

— Нужно повернуть верхнюю часть вправо. Тогда отделится печать твоего царства и Копье обретет свой истинный вид.

Секхем повернул красный рубин в навершии. Из трости вышла печать. А потом из ее конца сами собой появились несколько звеньев, заканчивающиеся острием. На конце острия светилось ярко-синее пламя, которого так боялась тьма.

— Копье можно направить мысленным посылом. Оно само настигнет жертву. Не нужно даже прилагать усилий, — произнес Амон. — Многие удивительные вещи хранятся здесь, даже редчайшее собрание фараона Эхнатона. Это те подарки в виде механизмов и оружия, которые он получил из Рук Самого Бога Солнца. С Ним он наладил разумную связь, молясь Ему как своему предку и подателю жизни.

Эхнатон отстранил от управления жреческую знать. И как раз после его царствования фараонов стали объявлять верховными жрецами. Но это не отменяет статуса Великого Иерофанта Сераписа, который возложил на твою голову корону царей Египта. Серапис — воплощенный Владыка Мудрости и Тайных Знаний. Он перерожденец Тота Трижды Великого. Он Учитель Мира. И покуда Братство Света имеет Ашрам в Египте, многие проблемы страны ничтожны.

Допущение врага до высшей власти — это его испытание. Посмотрим, что он скажет перед лицом смерти. Последняя минута многое меняет в судьбе. Иногда в этот заключительный момент человек может даже отречься от своих заблуждений и вернуться к познанию преимущества благой стороны. Нельзя отрекаться от Света. Ведь в каждом есть его искра.

Мысли колдуна

Долгая жизнь имеет свои отягчающие моменты. И иногда дух колдуна принуждал его совесть к раскаянию. Но все это быстро в нем проходило.

В месиве бурлящей крови, которая на мгновение приобрела зеркальную поверхность, колдун увидел синий луч, исходящий от какого-то предмета. В помещении стояли двое, но их лица были закрыты психологированной силой Братьев. Их разговор нельзя было понять. Но духи, советники колдуна, говорили о посещении этого места Великим Шадом, Горным Духом. Также они сообщили, что Хранители всех сокровищ Египта были переданы под чью-то власть.

Именно этого безрезультатно добивался черный владыка в течение долгих веков. В свое время он даже поработил для этого Шада, которого от заточения избавил Садр, нынешний алхимик царя Иудеи, обладающего великим Камнем Власти и Силы. Дыхание этого Камня колдун почувствовал недавно. Но этот ярко-синий луч исходил из неизвестного источника. Неужели это Копье Озириса, которое на острие своем несет часть Камня, пришедшего с Ориона? Все могло быть. Но где эти двое находятся? Один, судя по одежде, является жрецом, а другой — в рубище. Не тот ли это нищий аскет?

Мысли колдуна роились одна за другой, перекрывая друг друга. За всеми событиями последних дней ему было не до дервиша и его пророчеств. Но куда же он пропал? Новые козни и интриги? А на коронации нового фараона было столько света, что ему было жутко приблизиться и что-либо увидеть.

Но не все было доступно злодейской натуре колдуна, которому была предсказана гибель от сына фараона. Потому он и выкрал младенца и продал его вместе с кормилицей купцу далекой страны, чтобы никто никогда не знал и не слышал о законном наследнике трона. А с девушкой, его сестрой, было проще: ее выдали замуж.

Подтверждение права на власть

Копье было найдено, и нужно было возвращаться наверх. Поблагодарив Ая, Секхем и Амон решили выйти в город, чтобы не терять времени. Но Ай в ответ на благодарность произнес:

— Мой господин, тебе больше не нужно утруждать себя такими утомительными блужданиями. Стоит только приказать — и в тот же миг мы принесем все, что ты пожелаешь. А ваш путь в город проходит через эту дверь, которую мы откроем. И вы выйдете прямо в Карнакский храм, рядом с большим скарабеем.

Ай исчез. А огромный камень действительно открылся сам собой. И по ступеням лестницы Секхем и Амон поднялись к огромному скарабею, изображенному на постаменте, рядом с которым находился лотосовый пруд. Это была территория храма.

Почти сразу около путников появились люди в белых одеждах. И это указывало на то, что в таких местах везде есть глаза и уши. Но меры предосторожности были не напрасными. Храм не имел стен и был открыт день и ночь. А потому учрежденная служба охраны должна была следить за тем, чтобы не было посторонних, если только не проходила служба.

Шпионы фараона-колдуна шныряли по всему царству. Демонам не терпелось что-либо узнать и донести своему владыке. А в теперешнем его положении они стали еще активнее и наглее, попирая все нормы человеческой морали. Уколы совести были им не знакомы. Гипертрофированные существа были зомби.

Подошедший к Амону жрец спросил его, откуда они взялись, и, услышав два слова, которые тот ему шепнул, низко поклонился и пригласил в свою резиденцию. Это был настоятель великого храма, посещение которого

в последнее время было под запретом. Но жрецов не трогали, надеясь, что они сами оставят это место и службу.

———————————————

Жрецы приняли Амона и Секхема вполне доброжелательно. Они знали обо всех последних событиях и о том, что наступает время великих перемен, за которые нужно будет не просто бороться, но кому-то и отдать свои жизни. Ведь демоны не дремали и, судя по некоторым обстоятельствам, действовали гораздо активнее сторонников нового фараона, которые в большом числе своем праздновали победу и расслабились, растворившись в эйфории успеха.

Но лукавство подземного мира одолеть было не так просто. Уже несколько сторонников новой власти пропали бесследно, и их судьба была неизвестна. Черви вновь активизировались во многих районах, сея ужас и разрушая становища скотоводов и рыбаков.

В ответ на эту напасть начали создаваться отряды самозащиты, сформированные из добровольцев. А в храмах при нападении били в литавры и исполняли священные гимны. Помогали как духовные, так и физические средства. Музыка пугала червей. Они были слепы, но опасность ощущали очень хорошо.

———————————————

Жрецы приняли нового Владыку, но попросили подтверждения. И тогда в зале собраний Шам, ставший Секхемом, достал Копье Озириса и вынул из его навершия громадный рубин с вырезанной на нем печатью великих правителей Египта.

Рубин запылал в его руках, источая такие яркие лучи, что проекция от них легла на белые ровные стены, обозначив имена первородных Богов и Царей, которые некогда основали династию правителей земель Кеми. А сама печать на рубине, похоже, тоже была работой Шамира — настолько изящно и чудесно она была изготовлена.

Свет шел и шел, насыщая изображение. И казалось, что он прожигает стены своим излучением. Духу камня, долго спавшему в заточении сокровищницы, хотелось раскрыть себя и показать свои способности.

Рука нового правителя держала рубин напротив сердца. И его сила также напитывала камень своим жаром.

Жрецы перешептывались между собой:

— Истинный правитель пришел!

И, увидев чудо, они встали на колени и признали власть фараона Секхема. А это означало, что духовная сила Кеми поддержала его, что имело для страны куда большее значение, чем узурпация власти самозванцем.

Подготовка к битве

Великий Анкх, вступивший в контакт с рубиновой печатью, пропитал тело Секхема до каждой клеточки. Какое-то воодушевление произошло с его физиологией, а ощущения стали более пронзительными и острыми.

Но для победы над колдуном недостаточно было овладеть Копьем Озириса и рубиновой печатью великой династии. Во дворце нужно было появиться в полной мере защищенным, поскольку демоническая стража действовала неослабно. Помимо биологических роботов, колдуна охраняли и механические существа, которые работали по принципу магических технологий. Связь между ними и самозванцем устанавливалась на основе крови, которую он капал из собственной руки. И потому система управления ими была налажена очень хорошо. Они чувствовали, какую мысль посылает им их владыка, и исполняли ее беспрекословно, словно были его продолжением.

Выманить зверя из логова было очень и очень непросто. Подсознательно чуя приближающуюся гибель,

черный маг всячески старался не обнаруживать себя на публике. Он не любил больших праздников и свой народ, до нужд и забот которого ему не было дела: люди для него были не ценнее песка в пустыне. Но, по своему высокомерию, колдун не мог помыслить о том, что ему угрожает смертельная опасность, отстраняя саму возможность такого исхода.

Стражей можно было усыпить, но сам колдун должен был умереть в полном сознании. Ведь грех убийства спящего не прощается, будь то простой человек, жрец или существо высшего порядка. Но для того чтобы усыпить стражу и отвлечь внимание духов подземного огня, нужно было неимоверное напряжение воли, превышающее общий потенциал всех сил Пекла. А это значило, что нужна была объединенная мощь всех Белых Братьев.

———————————————

Ифриты, огненные демоны бездны, осуществлявшие охрану дворца, всегда были во вражде с джинами, духами гор и стихий. И потому ощущение поблизости Шада воспринималось ими гораздо большей неприятностью, чем появление в этих краях Секхема и его наставника. Когда ифриты думали о сражении с джинами, они забывали обо всем, в том числе и о своем господине. Их ненависть была куда сильнее заботы о каких-то людишках.

И потому Шаду как Владыке горных духов пришла в голову мысль, которой он немедленно поделился с Секхемом. Его замысел состоял в том, чтобы состоялась битва между ифритами во главе с черным колдуном и светлыми и лояльными к людям духами во главе с новым владыкой земель Кеми. Это было бы честно во всех отношениях. Нужен был только повод для такого события. Но повод лежал на поверхности, поскольку власть злого колдуна была незаконна.

Ифриты готовы были вступить в противостояние в любой момент. Да и джины, хотя и знали, что духи Пекла способны сжечь их в одно мгновение, понимали смысл своего участия. После гибели в такой грандиозной

битве на стороне Света их души обретали более высокое воплощение в иерархии тонких сущностей земного мира.

Возрастающее благородство позволяло джинам накапливать потенциал духов, охраняющих человека. Помимо состоящего из света Ангела-Хранителя, у человека есть охранители и рангом пониже. В ауре людей живут духи-советники и вдохновители, духи здоровья и очищения рода, духи разума и высших чувств. Живут там и духи стихий, осуществляющие связь со всеми стихиями. Они выполняют свою задачу не механически, но сливая свои сознания с человеческим на какой-то, необходимый для них и человека, миг. И по свойству своего характера они во многом являются репринтами человека, которому служат. А рабство им грозит лишь от тех людей, которые привыкли сознательно мучить чьи-то души.

Человек является творцом в миниатюре. Голоса отдельных духов-советников из его окружения могут быть настойчивыми, но все равно окончательное решение исходит от него самого. Зерно его духа способно в будущем взрастить около себя вселенную неисчислимых галактик, созвездий, звезд и планет, где духи-помощники могут занять место планетных и звездных духов. Потому необходимость участия в битве за справедливость, даже при условии гибели, не вызывала у джинов сомнений. Стоило только бросить вызов и назначить место.

И такое место нашлось. Большое пространство находилось в пустыне, в долине вечных ветров, где было вольготно многим сущностям. Но люди опасались этого места, поскольку явление разного рода духов там было обычным делом, а это небезопасным образом воздействовало на человеческую психику.

Белые Братья посчитали, что место выбрано идеально. И для Секхема на этот случай уже давно был приготовлен огненный доспех. Но его можно было применять лишь в редких случаях, поскольку он сжигал физическое тело при долгом ношении.

Амон предпочел свой аурический кокон. А модератор для Секхема был создан скрещенными лучами

защиты Великих Учителей. Такое сплетение мощи было непобедимо. Но эта кольчуга давалась лишь величайшим из сынов человеческих, поскольку могла быть как благословением, так и гибелью: воин, поддавшись гневу во время столкновения, мог сжечь сам себя изнутри.

———————————————

Ущерб луны шестого месяца подходил для решения вопросов глобального плана. Пространство было оповещено о битве. Волнение по всей планете было так велико, что все стихии пришли в движение и в своей неуспокоенности мечтали принять участие в установлении порядка в планетной системе, нарушенного временем господства асуров.

У асуров как жителей подземного мира жажда захватить власть во всех трех мирах всегда была велика. И эта проблема касалась не какого-то отдельного государства, а всей планетной системы. Тьма никогда не могла смириться с верховенством светлых сил. И ее апологеты постоянно плели интриги, используя отработанные методы лукавства.

Кодекс воинов предписывал начинать битву с восходом солнца и заканчивать с закатом. Но ифриты и джины руководствовались правилами иными. Для битвы им нужна была ночь, которую они могли организовать даже днем. Земля начинала дрожать, а вулканы — извергаться. Океанские волны гнали яростные ураганы. Великое предвестие наполняло воздух.

Сетх, великий Бог Пустыни, тоже готов был явиться и участвовать в сражении, вместе со своими червями-монстрами. Мир Небес, Земли и Пекла пришел в неописуемое движение.

Сражение

Напротив друг друга, на значительном расстоянии, стояли два человека. Один из них, озлобленный и сотканный из дымных флюидов, постоянно обзывал другого, высокого и светлого.

— И это битва?! — кричал колдун. — Ты самозванец, назвавший себя сыном царя! А таких я наказываю без всякой помощи моих слуг! Стоит мне пошевелить пальцем — и твоя плоть испепелится!

В угрозах, которые извергал темный, переплетались страх, который он пытался от себя отогнать, и неисправимое бахвальство собой и своею силой.

— Умерь пыл, колдун! Помимо того, что ты погубил тысячи людей и вверг страну в разорение, поправ чувство веры в небесных покровителей, ты убил моего отца — продолжателя орионской династии Богов. Ты убил мерзко и жестоко одинокого старика, а меня продал в рабство вместе с кормилицей.

— Лучше бы я приказал утопить тебя или отдать на съедение крокодилам! — ревел колдун.

— Злоба не лучший советчик. Но, несмотря на твою неисправимую ненависть, если ты попросишь прощения у Великих Богов, у народа Египта, то я, Секхем, Владыка Кеми, прощу тебя и обращу твое омраченное сознание в свет.

— Не слишком ли много ты берешь на себя?! Ты молод, глуп и дерзок! И даже твой названый брат не сможет тебе помочь в этот раз! Сол-Амон сам не заслужил свой трон! И ты хочешь последовать его примеру, нищий бродяга! — вопил колдун.

— Не оскорбляй мудрейшего и благороднейшего из царей! Тебе не понять его достоинств и великолепия, его мудрости и святости!

— Святость?! Тот, кто казнил родного брата, может ли называться святым?! Видно глаза твои и мозги заняты жаждой власти, если ты так считаешь! Для глупцов у меня есть лишь один ответ — стрела смерти!

Но не успел колдун произнести последние угрозы, как, изумленный, увидел, что, вместо Секхема, перед ним стоит существо богоподобное и источающее ярко-синее сияние, ослепительно чистое и невыносимое в блеске своем. Братья надели на Секхема модератор. И даже смотреть было невозможно на свет, идущий от его носителя.

— Если хочешь сразиться, то начинай! — властно произнес Секхем.

А колдун, не ожидавший такого поворота событий, на миг смутился и растерялся, но быстро опомнился и прокричал:

— Меня не испугать, обрядись ты хоть в само солнце! Мои воины оставят от тебя лишь горсть пепла, а ветер пустыни развеет его по пескам! И никто даже не вспомнит имя безродного нищего!

— Не спеши, сын тьмы! Твои ифриты ждут приказа. Дай мне спеть одну из священных песен, которая тебе понравится. А там, делай, что хочешь, — ответил Секхем и, не дожидаясь одобрения, начал петь гимн Великой Матери.

Вся природа и само небо затаились. А голос, чудный, высокий и пронзительный, возносил хвалу Матери Вселенной. И по мере того как мощь гимна набирала силу, за спиной Секхема, в небесах, стал проявляться бесконечный строй светозарных Огненных Существ, Ангелов Божьих. А внизу, под ними, возникли полчища воинов, духов Шада, состоящих из причудливых образований — от призрачно-туманных и каменных до растительных, но подвижных. Даже духи воды, свитые в форму человекоподобия, пришли помочь царю святой земли. А за спиной колдуна всколыхнулось багровое пламя, словно лава всех вулканов заплясала в гневной пляске уничтожения. Ифриты страшились синего света фараона, но их ненависть к джинам была сильнее страха.

———————————————

Исход битвы можно было решить мгновенно, без лишних препирательств и выслушивания оскорблений. Но нужно было убедить планету и всех ее духов в правоте своих действий. И у Сил Света теплилась робкая надежда на раскаянье колдуна, правившего под влиянием Сетха-Нагмануша. Это была не битва, а судебный процесс над беззаконием мира Пекла. И аргументы были неоспоримы, а факты — убийственны.

Сколько бы колдун ни оскорблял молодого фараона, хорохорясь перед своим воинством, душа его еще не утратила последних остатков совести. И в глубине ее еще жил тот чистый и первозданный человек, который под грузом одержания и магических практик, а также совершенных преступлений, уже не мог поступать иначе. Он понимал, что вся его долгая жизнь черного мага не имеет прощения и, чтобы искупить такой грех, придется много раз рождаться в семьях низкого плана и быть нищим рабом и заключенным, очищая страданиями и лишениями свои преступления. Эго, достигшее значительного могущества, противилось этому, но душа знала, что ей не нужны власть и богатство и что благодать божественной любви и есть высший смысл существования и цель всей цепи воплощений.

Секхем держал в руках то самое Копье Озириса, которое в древние времена в числе другого оружия и божественных артефактов было подарено его предку, фараону Аменхотепу, взявшему себе имя Эхн-Атон. Эхн-Атон умел говорить с Солнцем, считая его своим Отцом. И Солнце отвечало ему и давало советы, одаряя дарами Истины. Отношения эти были настолько доверительными, что во время восхода Солнца, Ра, тысячи молящихся видели, как к крыше храма, на котором Эхн-Атон пел гимн славословия Подателю Жизни, вместо обычных лучей, Светило протягивало тысячи сияющих рук.

Копье Озириса и сама печать Бога Ра как символы легитимности власти являли собой утверждение

Космосом правления фараона. А самозванец правил от тьмы, даже не имея понятия о силе благословения небом короны, престола и врученного государства.

Копье было в состоянии ожидания. А воинство обеих сторон, напрягая силы, едва сдерживало свой боевой настрой. Ифриты кружились, как вихри раскаленной лавы, а колдун все выкрикивал что-то мерзкое и оскорбительное.

И все смолкло, когда Секхем в своей сияющей оболочке, не желая больше выслушивать пустые слова обвинения, поднял над воинами руку, в которой было Копье Озириса, сложенное в виде Солнечного Жезла.

— Признаешь ли ты свой грех и свою неправоту, а также тяжесть своих ужасных преступлений?! — крикнул он, обращаясь к колдуну.

Но в ответ зазвучала ругань, злая и изысканная, не имеющая предела. И это означало, что колдун не услышал голоса разума.

———————————————

Тем временем противоборствующие силы в нетерпении ждали своего часа. И, чтобы не заставлять их ждать больше, Секхем предложил колдуну личный поединок, который решил бы исход битвы. Маг усмехнулся. И конвульсия издевки, как импульс темного электричества, пробежала по его лицу.

— Я полагаю, оборванец сам выберет вид оружия! А я пока развлекусь! — прорычал колдун. — Я одним жестом руки уничтожу тебя! — добавил он и, открыв ладонь, выпустил из нее поток багрового света в сторону Секхема.

Луч был плотный, интенсивный и смрадный. В ужасе ифриты спрятались от него подальше, а Ангелы приготовили свои щиты-зеркала. Ударив в серебряный доспех ауры Секхема, этот поток пламени отразился и вернулся назад. Увернувшийся маг пропустил его в гущу своего воинства, отчего передние ряды ифритов были сожжены, а другие начали впадать в панику.

Второй удар мага был более мощен. И, казалось, с потоком багрового луча лава всех вулканов Земли полилась на войско Секхема. Духи воды стали громадной стеной и погасили и эту атаку. Она буквально захлебнулась.

— Несчастный! Именем всех Великих Богов Неба и Сил Света предлагаю тебе признать свои злодеяния и покаяться, прежде чем я нанесу свой удар! У меня нет ненависти к тебе, но обстоятельства приказывают предупредить тебя, прежде чем ты будешь уничтожен! — взывал Секхем.

Но в ответ он услышал лишь дикий хохот. И тогда, подняв жезл над головой, Секхем увидел, как он, развернувшись, превратился в длинное золотое копье, на острие которого сияло пронзительно-синее яркое пламя.

Без усилия со стороны фараона Копье Озириса отделилось от его ладони и устремилось к колдуну. И произошло это так быстро, что тот не смог увернуться. Пробив все семь уровней темной защиты, копье вошло в сердце, откуда повалил едкий дым, и тысячи ужасных образов духов-одержателей заполнили поднявшийся столб из сажи и копоти.

Дикий крик ужаса вознесся к небесам. Но, перед тем как умереть, тело колдуна обрело форму обычного человека, слабого, жалкого и несчастного, который произнес:

— Прости за отца!

И этого было достаточно, чтобы Силы Высшего Сострадания и Владыки Кармы зачли это за признание преступлений, за осознание тех несчастий и страданий, которые были причинены народу великой земли Кеми.

Человек сложил руки и превратился в кучу пепла, который порыв налетевшего ветра поднял вверх и развеял по всем барханам. А на месте прикосновения огненного острия копья песок превратился в зеленое стекло, крепкое, как алмаз.

Вместе с колдуном исчезло и его воинство, словно его не было вовсе.

Встав на колени, Секхем обратился с благодарностью к Силам, его оберегающим. Все были растроганы таким жестом благородства и уважения к ним.

———————————————

Радость победы и ликование наполнили пространство. Эта волна достигла самых дальних и глухих уголков земель Верхнего и Нижнего Египта. Никто еще не мог знать о произошедшем великом событии, но каждое сердце почувствовало какое-то невероятное облегчение, словно освободилось от рабской тяжести и долгого закабаления. Эта битва Света и тьмы была настолько значимой, что отразилась на жизни всей планеты. Произошло одно из избавлений Земли от накопленного яда.

Владыка Сол-Амон и Великие Мудрецы явились, чтобы поздравить Секхема. А наставник его, Амон, находившийся рядом, был безмерно счастлив, потому что была восстановлена величайшая справедливость.

Последнее явление колдуна в виде человека со сложенными руками говорило о том, что он раскаялся и что лишь груз дьявольской природы, захватившей его личность, не давал слабой воле признать свою неправоту и превращал все его поведение в редкую степень неисправимости. Но проклятие изрыгал не дух человеческий. Это была трансляция одержателя, поселившегося в его оболочке.

Торжественный въезд фараона в царский дворец отличался необычайной пышностью. Но прежде были применены все обряды очищения дворца от скверны присутствия колдовских сил. Огромное скопление народа провозглашало хвалу новому правителю. Но сам он знал, чья заслуга является самой весомой в этом великом событии.

После раздачи золота всем людям, независимо от их статуса и положения, фараон пожелал воздать хвалу Небесам. И его пронзительный гимн, который он спел с необычайным вдохновением, не просто тронул всех, но вызвал такое невиданное восхищение, что многие рыдали от привхождения благодати.

А в Небесах в своем тонком обличье, не заметном простому народу, ликовали Боги и небесные души, окружающие их.

И духи-помощники присутствовали тоже. Но им не нужны были ни золото, ни материальные дары. Слова, идущие от сердца, были высшей наградой для них — слова невыразимой благодарности за их помощь.

Наступила новая эпоха великого царства Кеми.

Решение проблем страны

Но множество проблем нужно было решить, устраняя неверие и заблуждение. Злое правление отравило разум не одного поколения, внушив людям, что они покинуты Богами и что до них нет никому дела. И потому работы было столько, что хватило бы не только на Раху и Аскера, но на всех грамотных и благородно настроенных людей.

Нужно было открывать школы, создавать лечебницы и дома престарелых, а также многое из того, что могло бы привести народ Кеми к благоденствию. И одно то, что хлеб и лечение были сделаны бесплатными, значило многое. Это был тот минимум внимания к людям, который, как луч — от солнца, доходил от правителя до каждого.

Но все-таки этого было недостаточно, чтобы заставить разуверившихся и испуганных людей открыть сердце новой власти. Нужна была сила, которая напитала бы земли Кеми благожелательностью и миролюбием, чтобы каждый мог почувствовать себя под защитой небесных сил.

И тогда фараон Секхем пошел на беспрецедентный и невиданный по тем временам шаг. Он позволил просителям из любого сословия, будь то бедуин или ремесленник, вельможа или купец, учитель, крестьянин или

погонщик верблюдов, в определенное время приходить к нему на личную встречу. Двери золотого дворца открылись для народа, как и сердце нового вождя. И это всколыхнуло все слои общества, ибо владыка Египта, потомок Сынов Солнца, уравнял всех сирых и убогих и готов был сам решать их судьбу и удовлетворять их нужды. Это не вмещалось в сознание народа, но лицезреть нового владыку желали все.

———————————————

Однажды Секхем, сидя в книжном хранилище, обратился мысленно к Владыке Сол-Амону:

— Брат мой! Возможно ли перенести Свет Мудрости в мою теперешнюю опочивальню? Или он так и должен остаться в башне твоего дворца?

— Друг мой и Брат, — ответил Сол-Амон. — В твоей стране достаточно средств познания мира, о которых ты пока даже не догадываешься. Я мог бы отдать тебе изумруд вместе с дворцом и самим городом. Но нужно понимать, что каждая вещь, даже мистическая, служит определенной цели и месту. Свет Мудрости, сокрытый тобой в башне дворца, никто не сможет найти. Пусть он пока там и будет. А в твоей сокровищнице есть Изумрудная Скрижаль, и даже череп из изумруда, созданный мастерами древних эпох и принесенный из иных обиталищ человечества. Но если тебе все же необходим именно тот кристалл, то я попрошу Шада принести тебе его.

— Нет-нет, Владыка! Ты меня убедил. В порыве погружения в прошлое я запамятовал, что у меня есть для исследования громадные накопления знаний: рукописи и книги, кристаллы и золотые и каменные листы, а также несчетное количество хрустальных шаров, хранящих древнейшие знания человечества. Ты прав: прежде чем бросаться в память прошлого, следует поискать у себя под ногами.

И это было в буквальном смысле слова: ведь сокровищница мудрости находилась прямо под троном владыки Египта. И стоило только приказать, как духи-хранители могли немедленно предоставить все, что

есть в их распоряжении, а при необходимости — и принести вещь или книгу с любого континента во временное пользование.

Большинство людей с трудом понимают, что достояние вручается им лишь на время. Сокровища семьи могут передаваться детям и внукам, но все-таки ничто не может выйти за пределы этой сферы обитания. Только здесь можно блистать в украшениях из драгоценных камней. Только здесь можно демонстрировать свою финансовую состоятельность. А выше, в мире чувств, нужны иные привычки, хотя от многих из земных привязанностей и там трудно избавиться.

Дар Бога Ра

По утрам Секхем, уже достаточно освоившийся с ролью правителя, любил выходить на крышу дворца, чтобы встретить восходящее Солнце. Часто его при этом сопровождал Амон, принявший пост Верховного Иерофанта государства.

Солнце поднималось медленно, словно нехотя. И едва оно оторвалось от горизонта, как фараон увидел в нем улыбающееся лицо красивого существа, которое протягивало к нему тысячи своих лучей-рук. Глубоко внутри головы, или, скорее, в области сердца, прозвучал мягкий, отечески нежный голос:

— Секхем, дитя Мое! Я твой Предок и Родитель всего рода Царей Египта! Я обращался к тебе постоянно многие годы и десятилетия, но ты до времени не слышал и не видел Меня. Очи мудрости твои до времени были закрыты, а слух — запечатан. Но это не печалило Меня. Я знал, что рано или поздно созревание духоразумения должно будет случиться. И теперь Я неизъяснимо тронут тем, что могу быть услышанным. И с этих пор ты всегда будешь слышать и видеть Меня.

В синий свет твоего доспеха была вложена Моя сила, как и в огненное острие Копья Озириса, которое победило супостата. Я знал твой путь. Я видел тебя повсюду. В часы радости и печали, горести и счастья Я оберегал тебя и облучал. И теперь ты достиг степени такой мудрости и святости, что имеешь способность получения от Меня небесных даров. Я могу дать тебе оружие и украшения, книгу мудрости высшего человечества и предметы красоты и исцеления людей. Многое из того, что ты даже не представляешь, Я имею в кристаллах своей духовной силы. Все это может материализоваться в вашем мире плотных стихий, хотя в других мирах свойства и состояния совершенно иные, не похожие на земные. Даже слова мои, в силу ограничений физического тела, воспринимаются в определенном диапазоне звуков и смыслов. Но реально они имеют гораздо более глубокое и широкое содержание.

Все допустимо по мере законов космоса. И потому до полудня, до того времени, когда лучи Мои станут жгучими и ты не сможешь смотреть на Мое лицо — хотя и этим ты вскоре овладеешь, — Я дарю тебе, сын Мой, новую корону Египта, так как прошлая была осквернена самозванцем и заражена миазмами жадности. Прими Мой первый, но не единственный, дар. А Я пока ухожу в сферы недосягаемости, так как жар мысли Моей может сжечь тебя.

На голове Секхема, склоненного перед Ликом Владыки Небес, появилась ослепительно сияющая корона из синего золота. И царь только и смог прошептать в ответ:

— Отец мой! Благодарю всей душой и сердцем за счастье лицезреть Тебя! Любовь моя к Тебе безмерна, а вера и преданность не меньше того. Хвала Тебе, Великий!

А Амон наклонил седую голову к крыше и не мог поднять ее во все время, пока длился этот разговор. А когда он поднял ее, в глазах его видны были слезы, которые лились соленым и обильным ручейком по старческому лицу и длинной седой бороде.

———————————————

— Воистину, ты Владыка богорожденный! — обратился Амон к Секхему, когда утихло его невероятное душевное волнение. — Пройдя через такие трудности, начиная с самого рождения, ты все-таки возвратился, чтобы исполнить миссию, для которой был предназначен. И я счастлив, что имел возможность помочь тебе постичь самого себя.

Конечно же, я знал, кто ты есть на самом деле. Когда ты лежал в бреду на корабле царевича Иудеи, я осматривал тебя и видел сокровенные знаки. Но говорить об этом ранее срока было бы губительно для тебя. И ты просто не знаешь, каких опасностей тебе удалось избежать. Ведь и твое последнее путешествие лишь внешне казалось безмятежным. Несколько наемных убийц искали тебя, чтобы умертвить. Но удача была с тобой.

— Дорогой мой Амон! — ответил тронутый Секхем. — В том, кем я стал, во многом твоя заслуга. Я мог бы погибнуть в пустыне или умереть от истощения в каюте корабля. Но ты спас не только мое тело, но укрепил и воспитал меня духовно. А сейчас давай спустимся вниз. У нас множество дел, не терпящих отлагательства. Будем теперь учиться у Солнца. Оно не обманет нас и не утаится от нашего вопрошания.

———————————————

Появление фараона Секхема в новой солнечной короне произвело переполох. Казалось, что вместе с ней новый царь обрел и незримое сияние, источаемое силой его души. И сам Секхем заметил за собой проявление тех качеств, которые он уже ощущал когда-то — тогда, когда носил Перстень Власти. Но в то время это были лишь зачатки ясновидения и яснослышания. А теперь он мог не только слышать поток мыслей, но и видеть их причину и форму передачи. Все это было удивительно и волшебно, но чрезвычайно утомительно. Ведь мысли людей по большей части являют собой жалобы и просьбы о справедливости.

Получив такую способность, которая поражала придворных, Секхем безошибочно определял проблемы и посылал своих представителей в те места, где нужно было с чем-то разобраться. Это сеяло суеверный ужас среди чиновников и наместников номов. Сам слух о подобном отучал их запускать руки в государственную казну и заставлял исполнять исправно свои обязанности, прислушиваясь к нуждам населения.

Астральная труба

В одну из ночей Секхему не спалось. И он поднялся на крышу дворца, чтобы побыть наедине с небом.

Орион сиял как грозный Страж Небес. А внизу за ним следовал Сириус-Сотис. Сириус поднимался над Нилом только в весеннее время. И потому его именовали Слезой Изиды, считая, что эта капля переполняет Нил и дает ему разлив вод, что было весьма благоприятным событием для страны. Разлив делал земли плодородными. И по его размаху можно было судить о будущем урожае.

Звезды завораживали Секхема. И небо притягивало взор настолько, что казалось, что он теряется в нем, полностью растворяясь, словно крупица белой кристаллической соли — в ночной воде. Его душа обретала свойство всеобъемлемости. И сознание не покидало ощущение, что оно слышит дыхание каждого светила и мириад душ, живущих на них.

Неожиданно боковым зрением Секхем уловил промелькнувшую недалеко тень. Но откуда она могла взяться, если рядом никого нет? И тонкая догадка озарила сознание. Это мог быть только его царственный Друг, который на своем летающем ковре мог посещать любую страну, и даже молиться на одной из Гималайских гор.

И в ответ на свои мысли Секхем услышал такой родной и знакомый голос:

— Ты угадал, любимый Брат мой! Я решил навестить тебя без предупреждения, несмотря на то, что мы можем общаться и в духе.

Сол-Амон обнял Секхема. И звезды засверкали неестественно ярко, словно слияние двух мощных аур этих людей стало линзой, фокусирующей их силу.

— Ты возмужал и стал мощным, словно лев пустыни, — сказал Сол-Амон. — Но управление страной ложится на человека такой тяжестью и ответственностью, которая порой невыносима. Не напрасно говорят, что глупцы гонятся за властью, а мудрецы бегут от нее. Но в нашем случае власть — это жертва. Мы приносим жизни свои во имя благоденствия народа.

— Посмотри, Брат! — ответил Секхем, взглянувший на небо. — Кажется, что звезды слушают нас.

— Ты прав. Сильная мысль долетает до дальних миров. А если она наполнена любовью и состраданием ко всем существам во всех шести мирах, то сила ее может стать причиной зарождения планет. Но не желаешь ли ты увидеть солнце своих предков? Я говорю о Сотис, откуда, по преданию, пришли первые цари Египта?

Секхем изумленно посмотрел на Сол-Амона.

— Но разве это возможно, если это не полеты во сне?

— Еще как возможно. Мистики знают об астральной трубе. Ее можно создать как механизм, приближающий любую звезду или планету.

С тобой уже говорил Сам Отец твой, Ра. И тебе надо знать, что наше Солнце и Сириус являются звездами-близнецами, вышедшими из одного круга рождения. Только позже они разделились. Такое случается в великом Космическом Мире, когда сгустки огня отрываются от Прародителя и становятся самостоятельными единицами. И мы сами в зерне нашего духа когда-то отделились от Вселенной Вечного Света и пустились в величайшее по продолжительности странствие по океану Беспредельности.

Твоя корона способна на многое. Это скорее аппарат, чем простой знак власти. Синее золото есть только в Мирах Высших, а на планете Земля его ничтожно мало.

Астральная труба — это тоннель духовидения, выстроенный творящим вихрем наших желаний и мыслей. Корона увеличивает силу мысли в сотни, и даже тысячи, раз и делает доступным путь в космические дали. Тело твое останется здесь, но ты, даже не покидая его, будешь видеть жизнь на удаленных мирах воочию, словно грезишь наяву.

Все сказанное было совершенно ново для Секхема. И астральная труба представилась ему некой свернутой радужной дорогой или огромным вервием, которое пусто внутри.

———————————————

Легкая дрожь, пробежавшая по плечам Секхема, была признаком того, что столб предвечного огня в нем начал активизироваться под руководством величайшего из мудрецов своего времени. Сол-Амон призвал все силы Неба и Хранителей Земли открыть молодому фараону великую тайну в эти ночные часы, когда такой опыт происходит успешнее, чем в другое время.

Пульсация энергий обретала уплотненную форму серебристого цвета. И внезапно из головы Секхема, из его короны, выделился тонкий луч, устремившийся в сторону Сириуса. Луч рос и расширялся. И прежде чем Секхем перешел в новое состояние сознания, он увидел, что навстречу ему от этой звезды летит похожее образование, словно труба, сплетенная из серебряных нитей, сверкающая искрами радужных огней. Владыки Небес услышали соединенную мысль двух царей, выражающих мощь своих народов. Ведь вожди имеют право использовать силу духа, точно так же как мобилизовать население, превращая его в воинов во времена угрозы отечеству.

Когда космическая ниточка, идущая от Сириуса, соединилась с его энергетической воронкой, Секхем словно попал внутрь светового тоннеля. По стенам

его светились картины, не понятные земному разуму, а в местах, свободных от диковинных мыслеформ, шел бесконечный ряд чисел, создающих вихревой поток. Как для усиления полета пули или снаряда в гладких стволах делают спиральные нарезы, так и в этом огромном тоннеле, как показалось фараону, мысль двигалась подобным образом.

Сквозь серебристый туман Секхем увидел летящую к нему звезду — а может быть, это его дух летел к ней. Звезда росла, переливаясь голубым светом. И какая-то сила позволяла смотреть на ее свет без опасений.

Сириус увеличился до размеров Солнца и продолжал расти. И тогда Секхем увидел, что это была не одна звезда, а две равнозначные, вращающиеся друг вокруг друга. Они создавали нечто, напоминающее круг, поделенный на две полусферы, похожие на число 69. И ряд планет летел по орбите вокруг этих двух звезд, которые воспринимались как одна.

Устремив взор на одну из планет и мысленно приблизив ее, Секхем увидел, что громадное пространство на ней занято водой и только небольшие горные массивы с красивыми долинами застроены зданиями причудливой формы, на Земле не встречающейся. Их красота поразила Секхема. Величественные иглы уходили далеко вверх. И между собой они были связаны сфероидальными мостами. А в окна были вставлены разноцветные кристаллы различной огранки.

Кристаллические окна разной конфигурации конденсировали для жителей планеты необходимую энергию, и не только тепловую и световую. Некоторые кристаллы усиливали даже мысленные посылки. Каждая форма огранки и цвет создавали фокус определенного вида. И огромное значение придавалось тому, какая энергия формы излучается в пространство.

Горы планеты источали свет, а океан фосфоресцировал, выбрасывая световые фонтаны. И невиданные существа населяли воды планеты. Но и города были заселены людьми, отличного от египтян или израильтян

типа. Их кожа была голубовато-белой, а рост превосходил земной в полтора-два раза.

Дворец правителей, необычайно высокий и устойчивый, был устроен наподобие цветка лотоса. И вокруг него, вместо пчел, летали дискообразные объекты, словно пыльца — над цветком.

Секхем видел дома-шары как у основания игл, так и на вершине их. Но более всего его поразило, что огромные шарообразные, или сфероидальные, здания покоились и на водной поверхности океана. Видимо, стихии на этой планете системы Сириуса вели себя не так агрессивно, как в мире земном.

Все это Секхем увидел мгновенно. Но неожиданно перед его взором возник громадный глаз с синим зрачком, похожий на Глаз Гора, который изображается в храмах Египта. Но этот Глаз был громадным и живым. И казалось, что его взгляд имеет охранительную способность. Видимо, он являл собой защиту планеты. Но Секхем догадался начертать в воздухе знак Тау. И в ответ на это Глаз исчез и открыл ему много чудесного.

———————————————

Секхем был одним из образованнейших людей своего времени. И, как духовно развитое существо и творческая натура, он мог представить себе многое сообразно своей фантазии. Но то, что он увидел, не вмещалось в его ум, хотя значительно расширяло пределы его представлений.

Конечно, для такого путешествия нужна крепкая психика, закаленная не только видениями и встречами с представителями темных сил. Важно само допущение увидеть невозможное. Ведь крепость рассудка должна быть не разрушена, но укреплена, а увиденное должно остаться в сокровищнице воображения и интуиции. Каждое знание отталкивается от уже накопленного в Чаше опыта. И сверх своего понимания невозможно ничего ни принять, ни усвоить. В лучшем случае внимание проигнорирует такие явления, а в худшем — человек впадет в безотчетный ужас.

Но время работы с астральной трубой на первых порах должно было быть весьма ограниченным, чтобы не нанести вреда телу физическому. И потому нужно было постепенно сворачивать опыт.

Возвратившись в обычное состояние, Секхем заметил, что Владыка Иудеи погружен в глубокое раздумье. Но как только Секхем очнулся, Сол-Амон открыл глаза и улыбнулся.

— Не надо слов, — сказал он. — Я знаю, что ты видел. Без сопровождения и защиты такие путешествия не совершаются.

На Секхема внезапно навалилась невыразимая усталость, с которой он едва справлялся. За время опыта он, видимо, исчерпал значительное количество сил. И потому, попрощавшись с Сол-Амоном, он спустился вниз, в опочивальню, где проспал под присмотром Амона почти сутки. Но перед расставанием с Сол-Амоном он успел спросить у него о длительности своего опыта. И тот ответил:

— Ты отсутствовал не более двух минут.

И, засыпая, Секхем никак не мог избавиться от удивления: как же можно было за несколько мгновений посетить небесные обители? Но Старец Горы, явившийся ему в просоночном состоянии, ответил, что мало кто знает об истинной задаче и способностях человека. Они будут раскрыты в далеком будущем. И тогда не нужны будут ни летательные аппараты, ни продукты, ни золото как эквивалент богатства. Все это будет производиться психической силой каждого человеческого существа.

События в Иудее

Царица Иялуру, возвратившаяся в Иерусалим, была неслыханно рада тому, что через нее прошел ток судьбы, обнаруживший в придворном поэте и друге царя Иудеи

будущего владыку Кеми. Она вернулась на север с ощущением торжества, ибо была восстановлена справедливость и Солнечный Род не погиб.

Путешествие всегда что-то меняет в человеке, словно часть его души остается где-то далеко. Но одновременно путешествующий приносит с собой частицу дальней земли, ее атмосферы и чувств.

Печаль разлуки с братом мучила Иялуру, так как она искренне полюбила его той особой сестринской любовью, которую не испытывала ни к кому другому. Но и на своего законного супруга после всех случившихся событий она стала смотреть по-иному. Более мягки, тонки и душевны стали их отношения. И в конце концов она поняла, насколько велик и мудр ее муж.

———————————————

У царя Иудеи было семь имен, каждое из которых соответствовало либо определенному периоду его правления, либо какому-либо увлечению. «Шломо» было светским и привычным именем, означавшим «мирный», «милостивый». Но самое тайное, оккультное имя не знал никто, даже мудрецы того времени, так как великие духи и демоны подчинялись вибрации этого имени, сказанного шепотом, и беспрекословно следовали приказу того, кто его произнес.

Многие чудесные вещи удивляли тех, кто приходил к престолу Владыки Иудеи. Львы, стоящие по обе стороны семи ступеней, протягивали лапы в знак приветствия поднимающегося к трону царю, а орлы распахивали золотые крылья. Но мало кто знал, что в государстве существует тайная мастерская, которая не уступает по своим возможностям деяниям атлантов, создававших искусственных механических людей.

Благосостоянию Иудеи весьма способствовал Садр, знавший секрет получения золота из свинца и ртути и достигший в этом искусстве непревзойденных высот. Самому ему золото было нужно лишь для определенных ритуалов и создания эликсира бессмертия, не более того. Богатство и накопление его были чужды алхимику,

о возрасте которого не знал никто, а по внешности угадать это было чрезвычайно трудно.

Монетный двор исправно чеканил золотые шекели. И Владыка щедро одаривал ими строителей и рабочих. Могущество его росло, и никто в окружающем мире не смел обижать его купцов и посланников.

Так как философский камень являл собой вершину достижений науки того времени, то наравне с трансмутацией свинца, меди и ртути в солнечный металл в мастерской Садра изучалось и воздействие частиц Камня Власти на земную материю и на само общество. Нахождение Камня в государстве создавало магнетизм невиданной удачи и благополучия разного уровня. И изучение феномена изменения отдельных людей под его влиянием было очень важно. К тому же перед Садром был пример Шама, ставшего царем Кеми. И он понимал, что Камень и здесь сыграл свою роль.

У Иудеи было множество врагов. И они подкупали отдельных ненавистников Сол-Амона, для того чтобы беспорядки в стране не просто присутствовали, но превращались в атмосферу хронического беспокойства. Но власть в стране была организована настолько тонко, что тайная служба работала весьма искусно и изолировала крикунов в зачатке.

Владыка Иудеи постепенно достраивал великолепный Храм в Иерусалиме. Но без Шада этот процесс длился бы вечно. Владыка Горных Духов усиленно участвовал в его строительстве — если не лично, то посылая для помощи свои легионы. И виданное ли это было дело? Духи, которые ужасали и вводили в дрожь людей, стали строителями Храма Господа Миров.

А изящная резьба по камню, которая изумляла всех тонкостью работы, была бы невозможна без Шамира. И, следуя обещанию, данному Владыке Гор, по окончании работ серебристый червь был возвращен Шаду, хотя многие из ювелиров, прослышав о нем, хотели бы иметь его у себя.

Но Шад не уходил из-под власти Сол-Амона, поскольку Перстень с Камнем подчинял его. Но для

Горного Духа это не было тяжким бременем. Он привык к учености и благородству царя и часто, беседуя с ним, вспоминал высокого юношу, обладавшего особой сердечностью и трогательностью.

———————————————

Как-то Сол-Амон сидел в своей тайной комнате, читая древний магический свиток. Его взгляд упал на текст, где был упомянут Великий Демон Мира Асмодей. Царь несколько раз прошептал это имя, на что неожиданно появился Шад и обратился к нему:

— Господин, что тебя смутило? Ведь Асмодей — это мое второе имя. А история его столь же грустна, сколь и загадочна. Я, как и многие другие духи, родился от связи Ангела с земной женщиной и потому обладаю способностями как отца, так и матери. От отца — моя возможность мгновенно перемещаться в любую область планеты, слышать все слова человеческие и видеть дела людей, приходя им на помощь или устрашая. А от матери я взял способность уплотнения себя до состояния материального. Я даже могу иметь человеческий облик и пребывать в нем определенное время, не теряя своей силы.

Но, о царь, есть печаль в том, что я наполовину ангельское существо. Мой отец некогда пожертвовал собой, так как его небесная душа сострадала одинокой девушке, мечтающей иметь прекрасного мужа. Владыки Мира обрекли его на существование в человеческом теле на десятки воплощений, но, вдобавок, лишили возможности видеться со своей женой. И теперь он где-то скитается по миру, не находя себе пристанища. А мать моя, которая растила меня до семилетия, испытала горе, так как, достигнув этого возраста, я просто исчез на ее глазах. Иногда я являлся перед ней, обнимал и подбадривал, помогал и приносил подарки или что-то из угощений. Но сейчас ее уже давно нет здесь. Владыки Мира наложили на нее заклятие, и она больше не может родиться на земле. Но это сделано не по жестокосердию Высших Сил, а потому, что она приняла в себя такую энергию

ангельской любви, что очистилась, но стать Ангелом не может. Я часто вижу ее далеко от земли, в особом месте, где она вновь и вновь переживает свою любовь к Светоносному Существу.

— Чудны слова твои, Шад! Я, конечно, слышал о том, что многие демоны — это потомки падших Ангелов. Но твой рассказ удивителен. По сути дела, функции силы твоей необъятны. И потому ты начинаешь светлеть в своем существе, хотя предписано тебе жить в Тонком Мире до скончания земных веков. Но ведь столько блага ты можешь принести, забыв об озлоблении и многих унижениях, которым подвергли тебя невежественные черные маги.

— Было и такое. Но ведь и тебе по силам заточить любого джина в сосуд и, поставив свою печать, выбросить его в глубокое море. Для духа, не ограниченного в своей свободе перемещения, это самое страшное наказание. Потому и клянется он исполнять все прихоти своего спасителя или, наоборот, в озлоблении и бессилии дает клятву убить обидчика. Но и у джинов есть благородство и зачатки высоких чувств. Ведь что-то должно быть в нас от природы Ангелов.

— Я искренне тебе сопереживаю, благородный Шад! И ты оказал мне такую помощь, о которой я даже не мог подумать. Имею в виду построение стен Храма и всех самых тяжелых конструкций. Ведь даже тысячи людей не могли бы это сделать. Но и нашему другу Шаму ты со своим воинством помог в его битве. Могу ли я попросить тебя, чтобы ты при великой нужде вновь явил ему свою силу?

— Несомненно, Господин! Его я тоже считаю своим другом. Землям Кеми достался великий фараон.

— Но врагов у него хватает. И главная заноза Египта — Сетх.

— Я давно уже дал Шаму обещание, что по его зову всегда приду. Благородство отличает его от других людей. И для меня оно лучший пример. Такие судьбы невероятны. Он мог бы погибнуть тысячи раз, но всякий раз случай решал ему жить.

— Все верно. И мне довелось послужить рукой судьбы и спасти будущего фараона, полузанесенного песком пустыни. Не ради хвастовства говорю это, но дивясь работе Матери Судьбы.

— А его полет к Звезде Предков сделал его почти равным тебе, не в обиду будет сказано.

— Но какая же тут может быть обида? Я сам наблюдал за его полетом по космической трубе, чтобы при случае помочь.

— Господин мой, — подвел итог Шад, — моя преданность никогда не оставит тебя ни в одном из миров, где бы ты ни был.

И это был не простой обмен любезностями. Говорили два Властителя Мира, каждый из которых правил своим делом достойно. И этот разговор, состоявшийся на горе Мориа, только укрепил связь между ними.

События в Кеми

Орден Сетха не желал так легко оставлять свои позиции. И во многих местах Кеми назревали восстания, подготовленные последователями бывшей темной власти. Будучи начальниками областей, больших и малых городов и сел, внезапно потерявшими свой статус и влияние, такие существа не могли примириться с ролью обычных обывателей. Они организовывали пропагандистские выступления против новой власти, пользуясь если не ее просчетами, то лояльностью, и даже мягким отношением, к народу. Бунтари утверждали необходимость жесткой царской руки и указывали на повсеместное нищенство простого народа.

Как на большой карте Египта, фараон видел эти багрово-алые вспышки ненависти и, следуя совету Амона, вовремя посылал туда своих верных людей — и не только войска, но и грамотных жрецов, способных растолковать

позицию царя. В каждом поселке и городе утверждались гражданские дружины для наведения порядка, которые при необходимости поддерживались и военной силой.

Но люди продолжали гибнуть от монстров-червей и слуг Сетха. И тогда решено было сооружать ловушки для них около поселков и становищ, поскольку одинокие путники были им не интересны. Песчаные бури приносили болезни. И тогда Аскер создал программу по защите государства от этой напасти.

Безвозмездная раздача воды и хлеба и создание бесплатных школ и больниц постепенно меняли людей. Защита от смертельной опасности укрепляла веру в царя. Была распечатана для использования царская сокровищница — в той ее части, где хранилась такая несметная казна, словно ее собирал дракон. Но сокровенные отделы были по-прежнему скрыты, так же как и механизмы и магическое оружие, которое могло быть применено в момент крайней нужды.

Время было сложное. Но для правителя любой страны оно не может быть простым никогда, поскольку проблемы и их решение есть поле действия для власти. Но одни правители отмахиваются от проблем, а другие — стараются решить их до конца. И если царь не впадает в развлечения и пороки, перекладывая на других государственные дела, то его бремя нельзя сравнить ни с каким другим.

Секхем, прошедший цепь великих перерождений, всегда находился в поле внимания Белого Братства. Владыке Серапису он был знаком по многим совместным трудам. Да и фараоном он был не в первый раз. Выйти из круга правителей почти невозможно. И здесь случайностей не бывает. Но, как и во всем, есть великие вожди и реформаторы, а есть те, кого народ проклинает и оставляет в памяти как никчемного и пустого царя.

Власть не должна быть однонаправленной. Обратная связь для нее очень важна и необходима. А иначе не узнать тревог и нужд народа, которым управляешь. Потому Секхем, как некогда великий Сол-Амон, часто, одевшись в простое платье, выходил в город, на

рыночную площадь, чтобы услышать все последние новости из уст толпы.

Многолюдье обладало сведениями куда более обширными, чем служба безопасности. На уровне слухов и сплетен до царственных ушей доходили такие удивительные факты, что не принять их к сведению было невозможно. И это помогало правителю. А министры удивлялись, откуда какое-то незначительное событие стало известно ему. Но для Секхема не было ничего незначительного, то есть такого, на которое не нужно обращать внимания. Ведь из малых событий вырастают великие свершения.

———————————————

Сетх не мог успокоиться и, несмотря на свое поражение, замыслил убийство царя. Но в подробности своего плана он не посвящал даже своих ифритов — существ, живущих в мире Пекла и состоящих из лавового огня.

Вступление в открытое противостояние грозило гибелью, так как за спиной Секхема чувствовалась сила Прародителя Мира, Синего Солнца. И потому, следуя мудрости, что вода камень точит, Сетх выбрал тактику посылки мелких ядовитых мыслей. Ведь даже маленький камешек, попавший под колесницу на ровной площади, может ее перевернуть. И такая волна змей-мыслей, разжигающих властолюбие, жадность и страсти разного рода, посылалась в сторону дворца.

Но тронный зал, по совету Верховного Иерофанта Амона, облицевали золотыми листами, на которых была сделана изумительно тонкая чеканка, изображающая сцены из жизни Богов и великих фараонов земель Кеми. И эти изображения явили собой внешний круг защиты, не просто задерживая, но, по закону обратного удара, возвращая часть мысленно-чувственного яда назад. Зеркала силы работали исправно. И так как и аура Секхема имела способность уплотняться до огненного состояния, когда начинал действовать дарованный Братством доспех, то попытки навредить ему были напрасными.

Дар голографичного зрения

Гимн-приветствие Богу Ра Секхем начинал задолго до восхода. Но не всегда фараон удостаивался священной беседы со своим Прародителем. Наверное, нужны были очень веские причины, для того чтобы Солнечный Разум отозвался на зов.

Владыка Мира посылал ему не только духовные, но и материальные дары. Это были непобедимый Меч и всевидящее Око — кристалл, позволявший обозревать все на любом расстоянии. А в последний раз Праотец подарил ему удивительное устройство, используя которое, можно было из самого крепкого базальта и гранита выплавлять изображения, вырезать из скал обелиски и наносить на них письмена любой величины.

———————————————

Одна из значительнейших в жизни Секхема встреч произошла неожиданно. Солнце поднималось, как обычно. Но в этот раз оно начало пульсировать, посылая на землю свои разноцветные слепки, которые заполнили все пространство от края до края. И вслед за этой игрой Солнца появилась тончайшая радужная стрела, которая, соединившись с одним из призрачных слепков, явила Лик Владыки Дня, Ра Великолепного. Лик был прекрасен и величествен, а лучи струились, как кудри.

— Сын Мой! Я принял все меры, чтобы не навредить тебе, и потому являюсь в таком необычном виде. Пришло время, когда твой дух созрел достаточно, для того чтобы перевести твое сознание на новый уровень самоосуществления. И это связано с глубоким утверждением твоей необратимой силы нравственности. Твоя огненная стезя достигла Небесных Врат, которые ты должен в себе открыть. И Я помогу тебе сделать так, чтобы

они открывались по твоей духовной нужде, сообщая тебя с Сущностями Высшего Мира. Ты становишься космочеловеком. И, поверь Мне, пространство твоих возможностей и твоих психических сил расширится необычайно. А сейчас сиди и ничему не удивляйся.

Секхем почувствовал, как в низу его тела, в копчике, нагревается клубок энергии, совершая плавные обжигающие движения, вихрь которых охватил всю ауру. Жар возник в позвоночном столбе. Запылал живот. Загорелась грудь. Сердце засияло какой-то болезненно-щемящей радостью. Через горло пылающая энергия поднялось к затылку. И мгновенно в голове открылось отверстие, через которое огонь духа поднялся над головой в виде сияющего шара. Секхем ощутил странное состояние — словно он мог видеть все одновременно. Это шар освещал все вокруг, и для него не было тьмы.

— Этот светоч будет сопровождать тебя как в мире земном, так и в мире сновидений. И тебе не будет страшен ни один из врагов. Когда Солнце поднимается, тени уходят. И этот дар делает тебя таким, каким и должен быть Владыка земель Кеми. Спустя многие тысячи лет произошло восстановление истинной традиции воцарения. Живи в счастье, Сын Мой!

Солнце поднималось выше. Голос, наполняющий пространство, затихал. И вместе с его мелодичной силой растворилась гора радужных прозрачных слепков, чьи цвета были едва уловимы.

Все исчезло, но у Секхема осталось ощущение, что вся его голова — это один глаз, видящий во все стороны света, вниз и вверх. И такая голографичность зрения поначалу смущала его, создавая определенные трудности. Но со временем он привык к этому качеству, и даже нашел его не только удивительным, но и полезным для себя. Иногда это зрение затуманивалось под воздействием чувств или плохого настроения. И приходилось постоянно дисциплинировать себя, удерживая в русле здорового оптимизма.

Путешествие Ариси

В окружении фараона Секхема было немало женщин. Но он уже давно осознал, что сердце его целиком и полностью принадлежит вечно-юной Ариси.

Амон неоднократно намекал ему о том, что возможно призвать ее и сделать царицей. Но согласится ли Дева Вавилона, мудрейшая из женщин, достигшая седьмого уровня посвящения в зиккурате, стать его женой? И было немыслимо, что она родит наследника, необходимого землям Кеми, так как ее обет целомудрия был известен своей строгостью. Но Амон посвятил Секхема в то, что интимная связь для зачатия не обязательна. Дух может быть послан в лоно женщины одним лишь взглядом мужчины. Но такая мистерия не может происходить без согласия женщины, тем более посвященной.

Ариси в тонком телепатическом общении обещала подумать над предложением Секхема стать матерью наследника династии. Ведь речь шла не о простом способе воспроизводства, но об удивительном моменте духовного оплодотворения. Это не нарушало законов великих зиккуратов, а сам опыт материнства был ей интересен с духовной стороны.

Ариси испросила благословения Иерархии. Ведь она понимала, что, войдя в сферу воздействия Великих Владык планеты, она уже не может не выполнить их выбор. Это было не принуждением, но избранием на подвиг. И редко кому удавалось стать сотрудником такого уровня.

Дело касалось не только личной жизни Ариси и Секхема — ставка была куда выше. Ребенок, рожденный от Святой Девы, должен был стать если не Спасителем Мира, то, по крайней мере, спасителем государства и очистителем Рода. Отчасти эту роль взял на себя новый фараон. Но в полной мере вернуть доверие народа и мира, полноценное и истинное, должен был его наследник.

Решение Ариси было принято. С дозволения Сол-Амона и Иялуры она собралась в путь. И охрана проводила ее до истоков Нила.

———————————————

Солнце всходило, развеивая прохладу. И Секхем, который в эти часы обычно молился на крыше, внезапно услышал тихий голос Ариси, летящий вместе с порывом ветра по Нилу. «Я иду!» — послышалось ему. И волна душевного тепла наполнила его сердце, а потом захлестнула порывом счастья — настолько, что он едва мог сдержать слезы. «Значит, она все-таки решилась поехать, повторив мой путь».

Спустившись вниз, фараон приказал готовить покои к приезду Ариси.

———————————————

Посольство встретило жрицу Вавилона на египетской земле. Ступив на корабль, она почувствовала, как северный ветер надувает паруса, явившись на зов ее желаний. И почти на протяжении всего пути он способствовал ее быстрейшему прибытию к царю Секхему.

У Ариси не было паланкина, от которого она отказалась изначально. И путешествовала она с относительно небольшой свитой. Но о великолепии ее нарядов и окружения позаботились сами царь и царица Иудеи. Это был тот случай, когда дорогой бриллиант окружают достойной оправой, чтобы дать понять ценность камня.

А в качестве подарка Секхему Сол-Амон поручил Ариси доставить нечто, что должен был открыть сам фараон. Дар этот был помещен в драгоценный ларец и оставлен под присмотром верных людей. Ариси не знала точно, что это, но догадывалась. Ведь подарок должен соответствовать духовному уровню и земному статусу человека, которому он вручается. И Владыка Иудеи, о щедрости и великодушии которого знали все, конечно, об этом позаботился. Эту вещь можно было считать свадебным подарком.

Стремительно неслась большая лодка к далеким Фивам, словно отзывалась на стремление души Ариси обогнать земное время. Ведь только крылья любви помогают одолеть тысячелетия.

Ожидание неведомого

Ариси не хотелось использовать оккультный способ перемещения. Она желала увидеть страну, которой управляет Секхем. Ее связь с Иерархией Вавилона не прекращалась. Но в каждой стране присутствует свой эгрегор Хранителей и Наставников. И как только она миновала границу Египта, то сразу почувствовала это, увидев воочию Великих Богов, хранящих землю Кеми. Теперь они должны будут стать и ее Богами, хотя, по большому счету, нет разницы между Богиней Иштар и Матерью Изидой. Единая мужская и женская энергия порождает культы поклонения Началам. И, несмотря на разные языки и непохожесть ритуалов, молитвы людей возносятся к одному и тому же Алтарю, а посвященные, способные заглянуть за узкорелигиозные границы, знают о едином источнике верований и о том потоке благодати, который исходит оттуда.

Ожидание неведомого события всегда тревожно. Но радость Ариси превосходила опасения. Ведь она так долго не видела Шама, к которому приросла сердцем за годы знакомства с ним. Его отсутствие во дворце царя Сол-Амона ощущалось ею как дефицит общения, поскольку только друг с другом они могли говорить на одном языке и на такие темы, которые могли быть поняты только малым числом людей в Иудее.

Великая мистерия будущего захватывала Ариси и волновала ее. Ведь ей предстояло стать супругой фараона и пройти посвящение в этот статус и венчание на царство. Она должна будет стать законной женой того

человека, который некогда указал будущему царю Иудеи на рабыню в лохмотьях, стоявшую на невольничьем рынке, и таким удивительным образом изменил ее, а также и свою, судьбу. Она полагала, что от бывшего Шама мало что осталось. Но ведь душа его никуда не исчезла, а лишь возросла, воссоединившись с родовым древом Богов Египта.

Любовь Ариси, конечно же, была более духовной и сердечной, нежели плотской. В ней не было грубой похоти и желания обладать Шамом как мужчиной, потому что его душа, чистая, как у ребенка, читалась ею, как открытая книга. Но теперь эту любовь можно будет выражать открыто, без опасения, что кто-то заметит взгляд бесконечно глубокого и нежного обожания.

Обладая мудростью и величайшим знанием, Ариси понимала, что соединение двух начал произойдет в Тонком Мире, а следствия проявятся в земном плане. Наставники успокоили ее, что те строжайшие обеты, которые на нее наложила Богиня Иштар, не будут нарушены. А Сама Богиня, явившись в мысленном пространстве, пообещала, что все будет удивительно и необычно, хотя вполне закономерны те страхи, которые испытывает любая женщина, еще не ставшая матерью.

———————————————

Для Ариси наступил период, пожалуй, самый важный в ее непрекращающемся юном долголетии. Не чудо ли — родить наследника, не входя с мужчиной в интимные отношения? Она знала, что за историю планеты такое случалось не раз. Ведь Богини разных религий были Матерями. И это не умаляло Их святости, а, наоборот, поднимало Их престиж в глазах верующих.

Наставники Ариси рассказывали ей о мистерии зарождения человеческого плода в далекие-далекие времена, когда люди были чисты и наивны, а рядом с ними жила раса могущественных Богов. Боги обладали такой мощью знаний, что умели создавать человекоптиц, человекольвов и другие мутации. А сам первый царь Вавилона, Нимрод, имел голову человека и тело быка.

И кентавры, полулюди-полукони, были созданы таковыми, для того чтобы легче было выносить земное тяготение. Видьядхары, или облачные эльфы, спускались вниз, на землю, из своих небесных городов, вечно прикрытых облаками, чтобы испытать ощущение райского сада. Ведь тогда планета была девственно прекрасной и неописуемо чудесной. А небесное племя Ану, пришедшее с дальних планет, создавало для эльфов физические тела. И эти защитные доспехи, или скафандры, были необходимы, потому что сами первородные были необычайно нежны и хрупки, находясь в своей форме из света, эфира и воздуха и питаясь эссенцией сгущенного аромата, смешанного с парами воды.

В своих снах Ариси видела того ребенка, которого должна будет выносить. Ей показывали его облик и рассказывали о его прошлых перерождениях, о качествах его души и талантах, а также о грядущей судьбе как величайшего из Правителей Мира.

Но, конечно, участие в таком необычном эксперименте все же вызывало удивление. Ведь стать матерью, оставаясь девственницей, — это было трудно вместить даже самому развитому сознанию.

Встреча старых друзей

Встречать Ариси Секхем отправился сам, размышляя по дороге о хитросплетениях судьбы. Почти с самого момента встречи на невольничьем рынке в Яффе он считал Ариси своей сестрой, и даже наставницей. Их великая дружба была сердечной, а духовное притяжение позволяло придворному поэту бесконечно впитывать то знание, которым обладала жрица. Она не должна была вступать брак, но Великим Учителям виднее, что нужно делать для установления равновесия в мире. Ведь для духа такого высокого ранга, который должен вселиться

в энергию их совместной любви, нужно физическое тело особого свойства. И явиться он должен не так, как рождаются все люди.

Около храма Аль-Гораб, где всегда бил родник со студеной водой и пальмы укрывали чистые струи, Секхем остановился, чтобы подождать Ариси. Оставив слуг на берегу Нила, он решил посетить это загадочное место, о котором с древних времен ходили зловещие легенды. Говорили, что здесь безвозвратно пропадают люди и что даже следы их исчезают в определенном месте, называемом Вратами Богов.

Амон говорил, что здесь находится вход в междумирье, откуда можно попасть куда угодно, в любую точку вселенной, и даже астральная труба не нужна будет для этого, так как ходы, очень тонкие и извилистые, дают ускорение любому явлению в этом месте.

Но Секхем сейчас не имел потребности входить в поле неизведанного. Ему нужно было встретить Ариси — достойно и в соответствии со статусом будущей царицы, чтобы начало их новых отношений не было омрачено какой-нибудь нелепой случайностью. И как только он об этом подумал, мелодичный голос вавилонской жрицы произнес:

— Сама наша встреча была счастливой случайностью. Разглядеть в замарашке в нищенских лохмотьях вечно-юную Деву было куда труднее, чем увидеть меня здесь.

Секхем обернулся. Ариси, благоухающая, молодая и улыбающаяся, стояла перед ним в окружении слуг и подруг. Он растерялся, но тут же пришел в себя, выговаривая слугам за то, что не успели ему доложить. Но разве помпезность могла бы заменить искреннюю радость встречи?

Не сдерживая больше себя, Секхем — величественный и могущественный владыка почти всей Африки, добровольно принявшей его власть, — исполненный невиданного счастья свидания с другом, которого давно не видел, или с женщиной, которая была ему дорога по-настоящему, заключил Ариси в объятья. И она

ответила ему тем же. Не было страстных поцелуев, но горячо соединились их сердца. И чувство юной, чистой, неиспытанной любви овладело ими. Лучшей встречи нельзя было и придумать.

Энергия благодати, истекающая из сердец двоих, окутала их плотной огненной спиралью, заключив в крепчайший панцирь. Ариси почувствовала, как возросла энергия Шама, ставшего фараоном. А Секхем ощутил мощь вечно-юной Девы, словно от соприкосновения с ней в него входил ее тысячелетний опыт, протекая по руслам нервов в глубины сердца, в обитель неугасимого духа.

Они нарушили все традиционные правила. Но, по закону Учителей, они уже были обручены и считались мужем и женой — в том браке, где не должно было быть плотских отношений, но лишь слияние духа рождало чистую любовь.

———————————————

Ариси отдыхала во дворе с бассейном, где росли пальмы и деревья, с которых свисали благоухающие цветы, Секхем часто навещал ее, прогуливаясь вместе с ней по этому удивительному для пустыни оазису с зеленым лесом. Иногда к ним присоединялся Амон, Верховный Жрец земель Кеми. Они вспоминали прошлое и, забредая в дебри ушедшего, отмечали те важные моменты, которые отразились на изменениях в их судьбе.

Некогда Ариси, оказав чрезмерное доверие человеку, оказалась на невольничьем рынке. Но не будь этого, она не узнала бы ни владыку Иудеи, ни Шама, ни Амона. И, несмотря на то, что ее статус верховной жрицы седьмого предела зиккурата был пожизненным, она не захотела возвращаться назад.

Сама Богиня Иштар благословила поход Ариси по пустыне и ее замужество. Последнее было немыслимо для жрицы такого ранга, но иногда бывают исключительные и неординарные случаи, которые требуют особого регулирования. И случай с Ариси был именно такого рода.

Каждая совместная прогулка близких людей приносила новую волну любви, которая воспринималась вполне ощутимо. И даже старый Амон заметил, как огненная структура встреч влияет на усиление их психополя.

Подарок царя Иудеи

Торжества и церемония по случаю прибытия Ариси в Фивы были продуманы в соответствии с традициями царского гостеприимства. Вместо ковровой дорожки, путь устилали цветы лотоса, которые тонко благоухали. А при входе во дворец Верховный Иерофант государства, Амон, возложил на голову будущей царицы венок из золотых листьев в знак обручения ее с фараоном Египта.

Вслед за Ариси во дворец внесли подарки от владыки Иудеи, великого друга фараона. Один ларец, запечатанный царской печатью, выделялся среди сундуков с одеждами и золотыми украшениями более скромным видом. Это и был тот личный подарок Сол-Амона, который Ариси должна была вручить Секхему.

Рассматривая дары, Секхем, по природе своей равнодушный к сокровищам, наконец дошел до этого ларца. Взломав печать и открыв его, он увидел что-то круглое, завернутое в белый шелк. А когда он извлек этот предмет, его глаза наполнил чудесный свет. Это был Свет Мудрости — тот гигантский изумруд, который хранился в тайном месте башни, где жил Шам, Друг и Брат царя Иудеи.

«Но как же это возможно? Как же определили, где он лежит?»

На эти вопросы телепатически ответил сам камень:

— Свет Истины может просочиться сквозь любые преграды. Царь увидел зеленый луч.

Солнечное венчание

Апартаменты Ариси, зная ее пристрастие к вечному самообучению и поиску истины, расположили во дворце рядом с собранием книг и свитков. И она не стала долго ждать. Застольям и прогулкам на крыше она предпочла прохладу библиотеки, хотя вместе с Секхемом выходила, чтобы встретить Солнце или полюбоваться звездами.

Ариси уже много слышала о храме Аль-Гораб, посвященном Богу Амону-Ра, в котором было позволительно молиться любым светлым Богам. Ходили слухи, что там есть место, сделанное из огромной кварцевой плиты, откуда можно было переместиться в любую точку земного шара, и даже вселенной, — на любую планету, на которую пожелаешь. И это было бы настолько необычным переживанием, что его, конечно, хотелось испытать.

Но пока Ариси проводила большую часть времени в библиотеке. И Секхем, знавший, что она выдающийся знаток в области языкознания, присоединялся к ней для бесед, когда был свободен от исполнения государственных дел.

Ариси добывала из древних манускриптов такие знания, которые казались неправдоподобными: о цивилизациях, обладавших невероятным могуществом и технологиями; о людях исполинского роста и их летательных аппаратах; о существах механических и созданных рукой человека с помощью скрещивания видов. И, глядя на эту юную девушку, почти ребенка, Секхем никак не мог представить, что она живет на земле уже очень давно и что знания ее неизмеримы.

Но Ариси втайне ждала того часа в астрологическом цикле времен, когда произойдет соединение их энергий в новое существо. А до этого их ждал обряд венчания Солнцем на вершине храма в присутствии Великого Иерофанта и духовных учителей земель Кеми. И это

были не простые служители храмов, а тайные их настоятели, о которых не положено было знать даже жрецам низшего ранга.

———————————————

Восходящее Солнце, едва поднявшись над песками, протянуло два ярких синих луча в сторону стоящих Ариси и Секхема. И в этих лучах жрецы увидели, как две руки протянули венцы и некоторое время держали над головами будущих супругов. От венцов шло невыносимое сияние. А между ними была протянута сияющая дуга наподобие молнии или огненной радуги.

Раздался пространственный громоподобный голос, который входил в каждое земное создание, великое и малое. Он вызывал трепет, торжество и восторг. Сам Господь Ра благословлял новобрачных:

— Будьте счастливы, дети Мои! Во всех мирах пусть радуются соединению ваших сердец, причина которого вам известна. Свет Огненного Мира да благословит вас! Ваша любовь друг к другу чиста. Таковой она и останется. А Мы, Силы Небесные, позволим вам вернуться к той форме зачатия ребенка, которая применялась между Богами. Вы законные супруги с этого момента. И благодать любви да будет в вас и с вами!

———————————————

Состояние невиданного духовного подъема и привхождения необычайной святости ощущалось во всех уголках Кеми. Наблюдая в тот день восходящее Солнце, некоторые видели исходивший от него поток световых фантомов разного цвета, заполнивший все пространство. Кто-то рассмотрел радужные лучи в виде стрел, расходившихся в разные стороны. А кто-то узрел неисчислимое небесное воинство и дивные построения космических городов. Впрочем, все эти явления можно было отнести к миражам пустыни, но состояние души нельзя ни подделать, ни навязать. И это значило, что в земле фараонов произошло очень важное событие.

Присутствовавшие на церемонии солнечного венчания избранные пастыри народа египетского были взволнованы и вдохновлены. Ведь это было непосредственное и реальное явление Божества.

А сами Ариси и Секхем видели тонкие облики Богов и Богинь Египта за спиной Великого Ра, Подателя Жизни. Мать Нейт обнимала их Своими невидимыми крыльями, и розы ослепительно белого, красного и синего цвета, материализованные на Алтаре, были знаком Ее присутствия. Незримая цепь предков и правящих фараонов являлась в Тонком Мире. Сол-Амон и Старец Горы, а также многие достойные духи, мысленно были на свадьбе. Духи сокровищ принесли перстни из царских хранилищ. И даже Шад Великолепный, присутствовавший невидимо, чтобы никого не пугать, положил на золотое блюдо огромную жемчужину.

Свадьба отмечалась всей Мисрой, как называли Египет в древности. Дети Солнца радовались, словно бракосочетание фараона было общим делом всего народа. Мистерия соединения двух сердец была устроена так пышно, что даже старые люди не помнили торжеств, обставленных подобным образом.

Семь дней Египет сиял и звенел от присутствия высшей благодати. Семь дней дары фараона угощали всех жителей городов и маленьких поселений, где раздавались золото, хлеб, пиво и ароматная вода. Ветер благоденствия принес счастье в мир пустыни.

Мистерия в Аль-Горабе

День, выбранный для венчания, не был случайной календарной датой. И первая брачная ночь была благоприятной для зачатия наследника и великого Духа-Хранителя.

Свадебный пир был роскошен. Но ни жених, ни невеста не прикасались к еде и питью. Так было заповедано Учителями накануне мистерии зачатия. Их тела и души должны были быть настолько чистыми, чтобы не помешать великому Духу воплотиться в мире вещей.

Было выбрано и место соединения энергии двух начал. Караван должен был доставить супругов в Храм Аль-Гораб, Алтарь которого, как и древний Алтарь Храма Матери Дживы, перенесенный в Иерусалим, был сотворен из цельного куска хрусталя и являл связь миров, земного и небесного.

Именно туда, в Храм Амона-Ра, почитаемый величайшей святыней во всем мире, и направилась великая процессия, вместе со всеми Мудрецами и Учителями, которые создавали охранительный круг для новобрачных.

В глубине пустыни находился этот древний величественный Храм. Его энергия создала большой оазис, где росли пальмы и финиковые деревья. А разные кустарники у подножия великанов защищали оазис от засыпания песками. Никакая песчаная буря не могла сравнять это великое святилище с барханами.

При Храме находился громадный бассейн с цветущими в нем лотосами, вода в котором была настолько чистой и прохладной, что напоминала родниковую. А может, так оно и было, потому что глубина бассейна была значительной.

Караван встретили и разместили на территории подворья. А Владыке Кеми и его супруге выделили покои рядом с Алтарем.

———————————————

После захода Солнца, когда в открытое в крыше Алтаря отверстие заглядывали звезды, Ариси и Секхем вошли в святая святых и сели лицом к лицу на хрустальной плите, протянув навстречу друг другу руки, но не соприкасаясь ими. Ариси зашептала древнее заклинание любви, а Секхем запел гимн обращения к Матери Нейт, Владычице Небес. В руках супругов появилось нежно-зеленое пламя неопалимого огня, переходящее в синее,

а затем в белое. Идущие от пламен вверх тонкие, почти невидимые, лучи соединились в одной точке, засиявшей как яркая звезда, которую видно было со всех окрестных земель.

Напрягая чувство чистой любви друг к другу, супруги разожгли космическую силу слияния и мысленно соединились в едином восторге зарождения нового существа. Два луча, рубиновый и ярко-синий, слились в одну световую ниточку, которая направилась в центр горящей над ними звезды. И эта сила была такой невыносимо мощной и почти уходящей за пределы разумного влечения друг к другу, что чувства обычного человека были лишь жалким отражением этих мгновений блаженства. Слияние сердец словно поколебало небеса. И наблюдалось смещение и дрожание звезд.

Боги Египта, Владыки Сириуса, чтобы не смущать никого своим присутствием, явились незримо и наблюдали за мистерией рождения их потомка — рождения тем способом, который был принят в их мире.

Звезда над Алтарем внезапно вспыхнула, трансформируя устойчивый цвет в сменяющиеся поочередно световые радужные вспышки. Она начала расти и расширяться, словно внутри происходила какая-то невидимая реакция между веществами. В ее шаре начали появляться вначале цветовые пятна, а затем отдельные чудесные образы, пейзажи невероятной красоты, облики дальних планет и звезд, сияющие лица Ангелов и вечных Божеств. Море невиданных цветов заполнило пространство шара. А потом внутри появилось лицо смеющегося ребенка золотого цвета, которое словно впитало в себя всю красоту вселенной и все то, что способна создать Матерь Мира.

Наконец, стремительно вращающиеся вихри световых змеек стали угасать. Звезда начала опускаться вниз. И в открытые к небу руки родителей опустился прекрасный младенец — маленький мальчик, вокруг которого струилось такое яркое сияние, словно был зажжен гигантский светильник или громадный костер. Руки отца и матери едва удерживали его, словно он был отлит

из золота. Но когда мать взяла его к себе, все пришло в нормальное состояние.

Малыш смеялся. И родители увидели, что у него уже выросли зубы. Он прикоснулся к матери — и произошел невиданный феномен: грудь ее выросла и из сосков стало сочиться молоко. Ариси догадалась, что нужно покормить младенца.

Малыш сосал грудь, поглядывая на мать так разумно, и иногда даже легонько прикусывая сосок, что у Ариси родилось великое чувство материнства, которого она никогда раньше не ощущала, да и не могла ощущать.

А Секхема поздравляли с рождением сына Великие Души. Старец Горы и Владыка Сол-Амон послали в умном пространстве свои приветствия. А Боги, Великие и Незримые, вызвали такой обильный дождь невиданных цветов, что аромат их разнесся вокруг на необъятное расстояние.

Радость Мира

Сын родился, не нарушив естества Ариси, а вызвав в ней лишь некоторые физиологические изменения. И жрица не преступила ту клятву девственности, которую принесла Богине Иштар. По сути дела, дитя было материализовано Высшими Силами.

Об удивительном появлении золотого младенца никто из посторонних не должен был знать. Самые преданные и верные люди, которыми были Раха и Аскер, должны были заняться воспитанием мальчика до определенного времени. Раха приносила сына к матери тайно, чтобы она могла покормить его.

Старый Амон постоянно находился рядом. И без его помощи защитный круг жрецов не был бы так мощен. Только он знал о произошедшем, но и другие служители

ощущали привхождение какой-то новой чудесной силы, прикосновения которой до того никогда не испытывали.

Благоденствие разлилось по всему свету, ибо рожденный от Духа Святого был Спасителем того времени. И даже само его присутствие на планете означало усмирение темных сил на долгие времена.

———————————————

Ребенок начал ходить очень рано. И его осмысленный и пронзительный взгляд поражал окружающих, доставая до самого дна души. А когда мальчик начал разговаривать, первыми звуками, полившимися из его уст, были дивные мелодии песнопения, словно способности его отца передались ему и были унаследованы в полной мере.

Мальчика назвали Рамир, Радость Мира, что было насущно и вполне объяснимо. Золотое сияние сопровождало его. И однажды, когда Сетх послал Нагмануша в виде громадного змея, чтобы уничтожить младенца, Рамир поймал голову пресмыкающегося и сдавил ее так, что тот упал бездыханным, освободив мир от своего присутствия. А змей этот был так силен и огромен, что смог бы уничтожить целое войско. Но воплощению божественной силы он не мог противостоять.

Божество явилось в мир человеческий. И это необычное воплощение повлияло на весь эволюционный ход. Оно принесло в атмосферу мысли невиданный поток новых идей. И они, как метеорная пыль, постепенно опустились в сознание людей.

Константин Устинов

(Владимир Алексеевич Павлюшин)

Сказание о Шабале бен Суффреме

Подписано в печать 24.04.2020
Формат А5. Печать ризографическая
Тираж 200 экз.
Отпечатано в ООО «Арт-бюро»
432017, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 11а
ИНН 7325041316

Для заметок

Для заметок

Для заметок